

HISTORIA ROSSICA

МАЛЬТЕ
РОЛЬФ

**ПОЛЬСКИЕ
ЗЕМЛИ ПОД
ВЛАСТЬЮ
ПЕТЕРБУРГА**

ОТ ВЕНСКОГО
КОНГРЕССА
ДО ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ

ОКРАИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Мальте Рольф

**Польские земли под властью
Петербурга. От Венского
конгресса до Первой мировой**

«НЛО»

УДК 94(438)«17/1917»
ББК 63.3(4Пол)52-95

Рольф М.

Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до
Первой мировой / М. Рольф — «НЛО», — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-1376-8

В 1815 году Венский конгресс на ближайшее столетие решил судьбу земель бывшей Речи Посполитой. Значительная их часть вошла в состав России — сначала как Царство Польское, наделенное конституцией и самоуправлением, затем — как Привислинский край, лишенный всякой автономии. Дважды эти земли сотрясали большие восстания, а потом и революция 1905 года. Из полигона для испытания либеральных реформ они превратились в источник постоянной обеспокоенности Петербурга, объект подчинения и русификации. Автор показывает, как российская бюрократия и жители Царства Польского одновременно конфликтовали и находили зоны мирного взаимодействия, что особенно ярко проявилось в модернизации городской среды; как столкновение с «польским вопросом» изменило отношение имперского ядра к остальным периферийным районам и как образ «мятежных поляков» сказался на формировании национальной идентичности русских; как польские губернии даже после попытки их русификации так и остались для Петербурга «чужим краем», не подлежащим полному культурному преобразованию. Мальте Рольф — профессор Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого (Германия), специалист в области истории Центральной и Восточной Европы.

УДК 94(438)«17/1917»
ББК 63.3(4Пол)52-95

ISBN 978-5-4448-1376-8

© Рольф М.

© НЛО

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ	7
СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ В СВЯЗИ С РУССКИМ ИЗДАНИЕМ	8
СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ	10
Глава I	12
ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЛАСТЬ	12
КОНТЕКСТЫ: ТЕРМИНЫ, КОНЦЕПЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ ¹⁴	20
Глава II	26
РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ, ГЕРЦОГСТВО ВАРШАВСКОЕ И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС (1772–1815)	27
ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ МЕЖДУ ВЕНСКИМ КОНГРЕССОМ И НОЯБРЬСКИМ ВОССТАНИЕМ (1815–1831)	37
ЧИНОВНИКИ, ЦЕНЗОРЫ И ЖАНДАРМЫ: ЭПОХА ПАСКЕВИЧА (1831–1855)	52
СМУТНОЕ ВРЕМЯ: РЕФОРМЫ И ПУТЬ К ЯНВАРСКОМУ ВОССТАНИЮ (1856–1863)	59
Глава III	74
ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПРИВИСЛИНСКИЙ КРАЙ: РЕЖИМ ПОСЛЕ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ (1863–1915)	74
Русификация, деполонизация или внутреннее государственное строительство? О горизонте действия имперских властей	84
Система управления Привислинским краем после подавления Январского восстания	89
ИМПЕРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И «ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР»: НАМЕСТНИКИ И ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОРЫ 1864–1915 ГОДОВ	100
Федор Федорович Берг и Павел Евстафьевич Коцебу	100
Петр Павлович Альбединский	101
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Мальте Рольф
Польские земли под властью Петербурга:
от Венского конгресса до Первой мировой

Памяти моего отца Ханса Рольфа

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

На Английской набережной дул ледяной ветер и стояла кромешная тьма; было раннее утро, но люди, пришедшие за два часа до открытия, уже записывались в очередь в читальный зал Российского государственного исторического архива. В связи с предстоящим переездом РГИА должен был вот-вот закрыться на неопределенный срок, и в старом здании Сената в эти мартовские дни 2005 года царила суматоха, то и дело напоминая мне очерки Джона Рида о Смольном во время Октябрьской революции: словно в улье, где неустанно и на пределе сил трудится огромное количество пчел, хаотичное движение и гудение заполняли пространство между колоннами исторического здания, до 1917 года слышавшего только исполненную достоинства поступь престарелых сенаторов. Именно здесь выступали со своими речами некоторые из главных героев моей монографии, до выхода которой оставалось, когда я сюда пришел, еще десять лет; отсюда они пытались повлиять на судьбу империи и ее западной периферии. Теперь, в 2005 году, каждое утро по импозантной лестнице, созданной Карло ди Росси, топали тяжелые ботинки историков – тех, что мчались наперегонки к последним еще работавшим аппаратам для чтения микрофильмов и своим видом напоминали мне идущие на штурм здания революционные народные массы. В этой невероятно увлекательной обстановке, где исторические слои и образы разных времен накладывались друг на друга, где в плохо освещенном читальном зале прошлое царской эпохи все еще воспринималось как настоящее, я начал архивные изыскания для своей книги. Это было особое, захватывающее очарование первого часа, которое затем сопровождало меня в течение десяти лет и давало силы продолжать проект до конца.

Начавшееся тогда долгое путешествие привело меня во множество других архивов, и по ходу его возникло несколько публикаций, но все же только сейчас, с появлением этого, дополненного русского издания книги, путь для меня завершается. Ведь у авантюрных истоков моего исследовательского проекта лежала идея рассказать «всю» историю Царства Польского под властью России с 1815 по 1915 год, и лишь позже, учитывая сложность того режима господства, который сформировался после Январского восстания (1863–1864), я решил сосредоточиться на второй половине этого столетия. Поэтому я с такой радостью принял предложение Алексея Миллера и российского издательства «Новое литературное обозрение» («НЛО») включить в книгу и разделы о более ранних этапах российского господства на территории прежней Польско-Литовской шляхетской республики: это дало мне возможность представить гораздо более полную картину истории разделенной Польши под управлением Петербурга, и только благодаря этому работа наконец может считаться выполненной.

Таким образом, перед вами нечто гораздо большее, чем простой перевод. Это полностью переработанная книга, содержащая дополнения и совершенно новые акценты, выходящие далеко за рамки предыдущих монографий. Однако, поскольку главы о периоде после 1864 года здесь пришлось в чем-то сократить, мне кажется уместным все же указать и на исходную публикацию – «*Imperiale Herrschaft im Weichselland*», где более пространно цитируется немецко- и англоязычная исследовательская литература, а в приложении даны подробные указатели имен и опубликованных источников. Эти справочные материалы, равно как и всеобъемлющая, дополненная и обновленная библиография, доступны также в Интернете по адресу: <https://uol.de/geschichte/geschichte-europas-der-neuzeit-mit-schwerpunkt-osteuropa/forschungsschwerpunkte/imperiale-herrschaft-im-weichselland/imperiale-herrschaft-im-koenigreich-polen-materialien/> (короткая ссылка: <https://bit.ly/2RX90ZA>).

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ В СВЯЗИ С РУССКИМ ИЗДАНИЕМ

Между 2005 и 2018 годами прошло немалое время, за которое этот исследовательский проект во многом стал более зрелым. Без поддержки множества людей никогда не была бы написана и первая монография – «*Imperiale Herrschaft im Weichselland*», – и свою глубокую благодарность им всем я выразил в немецком издании 2015 года¹. А за публикацию значительно расширенной версии моей книги на русском языке я благодарю прежде всего профессора Алексея Миллера. Он выступил инициатором ее переработки, за осуществлением которой критически наблюдал; он дал мне важные импульсы и позволил сделать совершенно новые акценты. Без него эта книга в такой дополненной форме никогда не была бы реализована, за что я в долгу перед моим уважаемым коллегой и приношу ему свою огромную благодарность.

Но и другие люди потрудились для того, чтобы путь к выходу этой книги не был тернистым и мог быть преодолен так удивительно быстро. Особую благодарность я выражаю фонду ZEIT-Stiftung Ebelin und Gerd Bucerius, который щедро финансировал перевод. Главным куратором этого процесса выступал доктор Фабиан Тунеман; он сыграл важную роль и в параллельном исследовательском проекте «Имперские биографии», из которого я много почерпнул для этой монографии. Профессор Тим Бухен, профессор Брэдли Д. Вудворт, профессор Йорг Ганценмюллер, профессор Михаил Долбилов, профессор Уиллард Сандерленд, доктор Денис Сдвижков, профессор Дарюс Сталюнас, доктор Бенедикт Тондера, профессор Теодор Р. Уикс, профессор Фейт Хиллис, профессор Майкл Ходарковский и Филипп Шедль тоже дали мне важные импульсы в деле переработки и дополнения монографии. Я хотел бы поблагодарить и моих бывших коллег по Бамбергскому университету – за то, что они обеспечили мне среди академических будней необходимую для написания монографии свободу. В особенности Йоханна Грассер оказала мне огромную организационную поддержку: благодаря ее энергичным усилиям моя преподавательская работа в Бамберге была организована так удачно, что я смог параллельно писать эту книгу. Во время поездок в московские архивы я всегда мог рассчитывать на теплый прием и поддержку моего друга Ивана Успенского. Всех коллег, перечисленных выше, я искренне благодарю.

Я очень благодарен переводчику Кириллу Левинсону. Его невероятно внимательное чтение позволило отследить последние нечеткие места рукописи. Его выдающаяся переводческая работа, понятийная точность и чутье к течению речи достойны восхищения. За целеустремленность и неизменно приятное сотрудничество хочу сказать спасибо издательству «НЛЮ» и его сотрудникам. Все они внесли свой вклад в подготовку издания на русском языке.

Не только немецкое издание, но и русское было бы невозможно без поддержки со стороны моей семьи. Я безгранично благодарен Йолите, Йонасу и Лее, а также моим родителям, Хансу и Герти. Они – источник моей жизни, моего творчества, моей радости.

Мне очень грустно, что моему отцу, доктору Хансу Рольфу, не суждено было дожить до выхода этой книги. Он был моим неизменным спутником, опорой и другом на протяжении всех лет нашего совместного пребывания в этом мире. Не только в личной жизни, но и в науке я всегда мог рассчитывать на его советы, его конструктивную критику и внимание к стилю и орфографии. Он прочитал и прокомментировал почти все мои научные публикации еще до их выхода, включая немецкую рукопись, лежащую в основе этой книги. Он сделал так много для того, чтобы язык моих текстов стал лучше, а аргументация – четче и острее. Вместе с матерью он сопровождал меня в моих исследовательских поездках в Москву, Вильнюс,

---

¹ См. предисловие к немецкому изданию.

Воронеж и Новосибирск, принимая живое участие в моих научных трудах, которые проходили иногда в нелегких условиях. Мои родители присутствовали и при рождении этого проекта, бродя с поднятыми воротниками пальто по московским сугробам зимой 2005 года. А созданный ими дом в Гёдесторфе – сказочное место для созерцания и вдохновения, благодаря которому обрели жизнь и форму все мои работы. Как часто именно шум ветра в деревьях, посаженных ими, наводил меня на новые мысли, подсказывал новые углы зрения на то, о чем я писал!

Мой отец умер в июне 2018 года. Эта книга посвящается его памяти.

Бремен, 31 октября – 1 ноября 2018 года

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

(предисловие к немецкому изданию 2015 года)

Эта книга не могла бы возникнуть без поддержки многочисленных коллег, друзей и родственников. Всем им я искренне благодарен.

В первую очередь я хотел бы поблагодарить Йорга Баберовского за внимание и содействие, которые он оказывал моему проекту на протяжении многих лет. Его дружеская поддержка придавала мне силы на долгом пути к завершению книги.

В ходе многочисленных обсуждений я получал комментарии, замечания и предложения по теме моих исследований. Вопросы и критические соображения, высказанные участниками дискуссий, весьма способствовали прогрессу моей работы и позволили ей стать такой, какой она в итоге получилась. Я хотел бы сказать спасибо прежде всего Дитриху Байрау, Яну Берендсу, Роберту Блобауму, Тиму Бухену, Кате Владимиров, Рикарде Вульпиус, Мирьям Галлей, Йоргу Ганценмюллеру, Клаусу Гестве, Кристофу Гумбу, Михаилу Долбилову, Агнешке Заблочкой-Кос, Андреасу Каппелеру, Томашу Кизвальтеру, Роберту Киндлеру, Ханне Козиньской-Витт, Мартину Кольраушу, Клаудии Крафт, Яну Кусберу, Александру Мартину, Алексею Миллеру, Игорю Нарскому, Яну Пламперу, Роберту Пшигродзкому, Корнелии Рау, Габору Риттершпорну, Дарюсу Сталюнасу, Марку Стейнбергу, Теодору Уиксу, Давиду Феесту, Йорну Хаппелю, Лукашу Химяку, Ульрике фон Хиршхаузен, Майклу Ходарковскому, Бенъямину Шенку, Феликсу Шнелю, Вальтеру Шперлингу и Лоре Энгельштейн.

Важные рекомендации по окончательной доработке диссертационного исследования для превращения его в книгу дали мне рецензенты, представившие отзывы на диссертацию, а также редакторы серии «Системы порядка». Я очень благодарен Йоргу Баберовскому, Ханнесу Грандиту, Николаусу Катцеру и Ансельму Дёрингу-Мантойффелю за тщательное и критичное прочтение моей рукописи.

Благодарю я также тех многочисленных людей, которые оказывали мне содействие во время моих исследовательских поездок в Варшаву, Вильнюс, Петербург и Москву, особенно моего друга Ивана Успенского, уже не впервые помогавшего мне. Хочу далее поблагодарить Немецкое исследовательское сообщество, без финансовой поддержки со стороны которого мне не удалось бы осуществить эти поездки в архивы, а также Фонд Фрица Тиссена и Фонд «Фольксваген», которые финансировали две конференции, проведенные в рамках моей работы по теме исследования.

Корнелия Райхельт, Ханс Рольф, Йоханна Грассер, Доротея Хюльс и Филипп Шедль взяли на себя труд вычитать рукопись и – порой в условиях острого дефицита времени – с замечательным вниманием и терпением проверили текст, насчитывавший первоначально более восьмисот страниц, а также верстку немецкого издания книги на предмет ошибок в изложении мыслей и в правописании.

Но самую важную и прекрасную поддержку в те годы, пока проводил исследование и писал свою работу, я получил от своей семьи. Йолита, Йонас и Лея – мое самое большое счастье. Они дают мне силы, чтобы работать, и смех, чтобы подниматься над жизнью. Я бесконечно благодарен им за их терпение и за радость, которую они приносят мне каждый день.

Моя особая благодарность – моим родителям, Герти и Хансу. Их сердечность, их щедрая и неустанная помощь, их заразительная жизнерадостность и их необыкновенные взгляды на все стороны жизни создавали атмосферу, в которой работа над рукописью шла легко; иногда она вообще только благодаря ей и шла: значительную часть этого исследования я написал,

укрывшись от суеты будней в их деревенском доме. С чувством большого счастья и глубокой благодарности я вспоминаю о том, как много они сделали для меня, моей жизни и моего творчества. Им посвящается эта книга.

Бремен, 31 октября – 1 ноября 2014 года

Глава I **ВВЕДЕНИЕ**

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ВЛАСТЬ

День 22 декабря 1913 года мог бы стать для Варшавы праздничным: предстояло торжественное открытие третьего моста через Вислу, строительство которого, длившееся почти десять лет, было наконец завершено. Выглядело это сооружение впечатляюще, однако праздничного настроения в городе не ощущалось. Дело было не только в зимней стуже и тьме. Церемонию омрачал конфликт между царской бюрократией и варшавянами по поводу того, какому епископу должна была выпасть честь освятить виадук: русскому православному или римско-католическому? Поскольку имперские власти воспротивились участию католического священнослужителя в церемонии, значительная часть приглашенных представителей варшавской элиты бойкотировала торжество. В городе ходили слухи и о других, более радикальных актах протеста, поэтому местные органы охраны порядка приняли повышенные меры безопасности. В итоге торжественное открытие моста прошло мирно, но даже один из царских чиновников отметил, что спор все же очень подпортил праздник².

Мост через Вислу стал результатом успешного сотрудничества центральных властей Российской империи, варшавской муниципальной администрации и части польской экономической и технической элиты. Но конфликт по поводу символической иерархии конфессий на церемонии открытия показывает, насколько хрупким был подобный консенсус в Царстве Польском. Мнения расходились, и весьма значительно, даже по вопросу о том, кому принадлежала изначальная идея постройки моста, призванного модернизировать Варшаву. С точки зрения польской общественности, этот проект был профинансирован из средств города и за счет налогов с горожан. На взгляд же чиновников, строительство инициировали, реализовали и обеспечили посредством правительственного кредита российские власти. В зависимости от интерпретации одни считали, что приоритет на церемонии открытия следовало отдать католическому священнослужителю, другие – что православному.

Но на самом деле в этом споре о главенстве церковных сановников речь шла и о гораздо более принципиальных претензиях на гегемонию в Царстве Польском и его столице. В символической борьбе, разгоревшейся в 1913 году, сфокусировались многочисленные конфликты, в сумме составлявшие тот антагонизм, что был характерен для существования польских земель под властью России на протяжении многих десятилетий. Речь шла о фундаментальном вопросе: кто имеет законное право управлять этой провинцией? Кому, как выразился чиновник, комментировавший конфликт вокруг моста, «принадлежат» Царство Польское и город Варшава?³ Здесь проявилась та конфронтация между бюрократией и населением, под знаком которой происходила вся повседневная коммуникация в местном конфликтном сообществе со времени разделов польско-литовской шляхетской республики в XVIII веке и восстановления Царства Польского на Венском конгрессе 1815 года и которая после поражения Январского восстания 1863 года обрела новое качество. Что породило этот антагонизм? Какие формы он принимал на протяжении столетия между 1815 и 1915 годами, и особенно после Январского

---

² Archiwum Państwowe m. st. Warszawy [далее – APW]. Т. 24 (Warszawski Wydział dla Ochrony Porządku i Bezpieczeństwa [далее – WWO]). Sygn. 263. Kart. 1–6, здесь kart. 5v.

³ APW. Т. 24. Sygn. 263. Kart. 5v.

восстания? Какие изменения он претерпевал и кто в нем участвовал? Поиску ответов на все эти вопросы посвящена данная книга.

Тем самым здесь будет поставлен и фундаментальный вопрос о формах, структурах и акторах господства над территориями, подвластными многонациональной Российской империи на позднем этапе ее истории, ведь взаимодействие бюрократии и населения в польской провинции, включая их многочисленные конфликты, позволяет увидеть, как была устроена царская Россия в целом и каковы были движущие силы ее трансформации на протяжении «долгого» XIX века. На примере «Привислинского края»⁴ можно увидеть всю сложность такого многонационального и многоконфессионального государственного образования, каким была Россия, и основные проблемы управления этой многонациональной империей, напоминаяшей – особенно на периферии – лоскутное одеяло, составленное из множества областей с особым правовым режимом. Становятся видны как та интегративная функция, которую удавалось выполнять империи, так и ее нарастающая хрупкость. Появляется возможность рассказать историю повседневной практики осуществления имперской власти и показать, как эта власть налагала свой отпечаток на социальные и культурные структуры одной из важнейших провинций государства. В книге будет описана полная противоречий и конфликтов коммуникация между сановниками и подданными, которая за десятилетия российского владычества над Польшей с конца XVIII по начало XIX века знала многочисленные моменты как нарушения заданных границ, так и консенсуса и сотрудничества.

В центре повествования будут находиться петербургские административные элиты. Именно они разрабатывали для чиновников правила работы в условиях гетерогенности подвластного населения, и они же на периферии репрезентировали притязание царя на власть и осуществляли на практике имперский режим правления. В Царстве Польском гегемония этих государственных функционеров была особенно ярко выражена, поскольку здесь руководящие должности в местной администрации после Январского восстания занимали исключительно чиновники неместного происхождения, назначаемые царем и его министром внутренних дел, а все органы местного самоуправления были ликвидированы. Исследование их административных практик, их внутренней и внешней коммуникации и их представлений о самих себе позволяет нарисовать социальный портрет этих важнейших носителей имперского господства в одной из важнейших провинций России.

В том, что Привислинский край играл ключевую роль в общей конструкции Российской империи, сомневаться не приходится. Из всех ее периферийных регионов Царство Польское обладало самым большим населением, самым важным военно-стратегическим и экономическим значением⁵. Будучи западным форпостом державы, находясь в непосредственном соседстве и конкуренции с частями Польши, отошедшими к Австрии и Пруссии, этот многонациональный и многоконфессиональный край во многом представлял собой ту лабораторию империи, где испытывались, апробировались или забраковывались, а отчасти и изобретались практики укрепления власти и интеграционные концепции⁶. Поэтому Царство Польское зани-

---

⁴ С 1864 года эта территория, как правило, называлась Привислинским краем: правительственные инстанции царской России стали избегать всякого указания на самостоятельную польскую традицию государственности. Вместе с тем даже во внутренней переписке правительственных ведомств отчасти продолжали использовать название «Царство Польское». В настоящем исследовании эти два понятия употребляются как синонимы.

⁵ В Царстве Польском на момент переписи населения 1897 года было более 9,4 млн жителей. Плотность населения здесь была значительно выше, чем в остальной империи, а Варшава с ее почти 700 тыс. жителей была третьим по величине городом страны.

⁶ Эта функция колоний как лабораторий изучена историками на материале самых разных областей. Применительно к Российской империи следует указать на работы: *Mogilner M. Russian Physical Anthropology of the Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Imperial Race, Colonial Other, Degenerate Types, and the Russian Racial Body* // Gerasimov I., Kusber J., Semyonov A. (eds). *Empire Speaks Out. Languages of Rationalization and Self-Description in the Russian Empire*. Leiden, 2009. P. 155–190; *Могильнер М. Homo Imperii. История физической антропологии в России (конец XIX – начало XX в.)*. М., 2008; *Sahadeo J. Epidemic and Empire. Ethnicity, Class, and «Civilization» in the 1892 Tashkent Cholera Riot* // *Slavic Review*. 2005. Vol. 64. No. 1.

мало особое место в стратегических и программных соображениях и решениях петербургских властей, и это тоже одна из причин, по которым исследование того, как Российская империя им правила, позволит лучше понять, какими способами она вообще инкорпорировала и трансформировала свои окраинные владения, как они, со своей стороны, влияли на государство в целом и как в конечном счете это взаимовлияние создавало угрозу для стабильности последнего⁷.

Хронологические и географические рамки исследования определяются тем, что многослойность, противоречивость, но вместе с тем и фундаментально важные особенности имперского контекста удастся выявить в нужной мере только путем плотного описания специфического, «ситуационного» комплекса взаимодействий. Именно такой «ситуационный подход» даст возможность описать хаотичное нагромождение структур и акторов, взаимосвязь их интересов и представлений о себе, а благодаря этому подступиться к раскрытию взаимных воздействий центра и периферии империи во всей их сложности⁸. При таком взгляде обнаруживается проблематичность территориального и хронологического подхода, наблюдаемого в традиционных национальных историографиях: там конструируются сущности, обладающие большой длительностью, которые исторически не существовали или – как в случае с разделенной Польшей – на длительное время были выведены из игры. Вместо них при «ситуационном подходе» выявляется то определяющее значение, которое приобрели границы, проведенные империями, и поставленные в каждой из частей поделенной Польши административные структуры и акторы. Рассечение ее территории и истории, усиленно проводившееся царскими властями, задавало условия, в которых протекали локальные процессы. Поэтому настоящее исследование сосредоточено на Привислинском крае – территориально-административном образовании, возникшем по милости русского царя, и на периоде между переломными в его истории 1864 и 1915 годами. История установления и закрепления власти Петербурга над польскими землями в 1772–1863 годах также рассматривается в книге, однако в центре внимания все же будет Польша после Январского восстания, прежде всего – Варшава, центр управленческой бюрократии и зона повышенной плотности взаимодействия между имперской администрацией и местным населением⁹.

В книге будут рассмотрены *шесть тематических полей*. Административный аппарат, который царские власти создали после восстания 1863 года, чтобы вернуть себе контроль над взбунтовавшейся провинцией, и который просуществовал до конца российского господства в Привислинском крае (1915), образует *первое и важнейшее* из них. Здесь будут выявлены структуры и внутренние логики государственного управления, представлены портреты важнейших акторов этой системы. В результате возникнет картина многослойной и гетерогенной бюрократии пореформенной эпохи, однако механизмы ее функционирования удастся понять, только если мы будем рассматривать ее в сравнении с теми попытками Петербурга целиком охватить и пронизать Польшу своей властью, которые предпринимались до 1863 года. Поэтому

Р. 117–139.

⁷ Например, в годы царствования Александра III 30% всех резолюций, подписанных императором по представлению Комитета министров, касались польских провинций. См.: *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999. С. 215.

⁸ Об этом см. интересные размышления Алексея Миллера: *Miller A.* The Romanov Empire and Nationalism. Essay in the Methodology of Historical Research. Budapest, 2008. P. 10–20 [см. рус. изд. этой кн.: *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006]; *Idem.* Between Local and Inter-Imperial. Russian Imperial History in Search of Scope and Paradigm // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History.* 2004. Vol. 5. No. 1. P. 7–26. Похожее направление мысли встречаем мы и в следующей работе: *Маузо К.* Генерал-губернаторства в Российской империи. От этнического к пространственному подходу // Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М. (ред.). Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань, 2004. С. 427–458.

⁹ Принципиальное различие между Привислинским краем и так называемыми западными губерниями – более крупной частью польско-литовских земель, оккупированных или инкорпорированных Россией после разделов XVIII века, – обсуждается в главе «Структуры, акторы и сферы российского владычества в Царстве Польском после 1863 года».

в книге целая глава – «Установление российского владычества над восточной частью разделенной Польши (1772–1863)» – посвящена подробному описанию того, как после разделов Польши в 1772-м и 1795-м, а также после Венского конгресса 1815 года российские власти покоряли польские земли, управляли ими и интегрировали их в Российскую империю. В первые десятилетия петербургского владычества уходят корнями многие процессы, характерные для всего периода до 1915 года, а с другой стороны, сопоставление с этой ранней фазой позволяет в полной мере оценить радикальность перелома, произошедшего в 1863–1864 годах. Период после Январского восстания характеризовался совершенно новой амбивалентностью: с одной стороны – профессионализация управленческого аппарата, с другой – сохраняющиеся сети аристократических и патрон-клиентских связей. В многочисленных коллизиях, имевших место внутри администрации, проявлялся и конфликтный потенциал взаимоотношений между центральными и периферийными инстанциями. На конкретную реализацию власти в окраинных провинциях империи такие споры о компетенциях оказывали самое непосредственное воздействие.

Особое внимание в исследовании уделено институту наместника (с 1874 года – генерал-губернатора) как верховного имперского чиновника в Привислинском крае. Человек, занимавший этот пост, играл главную роль в осуществлении власти Петербурга над польскими землями: именно он формировал управленческие практики на местах и одновременно оказывал влияние на принятие решений в центральных органах. Будучи непосредственным представителем царя, имеющим обширные полномочия, он обладал большой свободой действий в том, что касалось претворения в жизнь имперской политики. Стиль руководства, предпочитаемый тем или иным генерал-губернатором, позволяет увидеть и те разнообразные, изменчивые возможности выбора политической стратегии и тактики, которые имелись в распоряжении функционеров того периода. Мероприятия, нацеленные на предотвращение восстаний и на усиление централизации, директивы по «русификации» или «деполонизации» провинции и ее администрации, а также попытки найти некий *modus vivendi* с местным населением находились друг с другом в сложном отношении взаимного влияния и напряжения, которое провоцировало трения между разными государственными чиновниками и учреждениями. Воссоздав панораму этих практик господства, мы сможем сделать более общие выводы о том, как осуществлялась в Российской империи после 1860 года имперская власть, каковы были ее техники, концепции, стратегии и парадоксы.

Основные структурные признаки имперского административного аппарата в Царстве Польском определяли и констелляции тех конфликтов, которые разыгрывались между царской бюрократией и местным населением. Они образуют *вторую главную тему* настоящего исследования. Техники имперского господства обретали свою конкретную форму только во взаимодействии с жителями покоренной провинции. Это относится уже к периоду между разделами Польши и Январским восстанием, но после 1864 года проявилось в особенно сильной степени, потому что интенсифицировавшиеся попытки властей добиться гегемонии Петербурга в Привислинском крае, гегемонии в небывалых прежде масштабах, осуществлялись не в виде одностороннего действия, а во взаимозависимости с действиями и реакциями польских и еврейских подданных. Таким образом возникло конфликтное сообщество, в котором акторы-антагонисты пребывали в постоянной коммуникации друг с другом, и в столкновениях между ними происходили многочисленные процессы обмена и диалога¹⁰. Основную структуру и динамику конфронтации задавало стремление Петербурга не допускать местное население к решающим постам в администрации Царства Польского. Присланная из столицы бюрократия все время противостояла местному населению как некая внешняя сила. Практически ничего не меняло в этом и то обстоятельство, что некоторые из чиновников, прослужив в Привислинском крае

---

¹⁰ См. также: Křen J. Konfliktgemeinschaft. Tschechen und Deutsche 1780–1918. München, 1996.

много лет и побывав в разных его губерниях, делались экспертами по управлению периферией империи.

В книге представлены такие примеры взаимодействия и конфликта, которые можно считать характерными. Царская цензура и государственная политика в области образования и религии, а также административные практики в крупном современном городе – Варшаве – позволяют увидеть, как петербургская власть осуществлялась в повседневной жизни Польши. Вместе с тем эти примеры показывают, насколько сильно «особые условия» Царства Польского, о которых часто говорили современники, влияли на бюрократические практики, причем именно в те длительные периоды, для которых вооруженное противостояние и экстраординарный уровень насилия не были главными признаками. В будничных конфликтах между жителями Привислинского края и чиновниками проявлялись многочисленные связывавшие их взаимные воздействия, а также формы и границы сотрудничества между различными этническими и конфессиональными группами. Мы увидим паттерны и пространства такого сотрудничества, равно как и зоны, где оно было невозможно; увидим своего рода параллельные миры, равно как и моменты, когда границы между ними нарушались. В описываемых событиях проявляется также столкновение репрессивных сил и мер одной стороны с непокорностью и сопротивлением другой, включая вооруженные восстания. Кризисная ситуация 1905–1914 годов служит прекрасным свидетельством того, что эти, весьма непохожие друг на друга паттерны взаимодействия достаточно часто сосуществовали. Подавление восстания вооруженной силой и расширение легальной польской публичной сферы были не двумя противоположностями, а процессами, протекавшими одновременно и, более того, обуславливавшими друг друга.

Революция 1905–1906 годов не только временно поставила под угрозу как самодержавие, так и российское господство над Привислинским краем: для многих процессов и конфликтов, которым суждено было определять облик последнего предвоенного десятилетия империи, революция выступила катализатором. Волнения, сотрясавшие систему, побуждали правительственные инстанции вырабатывать новые стратегии удержания власти. Помимо этого, они создавали новые политические и общественные условия для осуществления имперского господства и для артикуляции общественного мнения, создавали новые форумы для представительства политических интересов. Поэтому революции 1905 года и ее последствиям отведена в книге отдельная часть, посвященная хронологии бурных событий данного периода. Это необходимо, потому что революционная динамика и связанная с ней эскалация насилия требуют хронологического рассмотрения генезиса конфликта, того, как отдельные столкновения превратились в революцию, полностью охватившую все польские провинции.

Не в последнюю очередь именно революция выявила, насколько сильным было формирующее воздействие, оказываемое властью Петербурга с 60-х годов XIX века на общественные образования в Царстве Польском и на выдвигавшиеся ими политические требования. Тем самым мы подошли к разговору о *третьем тематическом поле* нашего исследования: на примере Привислинского края здесь будет продемонстрирована имперская власть как формирующий фактор. Еще до 1863 года она налагала отпечаток на общественную жизнь в Царстве Польском, а после разгрома Январского восстания ее влияние достигло невиданных прежде размеров: интенсифицировавшийся рост административных аппаратов самодержавной власти, увеличение численности их персонала и бюрократические распоряжения, издаваемые или выполняемые ими, оказывали глубочайшее воздействие на политические, социальные и культурные процессы в регионе. Рождавшиеся во взаимодействии между бюрократией и населением практики имперского господства надолго определяли как эволюцию социально-культурного ландшафта польских провинций, так и направление линий конфликта между государством и обществом. В эффектах административных практик царских управленцев, даже в непреднамеренных или противоречивших изначальным намерениям, обнаружи-

вается это формирующее действие – закладывание рамочных условий, в которых протекала трансформация локальной социальной жизни и культуры.

То же относится и к представлениям административных элит о самих себе, образующим *четвертую главную тему* книги. Эти их представления отнюдь не основывались на каких-то устойчивых, неизменяемых верованиях и знаниях, а очень сильно зависели от взаимоотношений человека со средой – самовосприятие русских чиновников очень сильно зависело от восприятия их польским окружением, а потому было подвержено непрерывным изменениям. Формы взаимодействия, практиковавшиеся в конфликтном сообществе Царства Польского, оказывали определяющее влияние на «образ Я» правительственных чиновников, служивших там. Настоящее исследование призвано реконструировать ментальные горизонты функционеров самодержавия и показать, как эти горизонты изменялись в условиях, когда поляки и евреи ставили под сомнение легитимность российского присутствия в Привислинском крае. Направлявшие деятельность правительственных чиновников концепции и системы понятий возникали в ситуации, где логики административных аппаратов, политический опыт акторов и динамика их взаимодействий с местным населением (достаточно часто немирных) меняли друг друга. Представления чиновника об империи, о том, что составляет ее основной характер, что ей угрожает и какова его собственная роль в поддержании порядка, зависели от того, как протекало его общение с местным населением, сопровождаемое многочисленными конфликтами. На проекты идентичности петербургских функционеров, присланных в польские губернии, влияло и то, как их воспринимало тамошнее католическое и иудейское окружение, какой образ «русского» был у поляков и евреев. Критерии для определения культурных различий и выстраивания иерархии подданных империи, входящих в нее народов, формировались у этих людей в ходе отграничения самих себя от польского Другого. Устойчивость конфессиональной парадигмы, используемой при определении разницы, и характерный для Привислинского края скепсис по отношению к мечтам славянофилов и панславистов о «сближении» и «слиянии» объясняются не в последнюю очередь той конфликтной обстановкой, что была характерна для Царства Польского как для пространства жизненного опыта российских чиновников.

Одновременно представители петербургского правительства своим поведением и самим своим видом формировали у поляков и евреев представление о том, что такое Российская империя и «русское владычество». Символы и ритуалы, отражавшие культуру различий и дискриминации, служили повседневными подтверждениями этой чужести русских и, с другой стороны, непосредственно влияли на формирование у поляков и евреев представлений о том, что значит быть поляком или евреем. Ставившие империю под вопрос проекты современных этнических наций, складывавшиеся начиная с 90-х годов XIX века новые формы общественной организации и все более внятно выражаемые требования политического участия и самоопределения были теснейшим образом связаны со структурами и практиками того господства, которое осуществлял в Привислинском крае Петербург. Однако и здесь не все сводилось к конфронтации: во многих случаях возможны были переходы в обоих направлениях через черту, разделявшую властвующих и подвластных. Поэтому в книге уделяется внимание и тем польско-еврейским кругам, которым империя давала шанс сделать карьеру, повысить социальный статус, завести дело и которые начинали смотреть на Россию в целом не как на оккупационный, угнетательский режим, а более позитивно.

Помимо этого, формирующее действие конфликтного сообщества в Привислинском крае можно хорошо увидеть, рассматривая складывание имперского общества в польских провинциях и, прежде всего, в Варшаве. Очерк социального и культурного мира этой имперской публики представляет собой *пятую тему* книги. Круг тех лиц, которые считали самих себя представителями империи, отнюдь не ограничивался одной только узкой группой чиновников царской бюрократии: в период после восстания 1863 года в Варшаву переселилось множество людей, не являвшихся государственными чиновниками в строгом смысле слова, однако

являвшихся в собственном понимании членами большой имперской общности. Некоторые из них – ученые, инженеры или статистики – состояли на государственной службе, но в своей деятельности не руководствовались этим статусом, а выступали как частные лица. Другие – торговцы недвижимостью, адвокаты, публицисты или издатели – пытались обосноваться в Варшаве и завести там собственное дело. Члены этой имперской диаспоры, преимущественно православные, населяли «параллельную вселенную» – русскую Варшаву – и сформировали самостоятельный городской культурный ландшафт, почти полностью изолированный от мира, в котором жили их соседи-поляки или евреи.

Маркирование отличия от неправославной, «иноверческой» городской среды и провозглашение собственного верховенства по отношению к ней служили для обитателей этого русского анклава мощным стимулом к тому, чтобы, с одной стороны, размышлять о сущности своего отличия от нерусских, а с другой – требовать для себя привилегированного положения среди других жителей империи. И здесь тоже революция 1905 года послужила катализатором, усилила позиции тех, кто выступал за радикальный переход от имперского принципа к национальному. В этот момент, если не раньше, обнаружились и те трения, что существовали между петербургским правительством и имперской общиной в Варшаве. Управленческая элита многонациональной империи, отличавшаяся много- и наднациональным характером, вызывала недовольство со стороны националистически настроенной общественности, которая все больше ставила знак равенства между «имперским» и «русским». Как станет видно из дальнейшего изложения, это в канун войны породило для царской бюрократии дополнительную проблему.

Сказанное относится не только к Привислинскому краю, но и к другим перифериям Российской империи и к ее центру – Петербургу. Однако Царство Польское во многих отношениях представляло особый случай в имперском контексте: происходившие там конфликты оказывали воздействие на остальную территорию империи и на ее столицу. Эта взаимосвязанность польских земель с другими окраинными территориями России и Петербургом – предмет рассмотрения в *шестом тематическом блоке* книги. Нередко польским провинциям доставалась роль испытательного полигона, где опробовались реформы и техники управления, которые в будущем должны были распространиться на всю империю¹¹. Этому в значительной мере способствовал и принцип ротации в системе государственного управления. Чиновники, обладавшие опытом службы и конфликта, приобретенным в Привислинском крае, часто служили в других окраинных районах России. Будучи экспертами по периферии, они занимали руководящие должности в приграничных губерниях, а некоторые дослужились и до постов в центральных органах власти в Петербурге. Вместе с этим персоналом циркулировало по стране и знание о тех практиках господства, которые хорошо зарекомендовали себя в Царстве Польском. Так чиновники с имперской биографией переносили из провинции в провинцию и с периферии в центр представления о конфликтах и концепции их «разрешения».

Привислинский край был «рассадником»¹² конфронтации, которая в значительной мере способствовала размыванию авторитета наднациональной правящей династии. Это касается отнюдь не только революционных деятелей польского или еврейского происхождения: имперские чиновники и, прежде всего, представители варшавской русской общины высказывали в общероссийских дискуссиях свое мнение по «польскому вопросу». Они транслировали образы «мятежных поляков» и «русского форпоста на Висле», «борьбы народов» на западной периферии империи, а также, не в последнюю очередь, – образ империи, иерархически поде-

---

¹¹ Наиболее показательным примером является, конечно, Конституция 1815 года, которая гарантировала Царству Польскому особое положение и обеспечила его превращение в экспериментальную лабораторию для alexандровских конституционных реформ. Подробнее об этом см. главу II.

¹² См.: [Анонимная публикация.] Политические итоги. Русская политика в Польше. Очерк Варшавского публициста / Пер. с польск. Лейпциг, 1896. С. 19.

ленной на «ядро» и «окраины». Некоторые из этих людей вели активную публицистическую деятельность, обращаясь к широкой общественности внутренних регионов страны. «Варшавские годы» – частый топос в публицистических текстах, в которых функционеры и глашатаи общественного мнения, прошедшие испытание пограничьем, пропагандировали концепции усиления национального момента в империи. Эти эксперты по чужести, приобретшие свой опыт на польской окраине, все больше задавали тон в политических дискуссиях по «национальному вопросу» в Санкт-Петербурге и пробивались в соответствующие публицистические издания и политические партии, тем самым способствуя «провинциализации» столичного рынка общественного мнения в Российской империи¹³. Такие взаимовлияния между провинцией и метрополией свидетельствуют о тесных связях, существовавших между периферией и центром.

Изучая российское господство в Царстве Польском на протяжении «долгого» XIX века, можно лучше понять те трансформационные процессы, которые характеризовали империю в целом на позднем этапе ее существования. Задача книги не в том, чтобы просто описать, как Петербург управлял одной из многих провинций своей державы: используя польский материал в качестве примера, книга поднимает фундаментальный вопрос о том, как формировалось имперское господство в этом многослойном и меняющемся переплетении административных аппаратов и методов управления, представлений акторов о своем месте в них, концептуальных горизонтов акторов и их конкретного опыта, встреч и конфликтов на местах. Кроме того, в книге ставится вопрос о долгосрочных последствиях, которые имела эта констелляция власти, воздействовавшая и на местные процессы, и на то, какое место данная власть занимала в структуре империи в целом. Здесь проявляются неоднородность Российской империи, многослойность акторов, стремления к интеграции, а также силы, которые взрывали систему изнутри. Ибо общий принцип таков: вся сложность управления полиэтничными империями становится нам видна только в таких, местных конфликтных сообществах.

---

¹³ Об этом см. тезисы: *Chakrabarty D. Provincializing Europe. Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton, 2000.*

КОНТЕКСТЫ: ТЕРМИНЫ, КОНЦЕПЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ДИСКУССИИ¹⁴

В книге рассматриваются элиты Российской империи и самой западной ее провинции – Царства Польского. Основное внимание уделяется тому небольшому и закрытому кругу наиболее высокопоставленных чиновников – как правило, это были обладатели четырех высших классов по Табели о рангах, – которые, служа в правительственных инстанциях в Санкт-Петербурге и в местной администрации Привислинского края, определяли направление и реализацию имперской политики в отношении польских земель. Необходимо сразу сказать, какой смысл вкладывается в книге в понятие «российское владычество» (и в употребляемые синонимично с ним понятия «царская власть», «петербургская власть», «имперское господство»). Речь не идет об очередной попытке втиснуть столь многоликое и переменчивое образование, как Российская империя, в тесные рамки строгого определения. Скорее тут будет отмечен ряд важнейших для замысла этой книги рассуждений, высказывавшихся в ходе многочисленных дебатов об империи и имперскости. Некоторые выводы «новой имперской истории» (*new imperial history*) открыли новые перспективы для изучения российского присутствия в Царстве Польском. В том, что касается отношений между центром в Петербурге и польскими перифериями, невозможно констатировать ни четкой дихотомии «столица vs провинция» с характерным для нее иерархическим неравенством, ни якобы однозначного «колониального проекта» – например, в форме программы «русификации». В Привислинском крае существовали тесные взаимосвязи, отношения обмена и взаимодействия, иерархии были подвижны и постоянно становились предметом все новых и новых торгов и переговоров; здесь конкурировали множественные, в высшей степени непохожие друг на друга представления об интеграции провинций в структуру империи и о полноте проникновения в них власти центрального аппарата; здесь содержание споров вокруг «польского вопроса» формировалось в ходе контактов и конфликтов между периферийными и центральными акторами¹⁵.

Сказанное подводит нас к теме формирующего воздействия, которое имперское господство отказывало на подвластное общество. Ведь констелляции сил и процессы обмена в рамках описываемого здесь конфликтного сообщества определяли не только социальные, экономические и политические структуры Привислинского края. Они накладывали неизгладимый отпечаток и на культурные образы «себя» и «другого», существовавшие в сознании участников описываемых отношений. Имперские техники господства редко срабатывали так, как задумывали их поборники, но заложенные в их основу принципы включения и исключения приводили к тому, что под влиянием этих техник менялись рамочные условия, в которых люди встречались и разрешали свои конфликты.

Именно по этой причине внимательное рассмотрение того, как люди описываемой эпохи контактировали друг с другом, как осуществлялась между ними культурная коммуникация со всеми ее «продуктивными недоразумениями», имеет важнейшее значение, если мы хотим узнать что-то о том динамическом процессе, в ходе которого акторы приписывали себе и другим те или иные характеристики, намерения и действия. В числе прочего тут были важны и пограничные, амбивалентные зоны контакта, в которых столкновения между индивидами

---

¹⁴ Более полная библиография по этой теме содержится в работе: *Rolf M. Imperiale Herrschaft im Weichselland. Das Königreich Polen im Russischen Imperium (1864–1915)*. München, 2015.

¹⁵ См., в частности: *Hall C. Civilising Subjects. Metropole and Colony in the English Imagination, 1830–1867*. Cambridge, 2002; *Stoler A. L., Cooper F. Between Metropole and Colony. Rethinking a Research Agenda* // *Stoler A. L., Cooper F. (eds). Tensions of Empire. Colonial Cultures in a Bourgeois World*. Berkeley, 1997. P. 1–56; *Wilson K. Introduction. Histories, empires, modernities* // *Wilson K. (ed.). A New Imperial History. Culture, Identity, and Modernity in Britain and the Empire, 1660–1840*. Cambridge, 2004. P. 1–26.

приводили в движение их сложившиеся ранее представления о себе и своем месте в социуме. Но сферы, где были возможны неортодоксальные взаимодействия, казавшиеся за пределами таких сфер невыносимыми, и те площадки, на которых культурные различия можно было обсуждать, пренебрегая обычными закрепленными иерархиями, были очень малы и немногочисленны – в силу антагонизма между бюрократией и населением в Привислинском крае¹⁶. И тем не менее даже в таком контексте конфронтации происходило взаимное влияние, образы Своего и Чужого формировались на основе взаимности, конфликтные столкновения порождали аналогичное видение проблем, невзирая на все разногласия в том, что касалось предлагаемых для них «решений». В некотором смысле можно сказать, что имело место согласование мышления в отсутствие консенсуса. Даже враждебно относившиеся друг к другу, яростно спорившие друг с другом акторы ориентировались на один и тот же горизонт «польского вопроса», поскольку постоянно находились в диалоге друг с другом. Если власть распоряжалась штыками армии, это никоим образом не означало, что она обладает гегемонией в области конкурирующих интерпретаций происходящего в мире. Как будет показано на примере споров об усилении национального элемента в империи, концептуальные импульсы зачастую исходили от «колонизированных». Представления посланников центра о самих себе тоже формировались в этом конфликтном сообществе на периферии, а потом оказывали влияние на публичные сферы в столице.

Сказав это, мы затронули следующую основную идею данной книги: представления, концепции и практики, генезис которых нередко происходил в провинциях, затем поступали в сеть коммуникации и трансфера, охватывавшую всю империю. Если мы рассказываем историю империи как историю переплетений, взаимосвязей, круговоротов и ротаций, то должны отказаться от той фиксации внимания на центре, которая долгое время господствовала в том числе и в историографии Российской империи. Особенно применительно к Царству Польскому оказались правы те исследователи, которые говорят о немалом инновационном потенциале именно провинции как экспериментальной лаборатории «колониального модерна»¹⁷, причем сразу в двух смыслах. Во-первых, Привислинский край тоже представлял собой лабораторию по разработке современных управленческих практик, ориентированных на интервенционистскую государственную бюрократию и часто выходивших за пределы того, что было характерно для административной деятельности самодержавия во внутренних районах империи. Как и в других европейских колониальных державах, методы управления, знания и понятия, сформировавшиеся на периферии, потом приходили и в метрополию. Недавние исследования по Габсбургской монархии уже показали, что подобные процессы имели место не только в странах, обладавших заморскими колониями, но и в сухопутной, континентальной империи¹⁸.

Во-вторых, – и в этом его заметное отличие от колоний других европейских империй – Царство Польское, и особенно Варшава в качестве его высокоразвитого городского центра, было встроено в общеевропейские процессы развития в гораздо большей степени, нежели подавляющее большинство других регионов Российской империи. Варшава была для нее новым «окном на Запад»; многие из преобразований, превративших в XIX веке европейские крупные города в мегаполисы, приходили в Россию именно через Польшу. Таким образом, «колониальная модерність» получила в Привислинском крае своеобразное значе-

---

¹⁶ См., в частности: *Bhabha H. K. Die Verortung der Kultur. Tübingen, 2000. S. 5.*

¹⁷ См., в частности: *Eckert A. Kolonialismus, Moderne und koloniale Moderne in Afrika // Baberowski J., Kaelble H., Schriewer J. (Hg.). Selbstbilder und Fremdbilder. Repräsentationen sozialer Ordnungen im Wandel. Frankfurt am Main, 2008. S. 53–66.*

¹⁸ См., например: *Binder H. Galizien in Wien. Parteien, Wahlen, Fraktionen und Abgeordnete im Übergang zur Massenpolitik. Wien, 2005; Buchen T., Rolf M. (Hg.). Eliten im Vielvölkerreich. Imperiale Biographien in Russland und Österreich-Ungarn (1850–1918) // Elites and Empire. Imperial Biographies in Russia and Austria-Hungary (1850–1918). Berlin, 2015; Maner H.-C. (Hg.). Grenzregionen der Habsburgermonarchie im 18. und 19. Jahrhundert. Ihre Bedeutung und Funktion aus der Perspektive Wiens. Münster, 2005.*

ние: периферия оказалась плацдармом на пути к европейскости, которая для российских элит и на рубеже XIX–XX веков не утратила своей роли желанного образца. Если в иерархии военной силы и власти Польша стояла в то время ниже России, то в культурной иерархии находилась, наоборот, на более высокой ступени. Те споры, которые были вызваны этой инверсией, указывают, однако, на ожесточенную конкуренцию между различными проектами модерности, сосуществовавшими в Привислинском крае. В эпоху *fin de siècle* [фр., буквально «конец века». – *Примеч. ред.*] среди государственных чиновников и российской общественности оживленно дебатировался вопрос о том, кто обладает суверенным правом на интерпретацию воображаемого «единого пути» европейского прогресса. В частности, спор с польскими концепциями латинской Европы укреплял позиции тех, кто выступал за собственный, российский цивилизационный проект и за то, чтобы в новом веке Россия пошла своим путем развития. Некоторые из представителей этого лагеря открыто заявляли о своем «антимодернизме», многие разделяли смутное недовольство по поводу неоднозначности современных форм жизни и моделей общества. Все эти проекты были также выражением большого разнообразия концепций модерности, существовавшего в то время¹⁹.

Динамическая природа периферии проявлялась и в других сферах. Так, эскалация насильственных практик, характерная для последних лет существования царизма, началась именно в периферийных районах Российской империи. Как и в других крупных европейских державах, сначала вдали от центра возникали очаги, где насилие достигало экстремального уровня, и интенсивность кровавых вооруженных столкновений там опосредованно повышала средний уровень насилия по всей стране²⁰. В Российской империи именно революционные группы стали прибегать к массовым убийствам в форме террористических актов. Труп полицейского на обочине дороги и губернатор, убитый в собственной карете, были знаками асимметричности методов ведения войны и революционных действий. В этом отношении периферия империи тоже оказалась областью особо интенсивного насилия. Достаточно часто своими действиями противоборствующие стороны только подогревали реакции друг друга, так что на перифериях государства начинали раскручиваться спирали насилия. Такая эскалация будет рассмотрена в книге на примере революции 1905 года в Привислинском крае.

Следует упомянуть еще одну концептуальную рамку. Несмотря на всю критику, высказываемую в науке по поводу строгого противопоставления центра и провинции, понятие *колонии* до сих пор служит для описания заморских владений европейских империй. Применительно к Царству Польскому этот термин вводит в заблуждение. Пускай доминирование петербургского аппарата власти над местным и сегрегация имперской управленческой элиты указывают именно в таком направлении, все же есть некоторые доводы против того, чтобы называть Привислинский край колонией, а Варшаву – колониальным городом. Во-первых, слово «колония» не играло сколько-нибудь важной роли в самоописании имперских акторов. Ибо, несмотря на то что Российская империя де-факто создала на своих перифериях множество зон с особыми правовыми режимами, претензия самодержца на абсолютность и всеохватность власти препятствовала формированию под протекторатом России областей с неодинаковой степенью зависимости от центра: в самопонимании самодержавия все территории империи были подчинены правителю в равной мере²¹. Эта концепция имперской интеграции имела дале-

---

¹⁹ По поводу постулата о многообразии модерности см. прежде всего: *Eisenstadt S. N. Die Vielfalt der Moderne*. Weilerswist, 2000.

²⁰ См., в частности: *Baberowski J. Diktaturen der Eindeutigkeit. Ambivalenz und Gewalt im Zarenreich und in der frühen Sowjetunion* // Baberowski J. (Hg.). *Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert*. Göttingen, 2006. S. 37–59, прежде всего S. 47–49; *Holquist P. Violent Russia, Deadly Marxism? Russia in the Epoch of Violence, 1905–1921* // *Kritika. Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. Vol. 4. No. 3. P. 627–652, прежде всего p. 634–636.

²¹ На отсутствие дискурса о «колониях» в Российской империи недавно еще раз указал Майкл Ходарковский. См.: *Khodarkovsky M. M. Between Europe and Asia. Russia's State Colonialism in Comparative Perspective, 1550s–1900s* // *Canadian-American Slavic Studies*. 2018. Vol. 52. No. 1. P. 1–29. Схожие аргументы выдвигаются в статье: *Sunderland W. Empire Without*

коидущие последствия для проникновения государства в жизнь периферий. Ведь насколько слабы были административные структуры из-за нехватки ресурсов и персонала, настолько же неоспоримым было притязание центра на единство империи как государственного образования. В период Великих реформ, если не раньше, Петербург начал активно бороться против особого статуса провинций и добиваться унификации администрации и права во всей империи. Этот унификационный проект охватывал и Царство Польское. Помимо прочего, он показал, что, с точки зрения центра, Привислинский край – это окраинная провинция империи, а не иностранная, хоть и зависимая территория.

И последнее, но не менее важное: термином «колония» затушевывается тот факт, что в польских землях, отошедших после разделов к России, доминирование метрополии над провинцией во многих отношениях оставалось неясным. Если, например, в военной сфере гегемония Петербурга была гарантирована вооруженными силами, то разница в экономическом и культурном развитии, даже с точки зрения императорских чиновников, часто была здесь не в пользу центра. Именно по этой причине трудно было говорить о цивилизаторской – столь характерной для европейского колониализма – миссии метрополии по отношению к польским провинциям, говорить так, чтобы это выглядело правдоподобно в глазах широкой общественности. Кроме того, все попытки петербургских властей заявлять, что они и на западной периферии своих владений осуществляют некую *mission civilisatrice* [фр. «цивилизаторская миссия». – *Примеч. ред.*], сталкивались с антагонистическим контрпроектом польской стороны, сила которого была обусловлена не только давней традицией, но и тем, что он опирался на единый общеевропейский набор ценностей²².

Именно из него польское национальное сознание черпало уверенность в себе и на нем базировало свою аргументацию за автономию по отношению к российским притязаниям на гегемонию и на полное включение Польши в империю. Идея польской нации и ссылки на давнюю государственную традицию были постоянным вызовом Петербургу. Таким образом, исследование, посвященное польско-имперскому антагонизму, не может не затрагивать того

Imperialism? Ambiguities of Colonization in Tsarist Russia // *Ab Imperio*. 2000. No. 2. P. 101–114. Призыв серьезно относиться к «языкам самоописания» империи и ее акторов содержится в работе: *Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* В поисках новой имперской истории // Они же (ред.). Новая имперская история постсоветского пространства. С. 7–32. См. также: *Dolbilov M.* Loyalty and Emotion in Nineteenth-Century Russian Imperial Politics // Osterkamp J., Schulze Wessel M. (eds). *Exploring Loyalty*. Göttingen, 2017. P. 17–44; *Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* In Search of New Imperial History // *Ab Imperio*. 2005. No. 1. P. 33–56; *Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* Языки самоописания империи и нации как исследовательская проблема и политическая дилемма // Там же. С. 1–12; *Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М.* Empire Speaks Out. P. 3–32; *Миллер А.* (ред.). «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. М., 2012; *Sdvižkov D.* Империя / «Ich» und das Imperium. Das Kaiserreich und die russische Autobiographik, 1830–1860 // Aust M., Schenk F. B. (Hg.). *Imperial Subjects. Autobiographische Praxis in den Vielvölkerreichen der Romanovs, Habsburger und Osmanen im 19. und frühen 20. Jahrhundert*. Köln, 2015. S. 113–134. Важны также сборники: *Berger S., Miller A.* (eds). *Nationalizing Empires*. Budapest, 2015. P. 1–30; *Burbank J., Ransel D. L.* (eds). *Imperial Russia. New Histories for the Empire*. Bloomington, 1998; *Chulos C. J., Remy J.* (eds). *Imperial and National Identities in Pre-Revolutionary, Soviet, and Post-Soviet Russia*. Helsinki, 2002; *Evtuhov C., Gasparov B., Ospovat A., Hagen M. von* (eds). *Kazan, Moscow, St. Petersburg: Multiple Faces of the Russian Empire*. М., 1997; *Geraci R. P., Khodarkovsky M.* (eds). *Of Religion and Empire. Missions, Conversion, and Tolerance in Tsarist Russia*. Ithaca, 2001; *Hosking G.* *Russia. People and Empire, 1552–1917*. Cambridge (Mass.), 1997; *Картачев М., Долбилов М., Минаков А.* (ред.). Российская империя: стратегия стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004; *Кром М. М.* (ред.). Новая политическая история: Сборник научных работ. СПб., 2004; *Miller A., Rieber A. J.* (eds). *Imperial Rule*. Budapest, 2004; *Miller A.* *The Romanov Empire and Nationalism*. См. также историографические обзоры: *Sabirova A.* Становление проблематики имперских и национальных исследований в современной российской научной периодике // Герасимов И. В., Глебов С. В., Каплуновский А. П., Могильнер М. Б., Семенов А. М. (ред.). Новая имперская история постсоветского пространства. С. 575–598; *Семенов А. М.* Англо-американские исследования по истории Российской империи и СССР // Там же. С. 613–628.

²² О польской претензии на европейскость см.: *Eile S.* *Literature and Nationalism in Partitioned Poland, 1795–1918*. Houndmills, 2000. P. 46–83; *Landgrebe A.* «Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden». Die Entwicklung des polnischen Nationalbewusstseins im europäischen Kontext von 1830 bis in die 1880er Jahre. Wiesbaden, 2003. S. 112–227; *Marung S.* *Zivilisierungsmissionen à la polonaise*. Polen, Europa und der Osten // *Hadler F., Middell M.* (Hg.). *Verflochtene Geschichten: Ostmitteleuropa*. Leipzig, 2010. S. 100–123.

дискуссионного контекста, в котором рассматриваются сложные и конфликтные отношения между наднациональными империями и проектами наций и национальностей. Совершенно справедливо подчеркивается разрушающий систему потенциал многих конкурирующих национализмов в многонациональных империях. В общем итоге они подорвали легитимность монархий и авторитет центров и внесли значительный вклад в падение империй. Однако национальные историографии – даже новейшие – склонны изображать триумфальное шествие нации к суверенитету в телеологическом ключе. В конечном счете большинство теорий национализма последовало в этом за ними. Тем не менее тот факт, что национальные государства восторжествовали над распадающимися империями, не должен приводить исследователя к описанию этого процесса как неизбежного. Требуется прояснения вопрос, почему империи, при всей своей хрупкости, так долго просуществовали и выдержали даже экстремальные нагрузки первых лет войны²³. Прежде всего, империю не следует рассматривать как просто пространство, в котором происходили те процессы перехода к национальному принципу организации, которые в итоге привели к распаду империй. Скорее, имперское владычество правильнее было бы понимать и исследовать как определяющий контекст, который оказал значительное и неослабевающее влияние на споры о том, что есть нация и как она должна организовываться²⁴.

Эта взаимосвязь имперской политики и постепенного перехода от имперского к национальному принципу, существовавшая в эпоху национализма, – одна из тем книги. Этим объясняется и предпочтение в пользу «ситуационного подхода», разработанного Алексеем Миллером²⁵: ведь только при исследовании конкретной «ситуации», где переплетаются имперские и национальные взаимоотношения, существующие в конкретном регионе, мы сможем адекватно оценить сложные переплетения сети акторов и описать генезис представлений о «своем» и «чужом» как отношений обмена²⁶. Так в центре нашего внимания оказываются взаимная коммуникация, ожесточенные дебаты по «польскому вопросу», конфликтующие и конкурирующие символики «империи» и «нации», а также многочисленные и противоречивые попытки отграничить «свое» от «чужого». Репрезентации притязаний на политическую власть соперничали и вместе с тем влияли друг на друга. Многонациональное и многоконфессиональное конфликтное сообщество в Привислинском крае позволяет это ясно увидеть²⁷.

²³ См.: *Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier, 1863–1914.* DeKalb, 1996. P. 4. На эскалацию войны и значение этой динамики для усиления этнонационалистических сепаратистских настроений указано также в работах: *Бахтуркина А.* Окраины Российской империи. Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. Прежде всего с. 15–77; *Balkelis T.* In Search of a Native Realm. The Return of World War One Refugees to Lithuania, 1918–24 // Baron N., Gatrell P. (eds). *Homelands: War, Population and Statehood in Eastern Europe and Russia, 1918–1924.* London, 2004. P. 74–97; *Gatrell P.* War, Population Displacement and State Formation in the Russian Borderlands, 1914–24 // *Ibid.* P. 10–34; *Roshwald A.* Ethnic Nationalism and the Fall of the Empires. Central Europe, Russia, and the Middle East, 1914–1923. London, 2001; *Sanborn J. A.* Drafting the Russian Nation. Military Conscript, Total War and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, 2003. Прежде всего р. 74–82.

²⁴ Об этом см. также: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

²⁵ *Miller A.* The Romanov Empire and Nationalism. P. 10–20. См. также недавно вышедшую работу: *Berger S., Miller A.* Introduction. Building Nations in and with Empires. A Reassessment // Berger S., Miller A. (eds). *Nationalizing Empires.* Budapest, 2015. P. 1–30.

²⁶ Из новейшей литературы о месте России в польской политической и культурной вселенной см., например: *Хорев В. А.* (ред.). Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000; *Он же* (ред.) Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; *Fiećko J., Trybuś K.* (red.). *Obraz Rosji w literaturze polskiej.* Poznań, 2012; *Kirwił E., Maj E., Podgajna E.* (red.). *Obrazy Rosji i Rosjan w Polsce od końca XIX wieku do początku XXI stulecia. Myśl polityczna, media, opinia publiczna.* Lublin, 2011; *Iidem* (red.). *Obrazy Rosji i Rosjan w Polsce XIX–XXI wieku. Opinia publiczna, stosunki polsko-rosyjskie, pamięć historyczna.* Lublin, 2012; *Kminikowska A., Pękała E.* (red.). *Polacy – Rosjanie. Wzajemne relacje.* Gdańsk, 2007; *Лескинен М. В.* Польша и поляки в российских этнографических очерках конца XIX в. // Хорев В. А. (ред.). Россия – Польша. С. 134–155; *Lewandowski A., Radomski G., Woydyło W.* (red.). *Rosja w polskiej myśli politycznej XX–XXI wieku.* Toruń, 2013; *Lewicki J.* О उपредzeniach w odbiorze i interpretacji wpływów rosyjskich w architekturze polskiej (o nieznanym i pomijanym przykładach inspiracji sztuką Cesarstwa Rosyjskiego) // *Kminikowska A., Pękała E.* (red.). *Polacy – Rosjanie.* S. 39–46, 217–226; *Cybulski M.* Rosja i Rosjanie w pamiętnikach Polaków (1863–1918). Warszawa, 2009.

²⁷ Здесь, однако, надо указать на то, что данное исследование посвящено антагонизму преимущественно между поля-

Среди участников этого переплетения взаимоотношений основное внимание в книге уделено *государственным акторам и их концепциям и практикам имперской власти*, т. е. сообществу представителей имперской элиты в Царстве Польском и в Варшаве, их внутренним и внешним социальным контактам и их культурной коммуникации в целом. Это объясняется в первую очередь тем, что в конфронтациях, происходивших в Царстве, они, занимая позицию власти, играли центральную роль. Но немаловажное значение имеет и то удивительное обстоятельство, что имперские элиты Привислинского края, в отличие от других регионов империи – остзейских провинций, Кавказа, Киевского или Виленского генерал-губернаторства, – до сих пор практически не становились предметом изучения: нет работ, посвященных локальным пространствам действия, репрезентационным стратегиям, а также обстоятельствам, навязывавшим представителям имперской элиты тот или иной образ действий. Недостаточно внимания уделялось до сих пор и жизненному миру этой категории обитателей Царства Польского. Нет пока (если не говорить о взаимодействии польского и еврейского обществ в этих провинциях) работ, посвященных составлению «карт» *ментальных миров и горизонтов действий имперской элиты*. Целью настоящего исследования является создание такого портрета имперской элиты в Царстве Польском, который отразил бы ее многослойность, внутренние противоречия и конфликтную коммуникацию с окружающим местным населением²⁸.

Таким образом, открытых вопросов много: в какую структуру были встроены эти представители Петербурга на местах? Какие институты для осуществления имперской власти были сформированы в Царстве Польском до и после подавления восстания 1863–1864 годов? Кто были ключевые игроки в этой системе управления? Каковы были их сферы влияния и как формировалась конкуренция полномочий внутри этого административного аппарата, характерная для Российской империи? И последнее, но не менее важное: если говорить о ментальном горизонте, какие программные концепции, какие образы империи, какие представления этих чиновников о самих себе направляли их деятельность? Это – центральные аспекты, на которые будет направлено внимание в предлагаемой здесь истории структур и акторов петербургского владычества в Привислинском крае.

ками и Российской империей, а «еврейский вопрос» занимает второстепенное место. Это объясняется иерархией тем, которые привлекали внимание имперских акторов, описываемых в книге. Для представителей петербургских властей «польский вопрос» – по крайней мере, когда речь шла о Царстве Польском – однозначно имел приоритетное значение.

²⁸ Направления для дальнейших исследований в этой области задали прежде всего Лукаш Химяк, Анджей Хвальба, Леонид Горизонтов, Ян Козловский, Кишиштоф Лятавец, Анджей Новак, Роберт Пшигородзкий, Катя Владимиров и Теодор Уикс. См.: *Chimiak Ł.* Memoriał General-Gubernatora Skalona w sprawie obchodów w Warszawie setnej rocznicy urodzin Juliusza Słowackiego // *Przegląd Historyczny*. 1996. Т. 5. S. 161–165; *Idem.* Kariery tzw. Bałtów w rosyjskiej administracji Królestwa Polskiego w drugiej połowie XIX w. // *Ibid.* 1997. Т. 88. No. 4. S. 441–458; *Idem.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego. Wrocław, 1999; *Chwalba A.* Imperium korupcji w Rosji w Królestwie Polskim w latach 1861–1917. Kraków, 1995; *Idem.* Polacy w służbie Moskali. Warszawa, 1999; *Głębocki H.* Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000; *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики; *Kozłowski J.* Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // *Przegląd Historyczny*. 1996. Т. LXXXVII. No. 4. S. 819–841; *Idem.* Dygnitarze rosyjscy nad Wisłą po powstaniu styczniowym // *Кварталник Historyczny*. 2001. Т. 108. No. 2. S. 101–109; *Idem.* Urzędnicy polscy w Królestwie Kongresowym po powstaniu styczniowym (do 1880 r.) // *Szwarc A., Wieczorkiewicz P. P.* (red.). Unifikacja za wszelką cenę. Sprawy polskie w polityce rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku. Studia i materiały. Warszawa, 2002. S. 71–82; *Latawiec K.* Naczelnicy powiatów gubernii lubelskiej w latach 1867–1915. Próba charakterystyki grupy // *Annales Universitatis M. Curie-Skłodowska: Historia*. 2003. Т. 58. S. 73–96; *Nowak A.* (ed.). *Imperiological studies. A Polish perspective*. Kraków, 2011; *Paszkiewicz P.* W służbie Imperium Rosyjskiego 1721–1917. Funkcje i treści ideowe rosyjskiej architektury sakralnej na zachodnich rubieżach Cesarstwa i poza jego granicami. Warszawa, 1999; *Przygodzki R. L.* Russians in Warsaw. Imperialism and National Identities, 1863–1915. PhD Dis. Northern Illinois University. DeKalb, 2007; *Vladimirov K.* The World of Provincial Bureaucracy in Late 19th and 20th Century Russian Poland. Lewiston, 2004; *Weeks T. R.* Nation and State in Late Imperial Russia. Более полную библиографию см. в кн.: *Rolf M.* Imperiale Herrschaft im Weichselland; а также на сайте: <https://uol.de/geschichte/geschichte-europas-der-neuzeit-mit-schwerpunkt-osteuropa/forschungsschwerpunkte/imperiale-herrschaft-im-weichselland/imperiale-herrschaft-im-koenigreich-polen-materialien/> (короткая ссылка: <https://bit.ly/2RX90ZA>).

Глава II

УСТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА НАД ВОСТОЧНОЙ ЧАСТЬЮ РАЗДЕЛЕННОЙ ПОЛЬШИ (1772–1863)

Насколько глубоким был перелом, произошедший после Январского восстания 1863 года, настолько же глубоко и само восстание, и реакция петербургских властей на него были predeterminedены долгой историей российского владычества на территориях бывшей Речи Посполитой. Мотивы повстанцев, размах царских репрессий и степень последующего вмешательства государства во все сферы жизни, а равно и многие конфликтные узлы второй половины XIX века можно понять только с учетом того, как был устроен режим, установленный в «западных губерниях» начиная с 1772 года и затем в Царстве Польском – с 1815-го. Вот почему в качестве вводной главы здесь будет вкратце прослежено установление, укрепление и изменение этого режима в период между первым разделом Польши и восстанием 1863 года.

Прежде всего необходимо рассмотреть динамику разделов Польши в 1772–1795 годах. Именно этот последовательный разгром польской государственности привел к узурпации Российской большей части бывшей Речи Посполитой. Каковы были цели, преследуемые российской короной, какие конфликты, какая логика действий подталкивали события в направлении повторяющихся отторжений земель от Польши и в итоге к полной ликвидации польского государства?

Затем – после краткой интермедии в виде наполеоновского Герцогства Варшавского – будет рассмотрен вопрос о возникновении в контексте Венского конгресса Царства Польского, с чего и началось столетие российского владычества на Висле. Какое пространство для действия имелось у акторов в условиях государства с конституцией, парламентом и правительством и в то же время связанного личной унией с Российским государством?

Несомненно, уже неудачное Ноябрьское восстание 1831 года стало глубокой цезурой в этой истории. А потому в следующей главе необходимо будет выяснить, каковы были основные характеристики «эпохи Паскевича» в период после 1831 года. Только на фоне этой эпохи угнетения становится ясно, какие надежды были пробуждены в Царстве Польском реформами Александра II. Вместе с тем предстоит еще выяснить, почему либерализация, начавшаяся в 1856 году, быстро привела к обострению конфликта и к радикализации части польской общности, что в конечном итоге и вылилось в Январское восстание 1863 года.

Итак, обратимся к процессу деления Речи Посполитой во второй половине XVIII века.

РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ, ГЕРЦОГСТВО ВАРШАВСКОЕ И ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС (1772–1815)

Разделы Польши и Литвы в 1772, 1793 и 1795 годах были следствием той негативной политики в отношении Польши, что проводилась Российской империей на протяжении всего XVIII века с целью решительного и долговременного ослабления соседа и «кровного врага». При этом Россия, и Пруссия, и Австрия воспользовались политическим ослаблением шляхетской республики, которое отчасти явилось результатом Северной войны (1700–1721), но усугубилось прежде всего после Семилетней войны (1756–1763)²⁹.

На заключительной фазе Семилетней войны позиции противоборствующих сторон значительно изменились. Со смертью Елизаветы Петровны в 1762 году в российской внешней политике произошел решительный поворот по направлению к Пруссии. Петр III, горячий поклонник этой страны, без долгих разговоров прекратил конфликт с ней и отказался от всей прежней антипрусской стратегии России. Экспансия Российской империи на запад была отныне возможна только за счет земель все более хрупкой Польши. В выборной польской монархии после смерти короля Августа III главным вопросом повестки дня были поиски подходящего кандидата на трон. Екатерина II давала понять, что очень заинтересована в том, чтобы королем стал поляк, на которого легко было бы оказывать влияние. Выбор Екатерины и Фридриха II пал на польского дворянина Станислава Августа Понятовского, каковой и был коронован королем Польши в 1764 году под именем Станислава II³⁰.

Уже то сильнейшее влияние, которое соседние великие державы оказали на выборы польского короля, можно рассматривать как предварительную стадию раздела Польши. Кроме того, возможности самостоятельного политического действия у польского монарха были весьма ограничены в силу конституционно-правового принципа единогласия (*liberum veto*) при принятии решений сеймом. Поскольку Станислав II был представителем движения, выступавшего за конституционную реформу, уже очень скоро обострился конфликт между ним и соседними государствами, которые стремились сохранить статус-кво, поскольку им был выгоден существовавший в Польше строй и обусловленная им слабость монархии. Все попытки Станислава устроить, в соответствии с принципами Просвещения и консенсуса, социальное и политическое сосуществование различных конфессий, представленных у него в стране, срывались при участии как российской, так и прусской сторон. Всякое внутривосточное обновление было заблокировано с помощью созданной в 1767 году Радомской конфедерации, составленной из шляхты, критически относившейся к реформе и выступавшей в защиту «золотой сво-

²⁹ Об этом направлении политики Петербурга см.: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 65–68, и, прежде всего, *Zernack K.* Negative Polenpolitik als Grundlage deutsch-russischer Diplomatie in der Mächtepolitik des 18. Jhs // *Liszkowski U.* (Hg.). Rußland und Deutschland. Festschrift für Georg von Rauch. Stuttgart, 1974.

³⁰ См. также: *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». *The Romanov Empire and the Polish Uprisings of 1830–31 and 1863–64* // *Leonard J., Hirschhausen U. von* (eds). *Comparing Empires. Encounters and Transfers in the Long Nineteenth Century.* Göttingen, 2011. P. 425–452, прежде всего p. 425–427; *Müller M. G.* Die Erste Teilung Polens und ihre Folgen // *Bömelburg H.-J.* (Hg.). *Polen in der europäischen Geschichte. Ein Handbuch in vier Bänden.* Stuttgart, 2017. S. 513–527; *Idem.* *Polen zwischen Preussen und Russland. Souveränitätskrise und Reformpolitik 1736–1752.* Berlin, 1983; *Idem.* *Die Teilungen Polens 1772, 1793, 1795.* München, 1984; *Idem.* *Hegemonialpolitik und imperiale Expansion. Die Teilungen Polens* // *Hübner E., Kusber J., Nitsche P.* (Hg.). *Russland zur Zeit Katharinas II. Absolutismus – Aufklärung – Pragmatismus.* Köln, 1998. P. 397–410; *Roos H.* Die polnische Nationsgesellschaft und die Staatsgewalt der Teilungsmächte in der europäischen Geschichte (1795–1863) // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1966. Bd. 14. H. 3. S. 388–399; *Schulze Wessel M.* *Russlands Blick auf Preußen. Die polnische Frage in der Diplomatie und politischen Öffentlichkeit des Zarenreiches und des Sowjetstaates 1697–1947.* Stuttgart, 1995. S. 80–92; *Zernack K.* *Polen und Rußland. Zwei Wege in der europäischen Geschichte.* Berlin, 1994. S. 282–295; *Zielińska Z.* *Katharina II. und Polen zu Beginn der Regierungszeit von Stanislaw August. Politische Ziele und mentale Archetypen* // *Scharf C.* (Hg.). *Katharina II., Russland und Europa. Beiträge zur Internationalen Forschung.* Mainz, 2001. S. 75–84, здесь S. 75–77. По теме в целом см. сборник: *Bömelburg H.-J., Gestrich A., Schnabel-Schüle H.* (Hg.). *Die Teilungen Polen-Litauens. Inklusions- und Exklusionsmechanismen – Traditionsbildung – Vergleichsebenen.* Osnabrück, 2013.

боды», т. е. дворянских привилегий. Конституционный конфликт и разразившиеся беспорядки в Польше Санкт-Петербург использовал для усиления российского контроля над Речью Посполитой. В 1768 году Польша была вынуждена согласиться на заключение союза с Екатериной II, который понизил статус Польши до уровня российского протектората. Эффективно противодействовать этому процессу не могло и возникшее движение сопротивления растущему российскому влиянию – образованная в 1768 году Барская конфедерация³¹.

Окончательно дорогу к первому разделу Польши открыл международный конфликт. Победа России в Русско-турецкой войне 1768–1774 годов обеспечила императрице Екатерине господствующее положение на Балканах, что означало вызов для Австрии. Внешняя политика Габсбургов еще с потери Силезии в 1740 году была направлена на территориальную компенсацию за счет Польши, и эта ее направленность усилилась в связи с произошедшим смещением баланса сил. Кроме того, геополитические интересы Пруссии, ориентированные на создание «перешейка» между Померанией и герцогством Пруссия, заставляли Гогенцоллернов также стремиться к отчуждению части земель Польского королевства. Инициатива проведения совместной стратегии, направленной на раздел Польши, начиная с 1770 года исходила в первую очередь от Пруссии. Екатерина поддержала созданный с такой целью альянс «трех черных орлов», вероятно, прежде всего для того, чтобы избежать прямого конфликта с Габсбургами в «восточном вопросе»³².

С 1771 года планы великих держав по разделу Польши стали приобретать все более конкретные очертания и в феврале 1772 года привели к подписанию соответствующего российско-прусского, а в августе – российско-австрийского договора, по которым Польша и была в первый раз поделена между тремя соседями. По договорам к России отходили польско-ливонские, полоцкие и могилевские земли. Несмотря на то что Австрия не смогла реализовать свои притязания на возврат Силезии, в порядке компенсации ей досталась Галиция, включавшая «Червонную Русь», части Сандомира и Краков. Поскольку Россия отказалась от расширения своих владений на юго-восток за счет Молдавии и Валахии, Мария-Терезия отошла от прежней конфронтационной политики и одобрила первый договор о разделе. Пруссия получила Вармию и Западную Пруссию, но без Гданьска. Отторгнутые земли, общей площадью 220 тыс. кв. километров, составили около трети территории Польши³³.

Хотя при первом отторжении польских земель еще не существовало никакого плана полного разгрома польской государственности, все же динамика событий была направлена именно в эту сторону. Не только территория Польши была урезана, но и самое существование последней было уже под угрозой, и чем больше ее политическая элита была готова к внутренним реформам, тем больше трем соседним державам казалось, что новые территориальные требования – это удачный способ поддерживать Польшу в состоянии агонии. К тому же заключением альянса ради первого ее раздела стратегическое соперничество между Россией, Австрией и Пруссией было только отодвинуто на второй план, но никоим образом не устранено. Во многом в результате присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году рос-

---

³¹ См.: *Kriegseisen W.* Die Reformpolitik Stanislaw August Poniatowskis. Grundlage, Programme, Trägerschichten, Resultate // Bömelburg H.-J. (Hg.). Polen in der europäischen Geschichte. S. 495–511; *Müller M. G.* Die Erste Teilung Polens. S. 518–519; *Idem.* Der polnische Adel von 1750 bis 1863 // Wehler H.-U. (Hg.). Europäischer Adel 1750–1950. Göttingen, 1990. S. 217–242; *Zernack K.* Polen und Rußland. S. 280–281.

³² См.: *Aretin K. O. F. von.* Tausch, Teilung und Länderschacher als Folgen des Gleichgewichtssystems der europäischen Großmächte. Die polnischen Teilungen als europäisches Schicksal // Zernack K. (Hg.). Polen und die polnische Frage in der Geschichte der Hohenzollernmonarchie 1701–1871. Berlin, 1982. S. 53–68, здесь S. 56–57; *Müller M. G.* Polen, die deutschen Staaten und Russland in den internationalen Beziehungen im 18. Jahrhundert. Systemzwänge und Handlungsspielräume // Dmitrów E. (Hg.). Deutschlands östliche Nachbarschaften. Eine Sammlung von historischen Essays für Hans Henning Hahn. Frankfurt am Main, 2009. S. 57–75, здесь S. 63–64.

³³ См.: *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». Прежде всего p. 425–427; *Müller M. G.* Die Erste Teilung Polens; *Idem.* Die Teilungen Polens.

сийско-османские противоречия превратились в общеевропейский «восточный вопрос», который – поскольку теперь и Англия все более настороженно относилась к экспансионистским устремлениям России, видя в них вызов, – заключал в себе значительный потенциал для большой войны. Соблазн же для Петербурга реализовать свою экспансию вновь в Польше, а не в Причерноморье усиливался не в последнюю очередь из-за сравнительно невысоких и предсказуемых внешнеполитических рисков, связанных с подобным предприятием³⁴.

Решающим фактором, предопределившим решение о втором разделе Польши в 1793 году, стало, однако, принятие реформированной польской Конституции 3 мая 1791 года. В глазах Екатерины она представляла собой афронт для России сразу по нескольким причинам. Во-первых – считалась вызывающе «якобинской», опасно приблизила дух Французской революции 1789 года к российским рубежам. Но главное – эта Конституция грозила положить конец внутривосточному параличу Речи Посполитой, а значит, и вмешательству России в ее дела³⁵.

Конституционная реформа 1791 года стала кульминацией процесса обновления польской государственности, начатого после раздела 1772 года. Польская Конституция – первый кодифицированный основной закон в Европе и второй, после Конституции США, в мире – была основана на принципе народного суверенитета, сформулированном Ж.-Ж. Руссо, и на идее разделения властей. Кроме того, она предусматривала усиление исполнительной власти, а в обеих палатах парламента решения должны были приниматься большинством голосов. Таким образом, принцип *liberum veto*, который прежде давал каждому депутату сейма возможность блокировать законодательство, был отменен. Отменялось и деструктивное право создания конфедераций, которое прежде обостряло внутренние политические конфликты. Важно также, что по Конституции была усилена роль армии в качестве гаранта самостоятельной политики как внутри страны, так и вовне. Армия должна была стать постоянной, формироваться «как вооруженная и упорядоченная сила, составленная из общей мощи нации»³⁶.

Такой конституционно-монархический строй нес угрозу для абсолютизма во всех трех державах, но прежде всего в Пруссии и России. На фоне Французской революции весьма реальной представлялась угроза дальнейших переворотов. Особенно Екатерина II опасалась распространения конституционалистских и республиканских идей, возникших во Франции. Поэтому неудивительно, что российская императрица исключительно агрессивно выступила против польской Конституции. Как утверждают, она назвала ее французской заразой на Висле и поделкой, какой не выдумало бы и французское Национальное собрание³⁷.

³⁴ См.: *Altieri R.* Polen als Spielball der Mächte? // *Altieri R.* (Hg.). *Spielball der Mächte. Beiträge zur polnischen Geschichte.* Bonn, 2014. S. 7–13; *Hochedlinger M.* «Herzensfreundschaft» – Zweckgemeinschaft – Hypothek? Das russisch-österreichische Bündnis von 1781 bis zur zweiten Teilung Polens // *Scharf C.* (Hg.). *Katharina II., Russland und Europa.* S. 183–225; *Idem.* Krise und Wiederherstellung. Österreichische Großmachtspolitik zwischen Türkenkrieg und «Zweiter Diplomatischer Revolution» 1787–1791. Berlin, 2000; *Horn D. B.* British opinion and the first partition of Poland. Edinburgh, 1945.

³⁵ По следующей далее проблематике см. подробнее: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). *Западные окраины.* С. 68–73; *Drozdowski M.* Die Reformen des Großen Sejms in der Praxis // *Jaworski R.* (Hg.). *Nationale und internationale Aspekte der polnischen Verfassung vom 3. Mai 1791.* Frankfurt am Main, 1993. S. 43–53; *Grodziski S.* Die Verfassung vom 3. Mai 1791. Das erste polnische Grundgesetz // *Aus Politik und Zeitgeschichte.* 1987. Bd. 30/31. S. 40–46; *Kleinmann Y.* Der Vierjährige Sejm. Von der Adelsrepublik zur Staatsbürgergesellschaft? // *Bömelburg H.-J.* (Hg.). *Polen in der europäischen Geschichte.* S. 529–567; *Eadem.* Die Verfassung vom 3. Mai 1791. Inhalt, Kontroversen, nationale und europäische Bedeutung // *Bömelburg H.-J.* (Hg.). *Polen in der europäischen Geschichte.* S. 567–605; *Liszkowski U.* Russland und die polnische Maiverfassung // *Jaworski R.* (Hg.). *Nationale und internationale Aspekte.* S. 64–85; *Olszewski H.* Die Maikonstitution als Krönung der Reformbewegung in Polen im 18. Jahrhundert // *Ibid.* S. 24–42; *Unruh G.-C. von.* Die polnische Verfassung vom 3. Mai 1791 als Beitrag zur konstitutionellen Entwicklung in Europa. Erster religiöser Minderheitenschutz // *Unruh G.-C. von.* *Des Menschen Heimat im Staat: ausgewählte Aufsätze.* Berlin, 2019. S. 379–380; *Vahle H.* Die polnische Verfassung vom 3. Mai 1791 im zeitgenössischen deutschen Urteil // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1971. Bd. 19. S. 347–370.

³⁶ О тексте Конституции см.: *Die polnische Verfassung vom 3. Mai 1791* // *Goswinkel D.* (Hg.). *Die Verfassungen in Europa 1789–1949. Wissenschaftliche Textedition unter Einschluß sämtlicher Änderungen und Ergänzungen sowie mit Dokumenten aus der englischen und amerikanischen Verfassungsgeschichte.* München, 2006. S. 376–384.

³⁷ См.: *Kleinmann Y.* Die Verfassung vom 3. Mai 1791. S. 580. См. также: *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question».

Таким образом, вмешательство российской царицы во внутриваршавский конституционный конфликт было лишь вопросом времени. Главным приоритетом для Санкт-Петербурга оставалось сохранение доминирующего положения России по отношению к Речи Посполитой. То, что Россия не вторглась в Польшу еще в 1791 году, было связано с Русско-австрийско-турецкой войной (1787–1792). К тому же в первую очередь необходимо было создать альянс с Австрией и Пруссией для сдерживания Французской революции. Однако после заключения мира с Османской империей в 1792 году Екатерина II твердо вознамерилась вмешаться в польский конституционный конфликт. Была достигнута договоренность с Пруссией, а польскими магнатами в Санкт-Петербурге была создана Варшавская конфедерация, открыто направленная против Конституции 1791 года. Последовала скоротечная война между Россией и Польшей. Официально Петербург обосновывал свою интервенцию тем, что Четырехлетний сейм нарушил Конституцию и договор: ввел реформы, незаконно и без согласования с Россией, Пруссией и Австрией отменившие охраняемые Россией кардинальные права, такие как *liberum veto*. После быстрой капитуляции польского короля были отменены не только все реформы, одобренные сеймом, прежде всего Конституция 3 мая 1791 года: помимо этого, конфликт привел и к следующему российско-прусскому договору о новом разделе Польши³⁸.

Этот второй раздел имел катастрофические последствия для территориального состава Польши, поскольку теперь ее потери были намного серьезнее, чем в 1772 году. Важные города Гданьск и Торунь, равно как и вся Южная Пруссия с Познанью и Калишем, перешли во владения Гогенцоллернов. Приобретения России по площади были значительно крупнее: Екатерина аннексировала Киевскую, Минскую, Подольскую губернии и часть Волыни. По сравнению с первоначальным размером Польши до 1772 года к 1793-му почти две трети территории государства оказались отделены от нее тремя великими державами³⁹.

После второго раздела до окончательного разгрома независимой польской государственности оставался лишь маленький шаг. Восстание Костюшко в 1794 году и его подавление ускорило этот процесс. Восстание было отчаянной попыткой дать отпор чужеземному господству. Поскольку польская армия после второго раздела была сокращена до 15 тыс. человек, надеяться можно было только на общенациональное народное восстание – на то, что оно сумеет остановить грозящее окончательное расчленение Польши. Вождь этого восстания, Тадеуш Костюшко, который участвовал в американской Войне за независимость, в марте 1794 года был провозглашен в Кракове диктатором и объявил «борьбу за свободу, целостность и независимость» Речи Посполитой⁴⁰.

Польская революционная война была организована с помощью всеобщей воинской повинности (по образцу французского *levée en masse* [фр. «народное ополчение». – *Примеч. ред.*]) в сочетании с использованием обычных вооруженных сил. Чтобы заручиться поддержкой крестьян, Костюшко сделал ставку на социальное законодательство, гарантировавшее им право пользования землей, а также снижение и унификацию их повинностей. Благодаря этому многие крестьяне добровольно присоединились к войскам повстанцев, образуя отряды «косинеров». Одновременно были сформированы «городские гражданские ополчения». Таким образом, Костюшко смог мобилизовать поддержку различных групп населения и объединить носителей самых разных интересов.

Тем не менее дело повстанцев было безнадежным – ввиду бесспорного военного преимущества великих держав. Как и следовало ожидать, восстание не только спровоцировало интервенцию со стороны России и Пруссии, но и укрепило позиции сторонников тотального раз-

---

Прежде всего р. 425–427.

³⁸ См.: *Liszkowski U.* Russland und die polnische Maiverfassung. S. 64–65; *Müller M. G.* Zweite Teilung, Kościuszko-Aufstand, Dritte Teilung // Bömelburg H.-J. (Hg.). Polen in der europäischen Geschichte. S. 612–614.

³⁹ См.: *Müller M. G.* Zweite Teilung. S. 614–615; *Idem.* Die Teilungen Polens. S. 51–53.

⁴⁰ См.: *Idem.* Zweite Teilung. S. 615.

грома Польского государства. Российская императрица сначала отдавала предпочтение идее полной интеграции последнего – точнее, того, что от него осталось, – в состав Российской империи, но это вызвало протесты со стороны Пруссии. Поэтому в июле 1794 года Екатерина согласилась на переговоры о разделе, которым после разгрома восстания и ареста Костюшко в октябре 1794 года уже никто не мог помешать⁴¹.

После того как предложение России полностью и в одностороннем порядке аннексировать остатки Польского государства было отвергнуто, интерес царицы сосредоточился на том, чтобы и при трехстороннем разделе все же заполучить как можно более крупную территорию. С этой целью в январе 1795 года Петербург заключил двустороннее соглашение о разделе Польши с Австрией, в котором смог обеспечить выполнение своих далекоидущих территориальных притязаний. То доминирующее положение, какое России удалось таким образом приобрести, царица в дальнейшем использовала, чтобы не допустить увеличения прусской доли. Соперничество Австрии и Пруссии – их интересы в принципе были противоположны – дополнительно усилило этот эффект. Итак, Россия доминировала в альянсе, делившем Польшу в третий раз; прусская позиция была ослаблена по сравнению со вторым разделом и в конечном итоге оказалась менее успешной, в то время как Австрия была прежде всего озабочена восстановлением нарушившегося европейского равновесия сил. Соответственно этому и территориальные приобретения трех держав оказались различны. Россия заполучила наибольшую долю – Литву, Австрия включила в свой состав Западную Галицию, а Пруссия аннексировала так называемую Новую Восточную Пруссию. В ноябре 1795 года короля Станислава II принудили отречься от престола, и тем польской выборной монархии был положен конец, а после завершения в том же году раздела территорий Польша как государство была полностью стерта с политической карты Европы⁴².

Итоги российской экспансии 1772–1795 годов выглядели вполне удовлетворительными, с точки зрения Петербурга. Ковно, Вильна, Витебск, Гродно, Минск, Могилев, Волынь, Подолия и районы, лежащие непосредственно к западу от Киева, стали частью Российской империи. Это расширение территории России в западном направлении стало, несомненно, результатом сочетания «негативной польской политики» «союза трех черных орлов» с одной стороны и динамики внутripольского конфликта, разрушавшего хрупкую и в то же время готовую к реформам шляхетскую Речь Посполитую, – с другой. Но вместе с тем это расширение российской территории являет собой и следствие традиции, даже можно сказать – логики имперской экспансии, которая отличала Российскую державу на протяжении веков. Ведь установление гегемонии Москвы или Петербурга над соседними территориями традиционно приводило к включению этих территорий в состав Российского государства и лишь в исключительных случаях – к складыванию других моделей косвенного управления ими как протекторатами. Со времен Петра Великого, если не раньше, расширение территории государства составляло одну из основ легитимности императорского дома и, начиная с Северной войны, стало направляться на запад⁴³.

---

⁴¹ См.: *Moritz E.* Preußen und der Kościuszko-Aufstand 1794. Zur preußischen Polenpolitik in der Zeit der Französischen Revolution. Berlin, 1968. S. 47; *Müller M. G.* Zweite Teilung; *Idem.* Die Teilungen Polens, прежде всего S. 54–56; *Ströbel A.* Die polnischen Teilungen. Ein analytischer Vergleich // *Altieri R.* (Hg.). Spielball der Mächte. S. 14–37.

⁴² См.: *Müller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». Прежде всего p. 425–427; *Müller M. G.* Zweite Teilung. S. 618; *Idem.* Die Teilungen Polens. S. 54–56; *Ströbel A.* Die polnischen Teilungen. S. 30–34.

⁴³ Об этом «мотиве завоевания» см. прежде всего работу Ричарда Уортмана: *Wortman R.* Ceremony and Empire in the Evolution of Russian Monarchy // *Evtuhov C., Gasparov B., Ospovat A., Hagen M. von* (eds). Kazan, Moscow, St. Petersburg. P. 23–39. И более подробно – в его же двухтомнике о сценариях имперской власти: *Idem.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. From Peter the Great to the Death of Nicholas I. Princeton, 1995; *Idem.* Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2000 [рус. изд.: *Уортман Р.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. М., 2000]. См. также: *Utz R.* Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. Nationalismus und Außenpolitik im Zarenreich. Wiesbaden, 2008. Прежде всего S. 216–245.

Поэтому оккупация и интеграция польских территорий не были чем-то новым для петербургских правителей и при последующем построении системы имперского управления новоприобретенными землями они прибегали к знакомым схемам. Как и в случае с прибалтийскими провинциями, инкорпорация Польши сначала происходила путем кооптации местной лояльной знати в российское дворянское сословие. Еще Екатерина использовала этот проверенный интеграционный механизм домодерной полиэтничной империи; Александр I данный процесс форсировал⁴⁴.

И все же «восточные территории» бывшей Речи Посполитой представляли особый случай. Вероятно, в ответ на мощное негативное эхо, которым европейская общественность отреагировала на первое в истории полное уничтожение крупного европейского государства, российские авторы изображали присоединенные территории как исконно русские земли. Поэтому на них проводилась такая интеграционная политика, которая на протяжении всего XIX века отличалась от политики в отношении польских «основных провинций», узурпированных Санкт-Петербургом по результатам Венского конгресса. Это было сознательной программой, и потому российская интеграционная политика в западных губерниях характеризовалась принципиальным внутренним противоречием. С одной стороны, Петербург шел по пути кооптации элиты, но с другой – также делал ставку на расширение государственных институтов и сфер принятия решений, что для польского дворянства было равносильно недопустимому вмешательству извне. Эта амбивалентность регулярно вызывала напряженность и множество конфликтов при символической интеграции шляхты, при государственной регистрации дворянства и происходившем при этом понижении дворянских титулов. Тем не менее следует отметить, что и Екатерина II, и Павел I, и прежде всего Александр I в своей польской политике руководствовались в принципе прагматическими соображениями, которые при возникновении проблем диктовали выбор в пользу сотрудничества с местными элитами, а не форсированной экспансии государства⁴⁵.

⁴⁴ Об этом фундаментальном механизме инкорпорации, действовавшем в домодерной многонациональной державе, см.: *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München, 1992. S. 134–138; о польско-литовских территориях: *Ibid.* S. 103–104. О кооптации дворянства западных провинций Российской империи см. прежде всего: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. Гл. 3; *Ganzenmüller J.* Ordnung als Repräsentation von Staatsgewalt. Das Zarenreich in der litauisch-weißrussischen Provinz (1772–1832) // *Baberowski J., Feest D., Gumb C.* (Hg.). Imperiale Herrschaft in der Provinz. Repräsentationen politischer Macht im späten Zarenreich. Frankfurt am Main, 2008. P. 59–80; *Idem.* Zwischen Elitenkooptation und Staatsausbau. Der polnische Adel und die Widersprüche russischer Integrationspolitik in den Westgouvernements des Zarenreiches (1772–1850) // *Historische Zeitschrift.* 2010. Bd. 291. S. 625–662; *Kraft C.* Polnische militärische Eliten in gesellschaftlichen und politischen Umbruchprozessen 1772–1831 // *Gestrich A., Schnabel-Schuele H.* (Hg.). Fremde Herrscher – Fremdes Volk. Inklusions- und Exklusionsfiguren bei Herrschaftswechsels in Europa. Frankfurt am Main, 2006. S. 271–295; *Müller M. G.* Der polnische Adel; *Velychenko S.* Identities, Loyalties, and Service in Imperial Russia. Who Administered the Borderlands? // *Russian Review.* 1995. Vol. 54. No. 2. P. 188–208. О схожих процессах в Галиции после включения ее в монархию Габсбургов см.: *Řezník M.* Neuorientierung einer Elite. Aristokratie, Ständewesen und Loyalität in Galizien (1772–1795). Frankfurt am Main, 2016.

⁴⁵ См. прежде всего: *Bömelburg H.-J.* Inklusion und Exklusion nach der Ersten Teilung Polen-Litauens. Die österreichische, preußische und russländische Regierungspraxis in Galizien, Westpreußen und den weißrussischen Gouvernements Polack und Mahileŭ im Vergleich (1772–1806/07) // *Bömelburg H.-J., Gestrich A., Schnabel-Schüle H.* (Hg.). Die Teilungen Polen-Litauens. S. 171–200; *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 75–80; *Czubaty J.* Zasada «dwóch sumień». Normy postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru (1795–1815). Warszawa, 2005; *Ganzenmüller J.* Russische Staatsgewalt und polnischer Adel. Elitenintegration und Staatsausbau im Westen des Zarenreiches (1772–1850). Köln, 2013. Прежде всего *Кап. 1–3; Porthnov A.* «Unsere Leute» identifizieren. Die «ukrainischen Territorien» 1772–1831 // *Bömelburg H.-J., Gestrich A., Schnabel-Schüle H.* (Hg.). Die Teilungen Polen-Litauens. S. 201–244. Об особенностях интеграционной политики в западных губерниях в более поздний период см.: *Долбилов М. Д.* Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // *Ab Imperio.* 2001. № 1–2. С. 227–268; *Dolbilov M.* Russification and the Bureaucratic Mind in the Russian Empire's Northwestern Region in the 1860s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2004. Vol. 5. No. 2. P. 245–272; *LeDonne J. P.* Frontier Governors General, 1772–1825. I. The Western Frontier // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 1999. Bd. 47. H. 1. S. 57–81; *Idem.* Frontier Governors General, 1772–1825. II. The Southern Frontier // *Ibid.* 2000. Bd. 48. H. 2. S. 161–183; *Miller A.* Shaping Russian and Ukrainian Identities in the Russian Empire During the Nineteenth Century. Some Methodological Remarks // *Ibid.* Bd. 49. H. 2. S. 257–263; *Idem.* The Ukrainian Question. The Russian Empire and Nationalism in the Nineteenth Century. Budapest, 2003; *Velychenko S.* Identities, Loyalties, and Service; *Weeks T. R.* Nation and State in Late Imperial Russia.

Тот факт, что такая интеграционная политика Александра I, отмеченная неискоренимыми противоречиями, могла оказаться эффективной и инициировать удивительные реформы, объясняется не только либерализмом молодого царя. Князь Адам Ежи Чарторыйский как представитель фракции польского дворянства, лояльной царю, принадлежал к ближайшему кругу друзей и советников Александра и умел использовать свои возможности для расширения польской автономии. Чарторыйский был с 1804 года министром иностранных дел Российской империи и сыграл значительную роль в разработке концепций создания независимого Польского королевства, которое должно было быть связано с царским домом личной унией. Одновременно – вероятно, благодаря влиянию Чарторыйского же – в концепцию общеимперской образовательной реформы 1802–1804 годов были перенесены основные принципы Образовательной комиссии, действовавшей в Речи Посполитой; согласно этой концепции империя была поделена на шесть учебных округов. Сам Чарторыйский в качестве куратора Виленского учебного округа впоследствии способствовал развитию образования в западных губерниях. Здесь, с дозволения Александра, он создал в значительной степени полонизированную школьную систему и реорганизовал Виленский университет в польскоязычное высшее учебное заведение. Такое российское владычество для части польского дворянства не было лишено привлекательности, особенно после того, как надежды на восстановление независимой, объединенной Польши оказались разбиты. Также свою роль, несомненно, сыграл опыт, говоривший, что у восстания, подобного тому, какое поднял Костюшко, шансов на военную победу нет⁴⁶.

Движение в этой ситуации было инициировано извне. Наполеон, одержав победу над Пруссией и Австрией, объединил польские земли, захваченные ими, в Герцогство Варшавское, создав таким образом новое Польское государство. В Тильзитском мирном договоре и во франко-прусском соглашении 1807 года было предусмотрено такое государственное образование, которое – по крайней мере, на бумаге – выглядело весьма впечатляющим. Оно было оснащено некоторыми французскими «экспортными товарами» того времени, такими как конституция, раздел властей и гражданский кодекс. Очень быстро была создана польская администрация во главе с бывшим маршалом Четырехлетнего сейма Станиславом Малаховским, которому подчинялась временная правительственная комиссия, состоявшая из четырех человек. После принятия Конституции в июле 1807 года его сменил на посту председателя Совета министров Станислав Потоцкий. Герцогом, управлявшим этой наполеоновской Польшей, где изначально проживало более 2,5 млн человек, был назначен саксонский курфюрст Фридрих-Август III. Тот факт, что Наполеон летом 1807 года ввел в Герцогстве Конституцию, продиктованную им лично, не соответствовал ожиданиям польского правительства, которое задумывалось о возобновлении Майской конституции 1791 года. Некоторые из этих конституционных и гражданско-правовых нововведений, отличавших Герцогство Варшавское, сохранили свое значение и после 1815 года, когда Польша вновь оказалась под русским сюзеренитетом. Так, Конституция 1815 года частично была основана на французской, а наполеоновский Гражданский кодекс даже оставался в силе до 1915 года⁴⁷.

⁴⁶ См., в частности: *Flynn J. T.* The University Reform of Tsar Alexander I, 1802–1835. Washington, 1988. P. 40–50, 112–122; *Kusber J.* Eliten- und Volksbildung im Zarenreich während des 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Studien zu Diskurs, Gesetzgebung und Umsetzung. Stuttgart, 2004. Прежде всего S. 375–381; *Saunders D.* Russia in the Age of Reaction and Reform, 1801–1881. London, 1992. P. 19–25; *Völkl E.* Zar Alexander I. und die «polnische Frage» // *Saeculum*. 1973. Bd. 24. S. 112–132; *Zawadzki W. H.* Russia and the Re-opening of the Polish Question, 1801–1814 // *The International History Review*. 1985. Vol. 7. No. 1. P. 19–44. О Чарторыйском см. также: *Czubaty J.* Zasada «dwóch sumień»; *Morley C.* Alexander I. and Czartoryski. The Polish Question from 1801–1813 // *Slavonic and East European Review*. 1946. Vol. 25. P. 405–426; *Zawadzki W. H.* A Man of Honour. Adam Czartoryski as a Statesman of Russia and Poland, 1795–1831. Oxford, 1993. P. 259–280. О польской Образовательной комиссии см.: *Suchodolski B.* Komisja Edukacji Narodowej na tle roli oświaty w dziejowym rozwoju Polski. Warszawa, 1973.

⁴⁷ Текст Конституции 1807 года см. в кн.: *Pölitz K. H. L.* (Hg.). Die europäischen Verfassungen seit dem Jahre 1789 bis auf unsere heutige Zeit. Leipzig, 1833. S. 17–22. Также см.: *Peñcke H. M.* Очерк законодательства Царства Польского (1807–1881 г.). СПб., 1902. Гл. 1. После поражения Австрии и заключения Шенбруннского мирного договора в 1809 году территория Герцогства

Тем не менее Герцогство Варшавское оставалось государством по милости Бонапарта, и быстро стало слишком очевидно, что оно выполняет прежде всего функцию плацдарма и резерва ресурсов для Великой армии, собираемой Наполеоном на Висле для его похода против России. И хотя борьба польских легионов за Французскую республику и наполеоновскую империю на полях сражений Европы могла стимулировать мифотворчество, прозаическое создание Герцогства Варшавского мало подходило для подобных проекций. Это было связано также с балансом власти в нем: фактически правил в Варшаве не герцог, а французский посол. Много энергии было направлено на строительство армии, во главе которой первоначально должны были встать генералы прежней польской армии – Юзеф Зайончек и Ян Генрик Домбровский. 96 тыс. польских солдат – т. е. самый большой контингент после войск Франции и Рейнского союза – участвовали в походе на Россию в составе Северного легиона. Кроме того, поскольку Герцогство Варшавское служило главным плацдармом для начала кампании 1812 года, а солдат Великой армии нужно было кормить и снаряжать всем необходимым, казна ее вскоре была опустошена.

Неудивительно поэтому, что французское правление в Герцогстве Варшавском в глазах значительной части польского дворянства быстро привело к разочарованию в близости к Наполеону как партнеру по альянсу. Катастрофа, ожидавшая французов в России, коснулась самым непосредственным образом и польского контингента в составе Великой армии: только 24 тыс. из почти 100 тыс. польских солдат вернулись из похода на Москву. После того как русская зима принесла поражение Наполеону, влиятельные круги польской элиты быстро нашли в себе готовность вступить в переговоры с Александром I. Поэтому, когда последние оставшиеся верными Наполеону польские войска во главе с Юзефом Понятовским еще сражались за отступающего Бонапарта, переговоры о передаче территориального ядра Герцогства Варшавского под русское господство уже состоялись. Когда Александр I вместе со своим бывшим министром иностранных дел Адамом Чарторыйским в 1814 году отправился на Венский конгресс, он смог представить партнерам по переговорам детально проработанный проект по созданию Царства Польского – проект, основанный не только на военной мощи российской армии, но и на поддержке со стороны некоторых влиятельнейших польских дворянских семей. Особенно консервативный, «белый» лагерь магнатов был готов сотрудничать с Россией в качестве новой/старой метрополии. Для России же возможность сослаться на то, что внутри Польши существует мощная фракция, поддерживающая притязания Петербурга, означала серьезное укрепление базы для переговоров на Венском конгрессе. Решения этого конгресса не только определили общеевропейский порядок посленаполеоновского периода, но и, прежде всего, закрепили для территории прежней польской аристократической республики то состояние территориальной разделенности, которое просуществовало вплоть до Первой мировой войны.

В Вене Александру отнюдь не удалось реализовать свою программу-максимум по решению «польского вопроса» в том ключе, какой отвечал бы его пожеланиям: противодействие со стороны Каслри или Меттерниха в этом вопросе было слишком сильным. Поэтому господство Австрии и Пруссии над значительной частью территорий, оккупированных ими в 1772–1795 годах, было конгрессом подтверждено. И все же создание Царства, самостоятельного, но связанного личной унией с российским императором, стало дипломатическим успехом русской делегации. Планы Александра I и Чарторыйского оказались убедительны для их партнеров по переговорам постольку, поскольку британская и австрийская стороны также хотели,

---

Варшавского расширилась за счет некоторых земель Западной Галиции, а численность населения выросла до 4,4 млн человек. О Герцогстве см. также: *Breyer R.* Südpreußen, Neustpreußen und das Herzogtum Warschau // Rogall J. (Hg.). *Deutsche Geschichte im Osten Europas. Land der großen Ströme. Von Polen nach Litauen.* Berlin, 1996. S. 172–193; *Czubaty J.* Księstwo Warszawskie (1807–1815). Warszawa, 2011; *Idem.* Zasada «dwóch sumień»; *Senkowska-Gluck M.* Das Herzogtum Warschau // Sieburg H.-O. (Hg.). *Napoleon und Europa.* Köln, 1971. S. 221–230.

чтобы устанавливаемый новый порядок сохранял свою стабильность в долгосрочной перспективе⁴⁸.

В результате на Венском конгрессе был закреплён «четвёртый раздел» Польши. Районы старой польско-литовской Речи Посполитой – за исключением Кракова, который в договоре фигурировал как «вольный город» со своей собственной Конституцией, – разделялись, как и до 1807 года, между Пруссией, Австрией и Россией. Российская часть Польши теперь включала 82% территории бывшей шляхетской республики, и ещё более 3,3 млн поляков стали новыми подданными царя в качестве жителей Царства Польского. Это царство – хотя и было немного меньше, чем наполеоновское Герцогство Варшавское, – после 1815 года также включало города Варшаву, Калиш, Люблин и Плоцк, заходя в южном и западном направлениях далеко на центральные польские земли⁴⁹.

Очень большое значение имело и то, что в Венском трактате речь шла не только о государственной принадлежности разделённых польских территорий. Как справедливо подчеркнул Ханс-Хеннинг Хан, особенно важно было то, что и правовой их статус тоже был закреплён в договоре, и это имело значительные последствия. Благодаря этому и определённые польские претензии оказались отражены в Венском трактате: Царство Польское получило политически автономный статус и было однозначно названо «государством». Это «государство с особым управлением» должно быть связано с Россией через личную унию с русским царствующим домом. Кроме того, конституция Царства Польского, которой ещё только предстояло быть написанной во всех подробностях, прямо определялась как часть договора. В то же время, однако, было проведено четкое различие между этим государственным новообразованием и другими территориями на востоке, отошедшими к России. Возможное в последующем присоединение старых польских восточных территорий к Царству *не* регулировалось Венским трактатом и оставалось обещанием, которое Александр несколько раз давал, но так и не выполнил⁵⁰.

В целом решения по «польскому вопросу», принятые в Вене, были отнюдь не однозначны. С одной стороны, старая Речь Посполитая в границах 1772 года уже не представляла собой политического единства. С другой стороны, она несколько раз упоминалась в тексте договора и вся совокупность польских земель все ещё выступала в определённых областях – особенно в экономических вопросах – в качестве системы отсчёта. Кроме того, трактат заключал в себе не только положение о границах, но и правовые положения. Казалось бы, договаривающиеся стороны исходили из *государственного* принципа, в соответствии с которым международно-правовой статус, а также государственно-правовая форма нового Царства Польского были относительно четко сформулированы. Но, с другой стороны, в некоторых положениях (*политико-)*национальный принцип тоже учитывался – при заключении соглашений, которые должны были применяться ко всем жителям бывшей Речи Посполи-

---

⁴⁸ По следующей далее проблематике см. прежде всего: *Hahn H.-H.* Die Polenbestimmungen der Wiener Schlußakte. Eine politische und völkerrechtshistorische Analyse // *Dybaś B.* (Hg.). Die polnische Frage und der Wiener Kongress 1814–1815. Wien, 2020 [в печати]. См. также: *Eich U.* Rußland und Europa. Studien zur russischen Deutschlandpolitik in der Zeit des Wiener Kongresses. Köln, 1986. Прежде всего S. 256–275; *Gruner W. D.* Der Wiener Kongress 1814/15. Stuttgart, 2014; *Kraehe E. E.* Metternich's German Policy. Princeton (N. J.), 1983. Vol. II: The Congress of Vienna, 1814–1815; *Кулик М.* Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 // *Славяноведение.* 2013. № 1. С. 105–107; *Schroeder P. W.* The Transformation of European Politics 1763–1848. Oxford, 1994. Chap. 12; *Siemann W.* Metternich. Strategie und Visionär. Eine Biographie. München, 2016. Прежде всего S. 504; *Thackeray F. W.* Antecedents of Revolution. Alexander I and the Polish Kingdom 1815–1825. Boulder (Col.), 1980; *Völkl E.* Zar Alexander I. und die «polnische Frage»; *Zamoyski A.* 1815. Napoleons Sturz und der Wiener Kongress. München, 2014; *Zawadzki W. H.* Russia and the Re-opening of the Polish Question; *Zernack K.* Polen und Rußland. S. 313–314. О концепциях и представлениях Александра в этот период см. также: *Martin A. M.* Romantics, Reformers, Reactionaries. Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997. P. 143–168; *Zawadzki W. H.* A Man of Honour. P. 259–280.

⁴⁹ См.: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 83–84.

⁵⁰ См.: *Hahn H.-H.* Die Polenbestimmungen der Wiener Schlußakte.

той до 1772 года. Пассажи, посвященные межгосударственному единому (польско-литовскому) экономическому пространству, были здесь уступкой представлениям поляков о единой – существующей поверх границ – нации. В силу того, что в трактате были представлены и государственный, и национальный принципы, этот договор открывал пространство для интерпретаций, где были возможны очень противоречивые толкования, и тем самым программировался будущий польско-российский конфликт⁵¹.

Однако с российской точки зрения это не выглядело противоречием, поскольку, как представлялось петербургским властям, в постановлениях Венского конгресса были зафиксированы две вещи: во-первых, постоянное подчинение Польши российскому трону казалось гарантированным, поскольку не было никаких сомнений в том, кто будет играть главную роль во вновь создаваемом Царстве Польском. Во-вторых, прежние польско-литовские восточные территории международное сообщество косвенно тоже признало теперь российской территорией: это выразилось в том, что связь Царства Польского с данными районами *не* была сделана предметом договоров, заключенных в Вене. Таким образом, с российской точки зрения все было ясно. «Конгрессовая Польша» представляла собой то, что было связано с традицией польской государственности, а «западные губернии» отныне принадлежали к основной территории Российской империи, к той, которая все больше и больше изображалась теперь как «исконно русская» земля. И действительно, создание Царства Польского привело к тому, что его территории, расположенные в Центральной Польше, и «старые восточные» земли начали после 1815 года быстро развиваться в разных направлениях. Управленческие практики Петербурга в западных губерниях были таковы, что – вопреки всем обещаниям единого экономического пространства – эти земли в последующие годы все заметнее и заметнее отличались от Конгрессовой Польши⁵².

К тому, как после 1815 года развивалась ситуация в новом Царстве Польском, мы и обратимся в следующем разделе.

---

⁵¹ Ibid.

⁵² О принципиальной разнице между Царством Польским и западными губерниями и об углублении противоречий на протяжении XIX века см.: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины; *Долбилов М. Д.* Культурная идиома возрождения России; *Matsuzato K.* The Issue of Zemstvos in Right Bank Ukraine 1864–1906. Russian Anti-Polonism Under the Challenges of Modernization // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2003. Bd. 51. H. 2. S. 218–235; *Miller A.* The Ukrainian Question; *Portnov A.* «Unsere Leute» identifizieren; *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, 1998; *Сталюнас Д.* Границы в пограничье. Белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных окраинах в период Великих реформ // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 262–292; *Vulpius R.* Nationalisierung der Religion. Russifizierungspolitik und ukrainische Nationsbildung 1860–1920. Wiesbaden, 2005; *Weeks T. R.* Defining Us and Them. Poles and Russians in the «Western Provinces», 1863–1914 // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. No. 1. P. 26–40; *Idem.* Nation and State in late imperial Russia; *Idem.* A National Triangle. Lithuanians, Poles and the Russian Imperial Government // *Evtuhov C., Gasparov B., Ospovat A., Hagen M. von* (eds). Kazan, Moscow, St. Petersburg. P. 365–380; *Woolhiser C.* Constructing National Identities in the Polish-Belarusian Borderlands // *Ab Imperio*. 2003. No. 1. P. 293–346.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ МЕЖДУ ВЕНСКИМ КОНГРЕССОМ И НОЯБРЬСКИМ ВОССТАНИЕМ (1815–1831)

Царство Польское было наделено далекоидущими привилегиями, которые казались немислимыми для внутренней России, и это подчеркивало его государственную самостоятельность. Прежде всего, то была разработанная с участием Чарторыйского в 1815 году Конституция: она гарантировала Польше особый статус и сделала ее «опытным полем» для конституционных реформ Александра I⁵³. Конституция подчеркивала государственный суверенитет Конгрессовой Польши и предусматривала для нее правительство в виде Государственного совета, назначаемого монархом, и парламент – сейм, состоявший из палаты депутатов, члены которой избирались от провинциальных и муниципальных палат, и сената, члены которого назначались монархом. Сейм должен был собираться каждые два года и заседать в два раза дольше, чем во времена Герцогства. Согласно избирательному законодательству, более 100 тыс. граждан имели право голосовать, т. е. в Польше электорат был больше, чем во Франции в то время, однако это право все же оставалось монополией имущих классов.

Конституция закрепила «вечную» личную унию, по которой русский царь был польским королем. В этом качестве он возглавлял Государственный совет, однако собственно правительственной работой совета руководил наместник, которого назначал царь и которому были подчинены пять министров, тоже назначаемых царем. Деятельность правительства осуществлялась пятью комиссиями, работавшими весьма активно, особенно в области содействия образованию и экономическому развитию. Царь в качестве польского короля также председательствовал в сейме. Обе палаты сейма через три комиссии участвовали в законотворчестве с правом совещательного голоса. В то время как сенат состоял из членов магнатского сословия и царской семьи, избираемая палата депутатов оказалась форумом оживленного обмена мнениями и идеями⁵⁴.

В восьми провинциях Царства Польского сохранялся коллегиальный принцип управления. Провинциальные комиссии возглавлял президент (которого назначал царь), а провинциальные и муниципальные собрания направляли избранных представителей в советы провинций. Города управлялись городскими советами, сельские общины – войтами. Кроме того, в Царстве Польском имелся собственный Верховный суд, половину членов которого составлял сенат, а половину – лица, назначаемые царем. Введенный Бонапартом еще в Герцогстве Варшавском Гражданский кодекс (Кодекс Наполеона) был сохранен в качестве кодекса гражданского права. Наряду с этим в Конституции были подчеркнуты главные гражданские свободы, такие как свобода мнений и вероисповедания, защита собственности, равенство перед законом и защита от произвольного ареста.

И последнее, но не менее важное: царь гарантировал новому государству собственную, польскую армию, которая, правда, находилась под верховным командованием его брата, великого князя Константина, однако царь по крайней мере обещал, что ее солдаты будут использоваться только на европейских театрах военных действий. Для репрезентации особого положения Польши существование собственной армии имело центральное значение.

---

⁵³ Конституция 1815 года опубликована в кн.: *Pölitik K. H. L.* (Hg.). *Die europäischen Verfassungen*. S. 24–33; *Сергеевский Н. Д.* (ред.). *Конституционная хартия 1815 г. и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881)*. СПб., 1907.

⁵⁴ По проблематике, затрагиваемой в следующем абзаце, см. также: *Долбиллов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). *Западные окраины*. С. 81–92; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 427–429; *Кулик М.* *Польша и Россия*. С. 105–107; *Thackeray F. W.* *Antecedents of Revolution; Zawadzki W. H.* *A Man of Honour*. P. 259–280.

Подчеркнутая государственная самостоятельность, которую, как казалось, гарантировала Конституция, в первые годы после Венского конгресса была дополнена символической политикой примирения. Александр очень старался многочисленными примирительными жестами привлечь к строительству нового государства под своей верховной властью широкие слои польской аристократии. Административное деление следовало традиционной структуре польских воеводств, а чиновничий аппарат составлялся исключительно из местных, польских кадров. В 1815 году князь Юзеф Зайончек стал первым наместником и, тем самым, главой Государственного совета. Таким образом, в качестве официального представителя русского царя и в качестве главы польского правительства выступал человек, который еще недавно в чине генерала участвовал на стороне Наполеона в войне против России. С другой стороны, это назначение показывает, что царь больше не хотел давать сильную позицию Чарторыйскому, который к тому моменту утратил, по крайней мере частично, бывшее безграничное доверие Александра.

Вместе с тем регулярное присутствие царя в Варшаве свидетельствовало о том, насколько важны были на этом этапе польские дела для центра. Каждый визит самодержца служил демонстрацией автономии Царства Польского. Во время пребывания в Варшаве Александр отдельно короновался как польский король, принял присяги от польских сословий, гарантировал права, закрепленные в Конституции, и лично открывал сессии сейма⁵⁵.

Самостоятельность Царства Польского была также подчеркнута созданием Варшавского архиепископства. Когда традиционные границы диоцезов после 1815 года меняли в соответствии с новыми политическими границами, исчезла прежняя функция примаса Польши, которую ранее выполнял архиепископ Гнезно, стоявший, таким образом, выше остального польского епископата. Теперь же в Гнезно-Познани, Львове и Варшаве находились равноправные епархии, что для Варшавы означало существенное повышение ее статуса в церковной иерархии. Среди мер, подчеркивавших польскую автономию, не последнюю роль играло и основание в 1816 году Варшавского университета: с одной стороны, оно должно рассматриваться как продолжение образовательных реформ Александра, с другой – Петербург этим актом сигнализировал, что местные интересы и устремления поляков в области образования и развития имели для него первостепенное значение, поэтому Александр почтил вновь созданный университет своим личным присутствием на церемонии открытия. В последующие годы комиссии польского правительства именно в педагогической сфере развили особенно бурную деятельность. Прежде всего благодаря председателю Комиссии исповеданий и народного просвещения Станиславу Костке (в русском обиходе – Станиславу Евстафьевичу) Потоцкому в первые пять лет после Венского конгресса была проведена огромная работа в области как университетского, так и общего образования. Ревностный реформатор и масон, Потоцкий оставался в должности почти до самой смерти и вложил значительные средства в развитие системы начальных школ. Однако едва ли в какой-либо другой сфере правительственной деятельности так явно, как в вопросах образования и религии, можно было увидеть, что польское общество характеризовалось глубоким антагонизмом между реформаторами, продолжавшими традиции Просвещения и Конституции 3 мая, и консервативными силами, которые пользовались поддержкой в среде высших церковных сановников и иезуитов. После того как в 1821 году Потоцкий умер, во главе Министерства просвещения встал Станислав Грабовский – представитель консерва-

---

⁵⁵ См. речь Александра при открытии сейма в 1817 году: *Pölitz K. H. L.* (Hg.). *Die europäischen Verfassungen*. S. 33–36. Об открытии университета в Варшаве см. также: *Александренко В. Н.* Из истории Варшавского университета. СПб., 1908; *Щелков И. П.* Очерк истории высших учебных заведений в Варшаве до открытия Императорского Университета // *Варшавские университетские известия*. 1893. № 8. С. 1–32. См. также: *Kizwalter T.* (red.). *Monumenta Universitatis Varsoviensis. Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego*. Warszawa, 2016. Cz. I. Lata: 1816–1915; *Kulecka A.* (red.). *Urzednicy i urzedy w spolecznosci XIX wieku. Zbiór studiów*. Warszawa, 2017; *Swiderski B.* *Myth and Scholarship. University Students and Political Development in XIX Century Poland*. Copenhagen, 1987. Особенно p. 86–129.

тивного крыла. Вслед за этим в деле массового образования произошел резкий спад и наступил общий развал учебных заведений⁵⁶.

Напротив, действия министров финансов и промышленности оказали гораздо более устойчивое влияние на социальное и экономическое развитие Царства Польского. Созданная в 1816 году Главная горнопромышленная дирекция сначала попробовала свои силы на локальном уровне, в поддержке добычи угля в Домброве, а затем министр промышленности Станислав Сташиц возвел меркантилизм в ранг правительственной доктрины. Сташиц, который был также президентом влиятельного Варшавского общества друзей наук (*Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk*), по праву считается одним из самых активных просветителей и реформаторов первых лет после Венского конгресса⁵⁷. Начиная с 1821 года министр финансов Францишек Друцкий-Любецкий стал проводить обширную реформу национальной экономики. Некоторое время он занимал ключевое положение в правительстве, практически не встречая противодействия со стороны Зайончека, и в результате Министерство промышленности утратило свое значение.

Активная, интервенционистская экономическая политика Друцкого-Любецкого привела к тому, что в ключевых областях и отраслях – таких, как добыча полезных ископаемых, производство текстильных изделий и металлообработка, – произошло быстрое оживление промышленности. Он добился снижения российских таможенных тарифов для Польши и в то же время проводил протекционистскую политику в отношении Австрии и Пруссии, за счет чего гораздо больше привязал Польшу к Российской империи. Министр финансов успешно боролся за сбалансированный бюджет, и при его участии после нескольких лет переговоров с Пруссией и Австрией было достигнуто списание долгов Польши. Но не только это способствовало буму инвестиций в Царстве Польском. Основание польского государственного банка по инициативе того же министра открыло новый простор для маневра. Государственный банк предоставлял кредиты предпринимателям, желавшим инвестировать капиталы в Польшу, а также сам вкладывал деньги, особенно в области инфраструктуры.

Кроме того, министр финансов прекрасно понимал важность образования. Ему приписывают утверждение, что Польшу нужны три вещи: торговля, промышленность и школы. И действительно, он выступал за расширение сети школ и за создание высшего учебного заведения для преподавания прикладных наук. Открытие в 1828 году в Варшаве Политехнического института означало не только то, что теперь можно готовить необходимый технический персонал для растущей промышленности: деятельность этого образовательного учреждения привела и к общей активизации культурной жизни Варшавы и – в среднесрочной перспективе – к дифференциации интеллектуального ландшафта Царства Польского. Таким комплексом мер Друцкий-Любецкий заложил основы той позднейшей промышленной революции, которая сделала Царство Польское одним из наиболее экономически развитых регионов Российской империи в целом⁵⁸.

Нигде эти новые экономические процессы не проявлялись более впечатляющим образом, нежели в провинциальной Лодзи и столичной Варшаве.

Город Лодзь, построенный на земле короны, благодаря целенаправленной поддержке промышленности за десятилетие превратился из деревни, где было всего лишь 800 жителей, в центр текстильной индустрии с почти десятитысячным населением. Этим была заложена

---

⁵⁶ Обзорная работа по этой теме: *Kulecka A.* (red.). *Urządnicy i urzędy*.

⁵⁷ Наиболее важная общая работа по этой теме: *Trencsényi B., Kopeček M.* (eds). *Late Enlightenment. Emergence of the Modern «National Idea»*. Budapest, 2006. Part 1: Images of the Future (from the 1780s to 1863). Также см.: *Jedlicki J.* *A Suburb of Europe. Nineteenth-Century Polish Approaches to Western Civilization*. Budapest, 1999; *Idem.* *Włędne koło 1832–1864*. Warszawa, 2008. T. 2: *Dzieje inteligencji polskiej do 1918 roku*.

⁵⁸ См.: *Jaworski R.* *Das geteilte Polen (1795–1918)* // *Jaworski R., Lübke C., Müller M. G.* (Hg.). *Eine kleine Geschichte Polens*. Frankfurt am Main, 2000. S. 260–261; *Wandycz P. S.* *The Lands of Partitioned Poland 1795–1918*. Seattle, 1974. P. 79–82.

основа для его развития, в ходе которого «Восточный Манчестер» к исходу XIX века стал вторым по величине городом в Царстве Польском и одним из важнейших промышленных центров всей Российской империи.

Одной из особенностей Лодзи была ее многонациональность и многоконфессиональность. Уже в 1820-е годы здесь поселилось несколько немецких сукноделов, построивших сеть прядилен для производства хлопчатобумажных и льняных тканей. Самыми богатыми и известными среди них стали Кристиан Фридрих Вендиш и, особенно, Людвик Гейер, а в 1850-е годы появились крупные производители Карл Вильгельм Шайблер и Юлиус Шварц. Благодаря быстрому расширению фабрик и притоку немецких рабочих к 1839 году немцы составляли уже до 80% населения города. Чуть позже в Лодзи сформировалась еврейская община, значение которой особенно возросло после того, как в 1848 году вышло официальное разрешение на строительство фабрик. В 1834 году Кальман Познанский поселился здесь со своей семьей и быстро вошел в число самых богатых местных торговцев. В 1852 году он передал свои дела в Лодзи младшему сыну, Израэлю, который в последующие годы стал одним из крупнейших еврейских предпринимателей, фабрикантов и филантропов во всем Царстве Польском. Хотя быстрое развитие крупных предприятий и расширение индустриального текстильного производства с применением паровых машин приходится на вторую половину XIX века, все же основы для экономического подъема Лодзи и превращения ее в промышленный мегаполис были заложены еще до Ноябрьского восстания (1830–1831)⁵⁹.

Варшава тоже сильно выиграла от политики Государственного совета, направленной на концентрированную поддержку предпринимательства. Символическим оформлением этого экономического подъема стало открытие Варшавской биржи ценных бумаг, но заметен он был и в увеличении городского бюджета и значительном приросте населения Варшавы: за период с 1816 по 1830 год муниципальный бюджет увеличился в восемь раз, а численность населения к 1827 году составляла уже 120 тыс. человек, причем начала меняться его социальная структура, поскольку Варшава была теперь не только административным, но и промышленным центром – особенно интенсивно развивались обработка черных металлов и текстильная промышленность. Уже в первой половине XIX века в Варшаве и Лодзи наметились те социальные изменения, в ходе которых они все больше превращались в места проживания и трудовой деятельности растущего рабочего класса.

В то же время происходило превращение Варшавы в культурную столицу Царства Польского. В городском пейзаже начали доминировать крупные административные здания, театры и банки, выстроенные в стиле классицизма; были проложены новые улицы и аллеи, возникли просторные площади. Среди прочих выделялось, конечно, здание Большого театра, строительство которого началось в 1825 году под руководством Антонио Кораци: в то время это был один из самых вместительных театров Европы. Другим знаком нового культурного оживления была консерватория, открытая в 1821 году. И не в последнюю очередь следует упомянуть польскую систему образования, которая особенно процветала в Варшаве благодаря созданным там высшим учебным заведениям. Помимо университета, располагавшегося на улице Краковское Предместье, в столице Царства Польского с 1828 года существовал Политехнический институт и весьма активно действовало упомянутое выше Общество друзей наук, руководимое Станиславом Сташицем. В 20-е годы он предоставил Обществу отдельное здание рядом с университетом – так называемый дворец Сташица, перестроенный в неоклассицистском

---

⁵⁹ О Лодзи см. в особенности: *Pietrow-Ennker B.* Wirtschaftsbürger und Bürgerlichkeit im Königreich Polen. Das Beispiel von Lodz, dem «Manchester des Ostens» // *Geschichte und Gesellschaft.* 2005. № 2. S. 169–202; *Eadem.* Auf dem Weg zur Bürgergesellschaft? Modernisierungsprozesse in Lodz (1820–1914) // Hensel J. (Hg.). *Polen, Deutsche, Juden. in Lodz 1820–1939. Eine schwierige Nachbarschaft.* Osnabrück, 1999. S. 103–130 и другие статьи в этом сборнике; *Porter-Szűcs B.* Religion in Everyday Urban Life. Shaping Modernity in Łódź and Manchester, 1820–1914 // Berglund B. R., Porter-Szűcs B. (eds). *Christianity and Modernity in Eastern Europe.* Budapest, 2013.

стиле и расширенный тем же Антонио Корацци. В этом внушительном здании собиралось около 200 членов Общества, регулярно проходили публичные доклады, редактировались наиболее важные печатные органы Общества – «Ежегодник» (*Roczniki Warszawskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk*) и «Варшавская хроника» (*Pamiętnik Warszawski*) – и находилась самая большая публичная библиотека в городе. Когда в 1830 году преемник Сташица, Юлиан Урсин Немцевич, открыл памятник Копернику на площади перед зданием, это было мощным выражением польского культурного самосознания. Именно в этой атмосфере духовного пробуждения и подъема жил и творил молодой Фредерик Шопен⁶⁰.

Даже сельское хозяйство, традиционно проблемная отрасль местной экономики, в период подъема после 1815 года характеризовалось по крайней мере частичным ростом. Исходное его состояние было самым жалким. Только около 34% земли фактически обрабатывалось крестьянами. В аграрном секторе ощущалась острая нехватка капиталов – цены на зерно были низкими, а кредитные учреждения практически отсутствовали. Обремененная высокими податями, значительная часть крестьянства была вынуждена вести натуральное хозяйство и, таким образом, не участвовала в рыночном обороте. Если учесть, что крестьяне составляли примерно 80% от общей численности населения, это было серьезным препятствием для экономического развития.

Государство являлось крупнейшим землевладельцем в Царстве Польском: около 1/5 возделываемой земли и значительная часть лесов принадлежали ему. Тем важнее было то, что правительство сделало выбор в пользу инноваций. Среди прочих мероприятий следует отметить создание Земельного кредитного банка в 1825 году, улучшение сельской транспортной инфраструктуры, мероприятия в области животноводства и расширение площадей под посадки картофеля и сахарной свеклы – все это вело к увеличению инвестиций и росту урожаев. Начала развиваться сельскохозяйственная промышленность, особенно сахарорафинадные и ликероводочные заводы, что привело к увеличению доходов и к общей экономической активизации, по крайней мере в среде землевладельческой знати. Но более долгосрочные планы по продаже коронной земли единоличным собственникам-крестьянам реализовать не удалось, и вообще в крестьянском вопросе и связанном с ним вопросе о дворянских привилегиях никаких реформ проведено не было.

В целом экономическая политика Друцкого-Любецкого может быть охарактеризована как вполне успешная: она обеспечила Царству Польскому значительный экономический рост и мощный модернизационный импульс. Вместе с тем меры, принимаемые этим министром, отнюдь не у всех вызвали согласие. В то время как консервативный лагерь оказывал сопротивление реформам прежде всего в сельскохозяйственном секторе и в деле улучшения положения крестьянства, представители либерального лагеря критиковали возросшую экономическую зависимость Польши от Российской империи. Кроме того, Друцкий-Любецкий со своей дирижистской и интервенционистской политикой регулярно нарушал действующее право и закрепленные в Конституции полномочия сейма. Оппозиция из западной части страны, занимавшая либеральную точку зрения на экономику, все более и более открыто выступала против линии, проводимой министром финансов.

В общей сложности ни самостоятельность Царства Польского, предоставленная ему Конституцией 1815 года, ни поразительные экономические и образовательные достижения Государственного совета не способствовали долгосрочной политической стабилизации. Вскоре

---

⁶⁰ Станислав Сташиц умер в 1826 году. Юлиан Немцевич прожил бурную жизнь: был адъютантом Костюшко, соратником Наполеона, несколько раз оказывался в изгнании, потом стал статс-секретарем в Царстве Польском и наконец в 1828 году был назначен президентом Научного общества. О том, как менялась Варшава, см. общие работы: *Getka-Kenig M. Architektura i prestiż nowoczesnego urzędu. Przypadek budynków ministerialnych w Warszawie, stolicy konstytucyjnego Królestwa Polskiego (1785–1830)* // Kulecka A. (red.). *Urzednicy i urzędy. S. 39–52; Leśniakowska M. Architektura w Warszawie. Warszawa, 2005; Lupienko A. Przestrzeń publiczna Warszawy w pierwszej połowie XIX wieku. Warszawa, 2012.*

стало очевидно, что модель польской конституционной монархии в личной унии с русским царем имеет небольшой потенциал развития: взаимное недоверие и неудовлетворенность по поводу статус-кво были сильны как с польской, так и с российской стороны. Внутри польской знати сохранялась старая оппозиция между «красным» лагерем средней и низшей шляхты и «белым» лагерем высшей аристократии. Только последний был готов сотрудничать с Пруссией, Австрией и Россией в долгосрочной перспективе, тогда как первый все сильнее проникся духом общеевропейской революционной эйфории, достигшей своей кульминации в 1848 году. Еще в 1819-м императорский наместник в Польше был вынужден, ввиду усилившейся критики в адрес работы правительства, ввести цензуру для прессы. Для мира средств массовой коммуникации в Варшаве, процветавшего предшествующие пять лет, это стало большим ударом. В 1820 году, на втором заседании сейма, либеральная оппозиционная группа из Калиша во главе с братьями Бонавентурой и Винцентом Немоевскими подвергла правительство жестокой критике. Немоевские осуждали произвол властей и их попытки заставить замолчать сейм и общественное мнение. Кроме того, братья настаивали на праве сейма высказывать недоверие министрам⁶¹.

Хотя эта критика вовсе не была направлена лично против монарха, Александр I, незнакомый с культурой парламентских дебатов, воспринял подобные выступления как афронт в свой адрес и нападки на престол. Возмущенный, он предоставил Константину широкие полномочия, позволявшие тому игнорировать некоторые статьи польской Конституции. Немедленно последовали и карательные меры: братья Немоевские потеряли депутатские мандаты, воеводская комиссия в Калише была распущена, а сессии парламента – приостановлены на несколько лет. И еще целый ряд мер указывал на консервативный поворот: Потоцкий был выведен из Комиссии исповеданий и народного просвещения, его преемником стал Николай Новосильцев, а внеконституционная позиция Константина была значительно усилена. На следующее заседание сейма, состоявшееся в 1825 году, возможные протестующие допущены не были, а публичные дискуссии были запрещены. Помимо всего прочего, Немоевским запретили приезжать в Варшаву, и, таким образом, либеральная оппозиция лишилась своих трибунов и замолкла. Но эта тишина была лишь иллюзией замирения, поскольку роль лидера критического общественного мнения теперь перешла к сенату, который в дальнейшем занимался прежде всего отстаиванием конституционных прав.

Те, кто считал, что Польша должна быть российской, с большим подозрением взирали на тенденции усиления польской автономии, причем еще до 1820 года. Консервативные голоса в Петербурге предупреждали о проблематичных последствиях, которые предоставление Конституции Польше будет иметь для самой России. В Царстве же Польском главным критиком «польских притязаний» стал Николай Новосильцев, который еще до Венского конгресса, т. е. в последние дни Герцогства Варшавского, вел финансовые дела на Висле, а в 1815 году был назначен царем на должность особого уполномоченного для наблюдения за Государственным советом Польши и за политической и культурной жизнью в Царстве Польском. Новосильцев с самого начала крайне критически взидал на старания поляков максимально расширять сферы своей деятельности и свободу принятия решений. В то же время чрезвычайный, внеконституционный статус императорского комиссара вызывал большое негодование польской стороны. В ходе бурных дебатов по поводу сессии сейма 1820 года Новосильцев окончательно показал себя противником особого статуса Царства Польского и в последующем стремился этот статус минимизировать⁶².

---

⁶¹ См. также: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 91–92; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 429–430.

⁶² О Новосильцеве см., в частности: *Flynn J. T.* The University Reform of Tsar Alexander I. P. 119–123; *Lukowski J., Zawadzki H.* A Concise History of Poland. Cambridge, 2001. P. 125–127; *Wandycz P. S.* The Lands of Partitioned Poland. P. 95–96.

Однако тот факт, что после 1820-х годов конфликты между польскими лидерами общественного мнения, правительством и российскими полномочными представителями обострились, был вызван еще и той неудачной ролью, какую сыграл весьма авторитарно действовавший великий князь Константин. Своими публичными выступлениями, а также суровым, отчасти даже brutальным стилем, в котором главнокомандующий польской и литовской армией руководил своими войсками, он стяжал сомнительную репутацию мучителя солдат и тирана. Будучи неподконтролен правительству, Константин установил в войсках режим личной власти, вызывавший, из-за жестокой муштры и страсти великого князя к парадам, раздражение и в польском офицерском корпусе. Когда после 1820 года влияние Константина существенно увеличилось и распространилось на политические сферы, это значительно способствовало обострению напряженности.

В последующее десятилетие особенно в среде молодого поколения распространилось ощущение, что закрепленные в Конституции права значительно ущемляются административным произволом и специальными уполномоченными, ответственными только перед царем. Вдохновленные общеевропейским масонским движением и примером немецких студенческих ассоциаций, стали возникать многочисленные тайные общества. Особенно в Варшаве бывшие масонские ложи быстро политизировались и начинали воспринимать себя в качестве передовых отрядов в борьбе за защиту и расширение польской Конституции. В атмосфере конфронтации и патриотического пафоса, а также в условиях крайне ограниченной политической публичной сферы некоторые организации, такие как Национальное патриотическое общество, основанное в 1821 году, радикализировались – встали на позицию принципиального отвержения российского господства. Заявленная долгосрочная цель их активистов заключалась в восстановлении полной польской независимости и воссоединении всех территорий прежней польско-литовской дворянской республики.

Авторитарные российские властители преследовали такие тайные общества, и прежде всего на старых польских восточных территориях, поскольку любые артикуляции национального патриотизма рассматривались как принципиальная постанова под сомнение прав России на эти земли. Особенно те сети тайных обществ, которые сформировались вокруг Виленского университета, вызвали массовые репрессии. В 1822 году один из основателей Национального патриотического общества, майор Валериан Лукасинский, был арестован и пожизненно заточен в Шлиссельбургскую крепость. После роспуска Союза филоматов, в 1824 году прошел крупный судебный процесс; среди двадцати обвиняемых были поэт Адам Мицкевич и историк Иоахим Лелевель, в результате сосланные на определенное время в Россию. Некоторые из этих тайных обществ поддерживали контакты с оппозиционными кружками, в конце концов организовавшими восстание декабристов в Петербурге в 1825 году. Таким образом, уже при Александре I, в последние годы его царствования, политическая обстановка в Польше была напряженной. Эскалацию предотвращала главным образом личная позиция царя, в общем благосклонная по отношению к полякам. Когда он внезапно умер в Таганроге в 1825 году, этот стабилизирующий фактор отпал.

1825 год и восшествие Николая I на престол, произошедшее в смутный момент восстания декабристов, во многом означали поворотный момент для внутреннего развития Царства Польского. Целый ряд процессов и влияний в последующие годы способствовал быстрому обострению противоречий между имперской властью и польской стороной. Хотя новый царь в своем манифесте заявил о готовности уважать польскую Конституцию, он, с другой стороны, реагировал на неудавшееся восстание 14 декабря значительным усилением цензуры и преследованием подпольных организаций любого рода. Следственная комиссия, созданная Констан-

тином, вскрыла связи, якобы существовавшие между Национальным патриотическим обществом и кружками декабристов⁶³.

Особенно пострадали от этого бывшие польские восточные территории. Царь уже в своем манифесте при восшествии на престол дал понять, что западные губернии должны рассматриваться как неотъемлемая часть Российской империи и что о сохранении какого-то особого статуса польских земель больше не может быть и речи. В контексте чисток, проведенных после восстания вновь созданной политической полицией – Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, – на литовских территориях стала осуществляться политика русификации. Командовать литовскими воинскими частями, созданными еще в 1817 году в Гродненской, Виленской, Минской, Волынской и Подольской губерниях, назначили русских офицеров, а Новосильцев был отправлен в качестве попечителя в Виленский учебный округ. Он проводил открытую русификацию учебных заведений, стараясь вытеснить и польский как язык обучения, и темы, связанные с Польшей, из школьного курса. Главным результатом строгого контроля над учебными программами и над самими учащимися Виленского университета со стороны Новосильцева было то, что в этом, некогда столь живом, заведении после 1825 года установилась удушливая атмосфера цензуры и репрессий⁶⁴.

В целом после 1825 года усилился дискурс, требовавший окончательного «слияния» бывших польских восточных территорий, расположенных между Вильной и Киевом, с Россией и ставивший цель максимальной культурной конвергенции этой земли и ее людей с остальной империей⁶⁵. Соответствующим образом менялась и административная практика на этих западных территориях, которые, с точки зрения Петербурга, представляли собой не что иное, как исторически русский и только временно и вынужденно «полонизированный» регион. В 1828 году в Петербурге был создан секретный комитет, который должен был заняться «униатским вопросом» и усилить давление на униатов с целью их «возвращения в православие». Одновременно в многочисленных публикациях пропагандировалось утверждение об исконно русском характере западных губерний, требующем форсированного культурного сближения их с остальной Россией и особой защиты «русского дела» на западной периферии империи. Право на отдельность и инаковость – как с точки зрения административной политики, так и с точки зрения представлений о принадлежности к России – все больше ограничивалось пределами того своеобразного образования под названием «Царство Польское», которое как политический субъект, по статусу равный государству, возникло в результате Венского конгресса. А «западные губернии» как «исконно русские» территории стали усиленно приводиться начиная с 1825 года к единому знаменателю со внутрироссийскими областями⁶⁶.

Хотя преднамеренный разрыв с давней традицией сотрудничества с местными (польскими) элитами был особенно заметен в «западных губерниях», рост напряженности в последующие годы не обошел и Царство Польское. Здесь тоже все чаще имели место нарушения Конституции императорскими должностными лицами и множились случаи административного

---

⁶³ О цензурных мерах после восстания декабристов в России вообще см.: *Lincoln W. B. Nicholas I. Emperor and Autocrat of All the Russias*. DeKalb, 1989. P. 235–250; *Squire P. S. The Third Department. The establishment and practices of the political police in Russia of Nicholas I.* Cambridge, 1968. Особенно p. 177–238.

⁶⁴ По рассматриваемой далее проблематике см.: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 94–96; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 430–431; *Ganzenmüller J. Russische Staatsgewalt und polnischer Adel*. Особенно S. 102–143; *Petronis V. Constructing Lithuania. Ethnic Mapping in Tsarist Russia, ca. 1800–1914.* Stockholm, 2007. P. 100–109; *Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy*. P. 135–136, 159–162; *Seegel S. J. Mapping Europe's Borderlands. Russian Cartography in the Age of Empire.* Chicago, 2012. Особенно p. 74–76; *Staliunas D.* (ed.). *Spatial Concepts of Lithuania in the Long Nineteenth Century.* Brighton (MA), 2016; *Idem. Making Russians. Meaning and Practices of Russification in Lithuania and Belarus after 1863.* Amsterdam, 2007. Особенно p. 57–70.

⁶⁵ Ср.: *Miller A. The Romanov Empire and Nationalism*. P. 59–60, 168–173 [рус. изд.: *Миллер А. Империя Романовых и национализм*. С. 54–77, 147–170].

⁶⁶ Ср. в особенности: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 103–117; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 434–439; *Ganzenmüller J. Russische Staatsgewalt und polnischer Adel*. Особенно Кар. II и III.

произвола. После того как в 1826 году умер наместник Зайончек, должность главы правительства, закрепленная в Конституции, больше не замещалась, поэтому де-факто великий князь Константин стал высшим должностным лицом в Царстве Польском. Когда в 1830 году Николай I короновался в Варшаве польским королем, представители различных сословий представили ему длинный список жалоб на открытые нарушения права и Конституции. На высочайшее имя было подано более сотни петиций, авторы которых требовали усилить контроль над Государственным советом со стороны сейма – например, в вопросах бюджета. В новом сейме тоже звучали критические голоса, призывавшие к либерализации в области цензуры и образования.

Таким мнениям способствовал все более явный конфликт между Константином и Новосильцевым. В конце 20-х годов Константин все более открыто выступал – даже перед царем – в поддержку польских интересов и призывал к продолжению пропольской политики Александра. В одном походя сделанном замечании, которое, однако, было отмечено польской общественностью, он в 1827 году даже открыто назвал разделы Польши «грабежом». Новосильцев же все активнее выступал против особого статуса Царства Польского – как против источника опасных конституционалистских идей, влияние которого считал крайне вредным для России. Одновременно он распал в обществе возмущение по поводу конкуренции польских товаров на внутрироссийском рынке. В конечном счете Новосильцев выступал за то, чтобы в отношении Царства Польского проводилась такая же усиленная политика интеграции, какую он уже осуществлял в западных губерниях.

Этот спор внутри имперской элиты о направлении политики, проводимой в отношении Польши, оживил обмен мнениями в среде польской общественности, где было мало сочувствующих Константину, которого считали брутальным солдафоном, но зато было много энергичных противников и линии Новосильцева. Критика здесь звучала как из консервативного лагеря, образовавшего конституционную оппозицию в сенате во главе с Чарторыйским, так и из либерального, который по-прежнему группировался прежде всего вокруг калишской партии братьев Немоевских. Общий политический климат в Царстве Польском на рубеже 20–30-х годов был очень напряженным и характеризовался все более открытой критикой многочисленных нарушений польской Конституции, а также более общей критикой постановлений Венского конгресса.

В дополнение к этому публичному выражению недовольства усилилась революционная риторика во многих тайных обществах. Активизировались они, как ни парадоксально, вследствие приговора, который польский сенат должен был вынести по приказу царя в отношении восьми членов Национального патриотического общества. Обвиненные в 1828 году в тесных контактах с декабристами, они, однако, были оправданы сенатом по обвинению в государственной измене, поскольку, с точки зрения сенаторов, планы переустройства Польши нельзя было классифицировать как преступление против государства. Относительно мягкие наказания, к которым сенат приговорил подсудимых, были поняты – особенно молодыми поляками – как закамуфлированное разрешение создавать подобного рода тайные общества.

Кроме того, в Польше также была воспринята и усвоена общеевропейская революционная риторика, которая в 1829–1830 годах вдохновлялась бурными событиями во Франции, Бельгии и Греции: освобождением греков от османского владычества, антимонархической Июльской революцией в Париже и отделением католического Юга Бельгии от протестантского Севера. Казалось, революционные проекты могут увенчаться успехом, и – по крайней мере, в некоторых тайных ложах Варшавы – теперь заговорили о вооруженном восстании против российского господства⁶⁷.

---

⁶⁷ Ср.: *Davies N. Heart of Europe. The Past in Poland's Present. Oxford, 2001. P. 142–146; Кулик М. Польша и Россия; Müller M. G. Der polnische Adel. S. 217–242.*

Здесь появилось новое поколение активистов, под влиянием западной романтики и идеалистической философии прославлявшее «героический исторический подвиг». Лидеры общественного мнения, такие как Мауриций Мохнацкий и историк Иоахим Лелевель, уволенный из Виленского университета и теперь развернувший активную деятельность в Варшавском, намеренно выступали против старого польского истеблишмента, группирующегося вокруг Чарторыйского и Друцкого-Любецкого, и призывали к новому, страстному и деятельному польскому национализму. В романтическом мышлении Польша была не просто нацией, а еще и символом высших идеалов, таких как свобода, справедливость и братство. Поэтому революционный акт превращался в символический акт освобождения человечества⁶⁸.

И вот небольшая группа энтузиастов революционного действия штурмовала 29 ноября 1830 года резиденцию Константина, попыталась убить великого князя и тем самым положила начало роковому бунту против российских властей. Учитывая, что спланирован он был плохо, по большей части даже вовсе никак, нельзя не признать удивительным тот факт, что эта дилетантская попытка государственного переворота, предпринятая несколькими военными, еще не получившими офицерских эполет, разрослась в настоящую польско-российскую войну, которая, пусть и ненадолго, пошатнула власть Петербурга в Царстве Польском. Здесь проявилась динамика революции, вынудившая даже таких сторонников сотрудничества с домом Романовых, как Чарторыйский и Друцкий-Любецкий, принять участие в повстанческом движении⁶⁹.

То, что начиналось как акт молодых заговорщиков, направленный не только против петербургского господства в Царстве Польском, но и против польского истеблишмента, после нападения на дворец Бельведер и на брата царя привело к тому, что народ штурмовал Арсенал и захватил оружие, а русские войска были вытеснены из многих районов Варшавы. Воспользовавшись этим «восстанием улицы», радикальные антирусские силы объединились в «Патриотический клуб», который под руководством тех же Иоахима Лелевеля и Мауриция Мохнацкого попытался оказать давление на Чарторыйского и Друцкого-Любецкого, выступавших за переговоры с Петербургом. Уже 3 декабря 1830 года было сформировано временное правительство, а Юзефа Хлопицкого назначили главнокомандующим польской армией.

О том, как сильны были даже в этот момент надежды старого политического истеблишмента на компромиссное разрешение конфликта, свидетельствует тот факт, что Хлопицкий, 5 декабря ставший «диктатором», попытался маргинализировать революционные группировки и начать переговоры с Николаем I, с одной стороны, представляя самого себя гарантом восстановления мира и порядка, а с другой – требуя уступок для Царства Польского, в том числе объединения со старыми польскими территориями на востоке. Но царь оказался бескомпромиссным противником: он потребовал для начала безоговорочной капитуляции повстанцев. Непримируемая позиция Николая привела к эскалации конфликта и радикализации польских лидеров. 25 января 1831 года сейм объявил о низложении царя и образовал 30 января польское Национальное правительство, пять членов которого представляли основные политические течения: двое, в том числе Чарторыйский, принадлежали к консервативной фракции, два представителя так называемой калишской группы во главе с Винцентом Немоевским стояли на либеральных, легалистских позициях, в то время как Иоахим Лелевель был представителем левой радикальной оппозиции. В результате за одним столом оказались умеренные силы, все еще надеявшиеся договориться с царем, и жестко антироссийски настроенные сторонники национально-демократической революции. Этим внутренним компромиссом польское руководство значительно ослабило себя, так как у членов правительства почти не было общих пред-

---

⁶⁸ Основная общая работа по этой проблематике: *Trencsényi B., Kopeček M.* (eds). National Romanticism. The Formation of National Movements. Budapest, 2007. Также см.: *Jedlicki J.* A Suburb of Europe; *Idem.* Błędne koło 1832–1864. T. 2: Dzieje inteligencji polskiej do 1918 roku.

⁶⁹ Ср.: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 96–100; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 431–433.

ставлений о пути выхода из конфликта и о будущем устройстве Польши – например, в том, что касалось сельского населения. Сказалась и власть сейма, мешавшая деятельности правительства: польский парламент с его 200 членами был далек от внутреннего единства, а между тем сохранял за собой полномочия по принятию решений в ключевых политических вопросах и даже в военных делах. Кроме того, восстание поставило под угрозу политическую архитектуру системы, созданной на Венском конгрессе, и таким образом стало делом международного значения. Пруссия и Австрия быстро заявили о солидарности с Россией. Не последним из факторов, заставивших Петербург реагировать энергично, был формальный разрыв Польши с домом Романовых⁷⁰.

Обе стороны конфликта прибегли к мобилизации своих вооруженных сил. Первоначально у российской стороны было под ружьем 120 тыс. солдат, а в польской армии было чуть более 55 тыс. Однако Национальному правительству удалось довольно успешно нарастить свою военную мощь и к весне 1831 года мобилизовать около 80 тыс. человек. Таким образом, друг другу противостояли две необычайно многочисленные и хорошо вооруженные армии, а Гроховская битва с ее примерно 140 тыс. участников стала крупнейшей европейской баталией за период между Ватерлоо и Крымской войной⁷¹.

В ответ на детронизацию царя Национальным правительством российская армия под командованием фельдмаршала Дибича-Забалканского в феврале 1831 года вторглась на территорию Царства Польского. 25 февраля российские и польские войска сошлись в Гроховском сражении близ Варшавы, которое окончилось «вничью». Правда, польские войска были вынуждены отойти за Вислу, а русская армия заняла и разграбила варшавское предместье Прагу.

Тем не менее польским частям удалось перегруппироваться и нанести несколько поражений российским войскам, которые к тому же стали сильно страдать от холеры. Весной восстание перекинулось и на часть бывших польских восточных территорий. Особенно в Жемайтии оно опиралось на широкую социальную базу: в него включилось крестьянство, по преимуществу литовское. Под влиянием известий о том, что восстание охватило почти всю Литву, а польские войска одерживают победы в Мазовии, сейм в мае издал закон, по которому территории, потерянные Польшей в результате раздела 1772 года, включались в новое Польское государство. Это решение, однако, быстро стало чисто символическим, так как после поражения повстанцев в решающей битве при Остроленке 26 мая 1831 года и перехода командования царскими войсками в руки опытного генерала Ивана Паскевича победа России сделалась лишь вопросом времени. После того как Паскевич, тыл которому прикрывали пруссаки, перешел Вислу и стал угрожать Варшаве с запада, в столице вспыхнули беспорядки, вынудившие правительство уйти 16 августа в отставку. Чуть позже произошли бои в Праге, и уже 8 сентября 1831 года Варшава капитулировала. Остатки польской армии сначала укрылись в крепости Модлин, потом, в октябре, ушли в Пруссию, где были интернированы. Таким образом, польское восстание закончилось менее чем за год⁷².

Ноябрьское восстание и его подавление стали переломным моментом в истории Царства Польского и польско-российских отношений в целом. Произошедшая после него Великая эмиграция радикально изменила облик польского дворянства и образованного слоя. Из примерно 50 тыс. изгнанников, вынужденных осенью 1831 года покинуть страну, почти 6 тыс. обосно-

---

⁷⁰ Ср., в частности: *Капитанова О. С.* Польский вопрос в международной политике 1830-х – начала 1860-х гг. // Фалькович С. М. (ред.). *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 383–461; *Zernack K.* *Polen und Rußland.* S. 323–324.

⁷¹ По рассматриваемой далее проблематике см., в частности: *Носов Б. В.* Подавление восстания 1830–1831 гг. и установление режима чрезвычайного управления // Фалькович С. М. (ред.). *Меж двух восстаний.* С. 15–89.

⁷² См., в частности: *Davies N.* *Heart of Europe.* P. 142–148; *Gill A.* *Freiheitskämpfe der Polen im 19. Jahrhundert. Erhebungen – Aufstände – Revolutionen.* Frankfurt am Main, 1997. S. 131–188; *Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W.* *Trzy powstania narodowe: kościuszkowskie, listopadowe, styczniowe.* Warszawa, 1994; *Lukowski J., Zawadzki H.* *A Concise History of Poland.* P. 129–141; *Roos H.* *Die polnische Nationsgesellschaft.* S. 388–399.

вались во Франции (в основном в Париже). Эта диаспора в последующие десятилетия сильно влияла на развитие польской культуры и публичной сферы. Именно в ее среде возникла концепция Польши как «Христа народов» и культивировалось польское мессианство; именно ею был создан тот революционный пафос, который, охватив польское население районов, разделенных между Россией, Пруссией и Австрией, вдохновлял сформировавшиеся там мифологию восстания и риторику воссоединения. Один из главных центров польской эмиграции располагался в приобретенной семьей Чарторыйских городской усадьбе Отель Ламбер в Париже; в возвышенные слова и звуки облекали настроения этого сообщества польских беженцев такие творческие личности, как Фредерик Шопен, Зыгмунт Красинский, Юлиуш Словацкий и особенно Адам Мицкевич. Безусловно, наибольшей известностью в данном контексте пользуются дрезденские «Дзяды» Мицкевича – произведение, где он рисует образ распятой, как Христос, Польши. Эта радикальная революционная эсхатология, соединявшая в себе русофобию, польский мессианизм и универалистский, но основанный на национальной идее пафос свободы, не у всех в эмигрантском сообществе вызвала симпатию (так, Зыгмунт Красинский изображал в своих произведениях призрак апокалиптического хаоса беснующихся толп, а Чарторыйский предпочитал скорее легалистскую модель конституционной монархии), однако именно она задала направление развития польского самоопределения и возвеличивания поляками себя как нации-жертвы, нации с великой миссией. Именно она послужила польским эмигрантам основой для их оживленных контактов с различными европейскими «освободительными движениями», а иногда и для активного участия в них: например, Лелевель установил связи с тайным обществом «Молодая Европа» во главе с Джузеппе Мадзини и основал в Берне его отделение под названием «Молодая Польша»⁷³.

Не менее важное значение имел и извлеченный из неудавшегося восстания 1830–1831 годов урок, гласивший, что выступление против российского владычества без участия крестьянства обречено на поражение. Предлагались самые разные способы расширенной мобилизации сельских жителей – позиции радикального демократа Лелевеля отличались от взглядов более умеренных представителей Польского демократического общества во главе с Виктором Гельтманом или консервативных сторонников Чарторыйского в первую очередь по вопросу, в какой мере шляхте надо отказаться от своих старых привилегий. Общим для всех этих подходов было то, что польское крестьянство все больше перемещалось в центр интереса современников и их размышлений о политике. Тем самым были созданы предпосылки для формирования концепции, приписывавшей польскому народу (*lud*) – мифологизированному, якобы национально-аутентичному, – ключевую роль в восстановлении польской нации. В ходе польской рецепции позитивизма эта идея была подхвачена и получила дальнейшее развитие.

Но не только «большая» – парижская – эмиграция была катализатором идей и действий. Помимо нее, в существовавшем до 1846 года самостоятельном городе-государстве Краков, особенно в Ягеллонском университете, собирались влиятельные фигуры, поддерживавшие память о польской государственности, идею ее расширения до границ 1772 года и, не в последнюю очередь, идею ее реформы в духе Майской конституции 1791 года. Таким образом, определяющими факторами эры польского романтизма после 1831 года были – более, чем когда-либо прежде, – фундаментальный опыт утраты поляками собственной государственности и вера в возможность изменения неудовлетворительного статус-кво революционным путем. Одновременно это была кульминационная эпоха такого польского самосознания, в котором образ

---

⁷³ См. об этом подробнее в работах: *Фалькович С. М.* Польская «Великая эмиграция» 1831 – начала 1860-х гг. // *Фалькович С. М.* (ред.). *Меж двух восстаний.* С. 461–603; *Kizwalter T.* Über die Modernität der Nation. Der Fall Polen. Osnabrück, 2013; *Долбиллов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). *Западные окраины.* С. 112–113; *Trencsényi B., Kopeček M.* (eds). *National Romanticism; Winkler H. A.* Geschichte des Westens. Von den Anfängen in der Antike bis zum 20. Jahrhundert. München, 2009. Kap. «Europa in den frühen 1830er Jahren».

«себя» создавался путем четкого противопоставления «московитскому Другому», а поляки и русские рассматривались как представители двух антагонистических духовных начал⁷⁴.

Ноябрьское восстание имело последствия и для российской идейной жизни. С одной стороны, именно тогда родился топос «неблагодарной» и «мятежной» Польши, который бытовал в среде имперской бюрократии и российской общественности до конца существования Российской империи. Яростное стихотворение Пушкина «Клеветникам России» – наглядный тому пример. Впервые оно было опубликовано в брошюре «На взятие Варшавы» и привело к длительной ссоре между Пушкиным и его польским другом-поэтом – Адамом Мицкевичем⁷⁵. С другой стороны, споры по поводу польского восстания способствовали тому, что в России начались дебаты, участники которых стали обсуждать содержание понятия «русский». Спор между западниками и славянофилами в 1830-е годы, конечно, имел более давние корни, но важнейший импульс был дан ему именно общественным возмущением по поводу «польского мятежа». В известном смысле триада «православие, самодержавие, народность», которую в те годы сформулировал недавно (1833) назначенный министр народного просвещения Уваров и которая стала идеологической основой российской государственности, тоже может рассматриваться как реакция на польское национальное восстание. Удивительная карьера Фаддея (Тадеуша) Булгарина, получавшего от государства привилегии за деятельность в качестве рупора правительственной пропаганды, тоже становится понятна только на фоне «польского вопроса». Здесь мы видим, как влияние мятежных провинций на внутрисоссийские форумы общественного мнения уже предвосхищало многое из того, что мы будем наблюдать в интенсивном взаимодействии между периферией и центром в 1860-е годы⁷⁶.

Как же можно оценить значение этого долгого десятилетия после Венского конгресса для развития Царства Польского? Несмотря на все политические конфликты до и их эскалацию после 1825 года, это был все же период относительной стабильности, длившийся более пятнадцати лет. По крайней мере, применительно к Царству Польскому – но не к западным губерниям – можно утверждать, что, благодаря высокой степени государственной самостоятельности и участия населения в принятии политических решений, а также культурного развития, там образовалась атмосфера, первое время позволявшая значительной части польской элиты мириться с российским владычеством. И только когда со вступлением на престол Николая I усилилось вмешательство Петербурга в польские дела и обострились репрессии, этот фундамент стал давать трещины и начался подъем тех радикальных молодых сил, которые выдвинули лозунг насильственного изменения ситуации.

⁷⁴ Об этом см.: *Eile S.* Literature and Nationalism in Partitioned Poland. Особенно р. 46–83; *Landgrebe A.* «Wenn es Polen nicht gäbe, dann müsste es erfunden werden». Особенно S. 166–176; *Petersen H.-C.* «Us» and «Them»? Polish Self-Descriptions and Perceptions of the Russian Empire between Homogeneity and Diversity (1815–1863) // *Gerasimov I., Kusber J., Semyonov A.* (eds). *Empire Speaks Out*. P. 89–120; *Porter B. A.* When Nationalism Began to Hate. Imagining Modern Politics in Nineteenth-Century Poland. Oxford, 2000. P. 17–37; *Walicki A.* National Messianism and the Historical Controversies in the Polish Thought of 1831–1848 // *Sussex R., Eade J. C.* (eds). *Culture and Nationalism in Nineteenth-Century Eastern Europe*. Columbus, 1985. P. 128–142; *Wierzbicki A.* Spory o polską duszę. Z zagadnień charakterologii narodowej w historiografii polskiej XIX i XX wieku. Warszawa, 2010. Особенно gl. 2.

⁷⁵ *Пушкин А. С.* Клеветникам России // Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1957. Т. 3: Стихотворения 1827–1836 гг. См. также: *Хорев В. А.* Роль польского восстания 1830 г. в историографии и историософии // *Липатов А. В., Шайтанов И. О.* (сост.). *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. М., 2000. С. 100–109 и другие статьи этого сборника; кроме того: *Он же* (ред.). *Поляки и русские в глазах друг друга*. М., 2000; *Он же* (ред.). *Россия – Польша; Волков В. К.* (ред.). *Studia polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева*. М., 2002.

⁷⁶ Об этом см.: *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 434–437; *Фалькович С. М., Носов Б. В.* Предисловие // *Фалькович С. М.* (ред.). *Меж двух восстаний*. С. 9–15, особенно 11–12; *Он же*. *Заключение* // Там же. С. 739–740; *Глуховский П., Горизонтов Л. Ф. В.* Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века. Эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013; *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich. S. 199–201; *Miller A.* Natsiia, Narod, Narodnost' in Russia in the 19th Century. Some Introductory Remarks to the History of Concepts // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2008. Bd. 56. H. 3. S. 379–390; *Miller A.* The Romanov Empire and Nationalism. P. 139–159; *Zernack K.* Polen und Rußland. S. 323–330.

По иронии судьбы именно насыщенная культурная и образовательная жизнь процветающей Варшавы и послужила питательной почвой для этих радикальных настроений. Свободы, предоставленные Конституцией и политической системой, созданной в 1815 году, обеспечили наличие форумов, на которых – как раз к тому моменту, когда петербургские власти начали эти свободы урезать, – формулировалась все более фундаментальная критика российского господства. Поколение, воспитанное в это долгое десятилетие расцвета культуры, социальных и интеллектуальных достижений и надежд, не желало принимать все более авторитарную политику николаевского режима. После 1815 года образовалась – прежде всего в столице – стабильная сеть учреждений, организаций и связей, позволявшая польскому движению протеста и сопротивления становиться все более динамичным и радикальным.

Более того, именно эти пространства свободы в 1820-е годы породили у людей сознание принадлежности к польской нации как к некоей политической сущности, причем оно вышло за пределы узких кругов дворянства и интеллигенции в широкие слои общества. Ярким доказательством тому явилась всенародная поддержка восстания 1830 года, по крайней мере в Варшаве. Ноябрьское восстание, несомненно, значительно интенсифицировало этот длительный процесс формирования политических мнений и идентичности.

Не менее очевидным образом Ноябрьское восстание продемонстрировало, что и через пятьдесят лет после первого раздела представители польской элиты все еще рассматривали себя как культурное и политическое единство в границах, которые совпадали с границами старой польско-литовской аристократической республики. Выражения солидарности и высокая готовность населения идти добровольцами в отряды к повстанцам наблюдались не только в прусской и австрийской частях Польши: по крайней мере дворянская элита в западных губерниях России также приняла участие в восстании. Это показывает, насколько период с 1815 по 1830 год характеризовался волей к сохранению и частично даже к интенсификации связей между старыми польскими восточными территориями и Царством Польским. Несомненно, этому в значительной степени способствовали три польских университета – Варшавский, Виленский и Краковский. Многие деятели того времени, в том числе и Лелевель, работали в одном или нескольких из них, тем самым укрепляя межрегиональное общение. Кроме того, существовали многочисленные интеллектуальные кружки и литературные салоны, которые тоже поддерживали связи между польскими территориями. Трансграничный литературный и интеллектуальный рынок общественного мнения позволял идее польской нации распространяться по линиям этих связей. Не случайно три выдающихся романтика польской литературы – Адам Мицкевич, Зыгмунт Красинский и Юлиуш Словацкий – были родом из восточных «кресов». Благодаря развивавшемуся таким образом в 1815–1830 годах культурному национализму даже в те времена, когда единой польской государственности не существовало, идея *одной* Польши продолжала жить, а риторика воссоединения передавалась от поколения к поколению.

Есть и еще одна причина, по которой значение этих нескольких лет автономии Польши для последующего ее развития трудно переоценить. Дело в том, что период 1815–1830 годов представлял собой точку отсчета во всех последующих рассуждениях о том, как можно – и можно ли вообще – решить «польский вопрос» в политической системе Российской империи. Эту роль данный период играл и в проектах реформ Александра Велёпольского в 1860-е годы, и в позднейших требованиях автономии, высказывавшихся более умеренной частью польского политического спектра, и в дискурсе той части царской бюрократии и российской общественности, которая была склонна уступить требованиям автономии со стороны Польши. Даже для противников таких уступок Царство Польское, созданное по милости Александра I, представляло собой важную точку отсчета: по их мнению, здесь можно было сразу наглядно убедиться, что предоставление значительной автономии только породило бы «мечту» о восстановлении старого Польского государства.

Однако в первый послереволюционный период эта мечта казалась далекой и недостижимой. Под диктатом генерала Паскевича, ставшего императорским наместником, началась полоса угнетения длиной более двадцати лет, когда российские чиновники, цензоры и жандармы контролировали всю политическую и культурную жизнь в Царстве Польском.

ЧИНОВНИКИ, ЦЕНЗОРЫ И ЖАНДАРМЫ: ЭПОХА ПАСКЕВИЧА (1831–1855)

После 1831 года российское господство в Царстве Польском приобрело новые черты. Действие Конституции Конгрессовой Польши было приостановлено, парламент – ликвидирован, а независимая армия – распущена. Кроме того, Николай I объявил в мятежном районе бессрочное чрезвычайное положение. Таким образом, изданный в 1832 году «Органический статут», заменявший собой Конституцию для Царства Польского, сразу стал макулатурой, так как не действовал с момента провозглашения военного положения в 1833 году и до самой кончины императора в 1855-м. Вместо основного закона царь дал Варшаве нового наместника – в лице победоносного полководца Паскевича. Получив от Николая титул князя Варшавского, Паскевич оставался на данном посту вплоть до своей смерти в 1856 году, и именно на нем лежит основная ответственность за репрессивный характер «эпохи жандармов», продолжавшейся в Царстве Польском более двух десятилетий⁷⁷. У Паскевича за плечами была впечатляющая военная карьера, боевой опыт он приобрел не только во время Наполеоновских войн, но и в походах против Персии и Османской империи, а также на Кавказе⁷⁸.

Первые действия как Паскевича в новой должности, так и петербургских властей после подавления «мятежа» были направлены на наказание повстанцев. Всеобщая амнистия, объявленная царем, не распространялась на тех, кого были основания считать «изначальными заговорщиками». В результате 80 тыс. человек из Царства Польского и западных губерний были сосланы в Сибирь, имения дворян, подозреваемых в участии в восстании или его поддержке, были конфискованы и переданы неполякам, в первую очередь русским. По оценкам, таким образом лишились своей собственности 3 тыс. землевладельцев, связанных с восстанием. Кроме того, значительная часть солдат и офицеров бывшей польской армии должны были отныне нести службу во внутренних районах Российской империи. Немало поляков было отправлено на Кавказ, где в 30–40-е годы бушевала кровопролитная война⁷⁹.

Репрессивные меры коснулись и католической церкви. Архиепископ Варшавский потерял титул примаса, был закрыт ряд монастырей и церквей, подвергались аресту ксендзы. Ценная церковная утварь конфисковывалась в массовом порядке, как и другие, светские культурные ценности (в том числе большая библиотека Варшавского общества друзей наук), – все это было отправлено в Петербург. В последующие годы православной церкви оказывалось демонстративное предпочтение, была образована православная Варшавская епархия, а католическая церковь подвергалась мелочной регламентации со стороны органов власти, в которых все больше влияния приобретали русские чиновники, вмешивавшиеся во внутреннюю структуру костела. Действовали правила, дискриминировавшие в смешанных католико-православных семьях тех из супругов и родителей, кто принадлежал к католическому вероисповеданию.

---

⁷⁷ См., в частности: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 100–111; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 433–439; *Saunders D.* Russia in the Age of Reaction and Reform. P. 176–179; *Kieniewicz S.* Historia Polski 1795–1918. Warszawa, 1983. S. 113–116; *Lukowski J., Zawadzki H.* A Concise History of Poland. P. 135–139; *Rhode G.* Kleine Geschichte Polens. Darmstadt, 1965. S. 354–363.

⁷⁸ О статуте см.: *Фалькович С. М.* Заключение. С. 735–741; а также: *Он же* (ред.). Меж двух восстаний. Приложение. С. 741–751. О Паскевиче см.: *Щербатов А. Г.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность: В 6 т. СПб., 1888–1899. О варшавском периоде его жизни см. тома 4–6. О его службе на Кавказе см. также: *Baddeley J. F.* The Russian Conquest of the Caucasus. New York, 1969. P. 160; *Khodarkovsky M.* Bitter Choices. Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus. Ithaca, 2011 [рус. изд.: *Ходарковский М.* Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / Пер. с англ. А. Терещенко. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – *Примеч. ред.*].

⁷⁹ Об этом и о событиях, упоминаемых в следующем абзаце, подробнее см.: *Носов Б. В.* Политика царского правительства в Королевстве Польском времени наместничества И. Ф. Паскевича // *Фалькович С. М.* (ред.). Меж двух восстаний. С. 89–199.

Тем самым мы подошли к разговору об одной из основных тенденций петербургской политики после 1831 года: и столичные министерства на берегах Невы, и Паскевич на месте пытались вытеснить поляков-католиков с руководящих позиций в гражданской администрации – впрочем, по большей части безуспешно: не хватало чиновников из внутренней России, которыми тех можно было бы заменить, да и воля петербургских властей к деполонизации местной административной структуры была в конечном счете недостаточно сильна. Это проявлялось, помимо прочего, в том, что польский язык и после 1831 года оставался в Царстве Польском языком гражданской администрации.

Данное обстоятельство указывает на одну характерную черту петербургской политики в целом: если мы посмотрим на десятилетия после подавления Ноябрьского восстания, то едва ли сможем разглядеть какую-то ясную программную переориентацию имперской административной практики. Российские меры после 1831 года были нацелены прежде всего на осуждение повстанцев в прямом смысле, а также на своего рода символическое наказание «неверных поляков» и на предотвращение дальнейших беспорядков. Но строго выверенной политики в отношении мятежных провинций, которая была бы нацелена на устойчивую интеграцию этих территорий в состав империи, не прослеживается. Наоборот, имперская политика в Царстве Польском в последующие десятилетия характеризовалась многочисленными противоречиями. Например, хотя Паскевич как уполномоченный представитель императора руководил всеми правительственными делами в Польше, там вплоть до 1841 года продолжал существовать Государственный совет, а Министерства внутренних дел, юстиции и финансов по-прежнему действовали в качестве независимых ведомств. С одной стороны, в 1847 году в Царстве Польском было введено российское уголовное право, а с другой – Кодекс Наполеона продолжал применяться без изменений в области гражданского права. В 1837 году была введена новая структура губерний, выстроенная по российской модели, однако местная администрация продолжала следовать традиционной модели сотрудничества элит. И хотя польские валюта и система мер и весов были заменены на российские, это мало что изменило в независимой финансово-экономической политике польской провинции. В этом смысле можно сказать, что существовало принципиальное расхождение между теми административными мерами, которые были призваны крепче привязать Царство Польское к остальной империи, и теми практиками и директивами, которыми царское правительство показывало, что оно по-прежнему признает принципиальную инаковость Конгрессовой Польши.

В конечном итоге это нашло выражение и в Органическом статуте 1832 года: хотя данная квазиконституция в реальной управленческой деятельности не играла никакой роли, она все же символически свидетельствовала, что и после Ноябрьского восстания Польша продолжает существовать как особая правовая зона. Таким образом, в принципе этот период не означал пересмотра фундаментальной интеграционной стратегии Петербурга в отношении Польши. Даже при Николае I правительство в первую очередь заботилось о сохранении территориального, политического и социального статус-кво в многонациональной Российской империи и об обеспечении ее единства через традиционную интеграционную идеологию лояльности царю и через сотрудничество с местными нерусскими элитами. Хотя Петербург был очень заинтересован в том, чтобы усилить контроль над мятежным регионом, все же принцип особого административного положения Царства Польского оставался неизменным⁸⁰.

Это особенно заметно по контрасту с теми мерами, которые были осуществлены Петербургом в западных губерниях в качестве реакции на восстание, воспринятое властями как вызов и оскорбление. Здесь, на этих – рассматриваемых как русские – территориях директивы, направленные на подавление любого локального партикуляризма и своеобразия, шли намного дальше, чем в Царстве Польском. Был создан специальный Комитет по делам западных губер-

---

⁸⁰ Об этом см.: *Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. S. 199–200.*

ний; традиционный Литовский статут – отменен и заменен российским правом; органы городского самоуправления и выборность должностных лиц – существенно ограничены. И без того сильная позиция губернатора как представителя царской власти была значительно расширена; на важные административные, судебные и образовательные должности стали назначать только русских, а русский язык получил почти исключительный статус всеобщего языка государственного делопроизводства. Кроме того, была централизована школьная система, а количество школ значительно сократилось. Но главное – было почти полностью закрыто единственное высшее учебное заведение в этих краях – Виленский университет, считавшийся рассадником польского заговора. Только медицинскому и богословскому факультетам разрешалось продолжать свою деятельность⁸¹.

Объектом государственной политики репрессий, которая вышла далеко за рамки непосредственных наказаний первого периода после восстания, стали прежде всего католическая и униатская церковь, а также польское или полонизированное дворянство. Недаром сказано, что в Польше происходил антикатолический «культуркампф» – происходил, когда такого понятия еще не существовало⁸². Многочисленные католические церкви и монастыри были закрыты, а греко-католическая религиозная община подвергалась гонениям. В 1839 году Петербург решил полностью ликвидировать униатскую церковь в западных губерниях и принудительно объединить ее с иерархией Русской православной церкви; идеологически это было оформлено как «возвращение». В то же время многочисленные правовые нововведения сильно ударили особенно по низшим и средним слоям польской шляхты. После 1836 года имперские власти стали требовать доказательство благородного происхождения для признания дворянства и впоследствии вычеркнули множество представителей мелкопоместной шляхты из дворянских родословных книг. В особенности генерал-губернатор юго-западных губерний Дмитрий Бибииков отличился в этом: только в Киевской, Подольской и Волынской губерниях свыше 60 тыс. человек потеряли дворянские титулы. Кроме того, в течение двух десятилетий после восстания более 50 тыс. представителей шляхты были принуждены переехать в глубь России, а многие из их земель были преобразованы в военные поселения⁸³.

В целом воцарилась атмосфера недоверия по отношению к польским дворянам вообще и к выборным должностным лицам в частности. В период после 1831 года жандармы Третьего отделения, чрезвычайно активные в западных губерниях, регулярно раскрывали реальные или выдуманные виды деятельности, напоминавшие о восстании. Традиционно существовавшая оппозиция между дворянским обществом и государственной властью теперь все больше интерпретировалась как национальная. Петербург поставил себе целью добиться максимального контроля над местной администрацией, и добивался он этого за счет резкого сокращения выборных должностей, что привело к заметному ограничению прав дворянства на участие в управлении на местах и в судопроизводстве.

Все эти меры были направлены на более полную интеграцию территорий, отошедших к России по разделам 1772–1795 годов, в единую структуру империи, а также на ослабление

---

⁸¹ Ср.: *Погодин А. Л.* Виленский учебный округ 1803–1831 гг. СПб., 1901. См. также: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 103–111; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 434–439; *Ganzenmüller J.* Russische Staatsgewalt und polnischer Adel. Kap. III; *Weeks T. R.* Nation and State in Late Imperial Russia. P. 174; *Idem.* Religion and Russification. Russian Language in the Catholic Churches of the «Northwestern Provinces» after 1863 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* 2001. Vol. 2. № 1. P. 87–110, здесь p. 92–94; *Woolhiser C.* Constructing National Identities. P. 303–304.

⁸² *Zernack K.* Polen und Rußland. S. 331.

⁸³ См. прежде всего: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 103–111; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 436–439; *Долбилов М., Сталюнас Д.* Обратная уния. Из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи 1840–1873. Вильнюс, 2010. Особенно с. 18–21; *Ganzenmüller J.* Russische Staatsgewalt und polnischer Adel. S. 283–300; *Miller A.* The Ukrainian Question. P. 49–60; *Subtelny O.* Ukraine: A History. Toronto, 1988. P. 210–212.

их связи с Царством Польским. Кроме того, целенаправленные действия против католической и униатской церквей и против местной польской знати указывают на стремление Петербурга окончательно «деполонизировать» западные губернии и сломить культурное и социальное доминирование в них польской шляхты⁸⁴. Такая программная ориентация в среднесрочной перспективе усилила различия между этими территориями и Царством Польским. И именно на эту, все возрастающую со временем, разницу главным образом и ссылались, когда хотели подчеркнуть непольский характер западных губерний и исконную их связь с Россией. Таким образом, для политики Петербурга маркирование отличий приобрело важнейшее значение. Эта фигура мысли имела прямые последствия и для логики действия имперских властей в Царстве Польском, потому что любая попытка привести Конгрессовую Польшу в более полное соответствие с общероссийскими стандартами грозила поставить под сомнение ее отличие от западных губерний. Данная дилемма мучила царских чиновников до самого конца российского присутствия в Польше. В период репрессий 1830–1840-х годов она, несомненно, значительно способствовала тому, что власти так и не пересмотрели фундаментальный постулат об особом положении Царства Польского.

Тот факт, что польскими подданными империи этот период тем не менее воспринимался как время угнетения, был связан с контрастом между новыми порядками и недавно утраченными свободами. Память о самоуправлении была еще свежа. К тому же общественную и культурную жизнь сильно сковывали ужесточенные правила цензуры, которые самодержавие сначала ввело в России, реагируя на восстание декабристов, а затем, в 1843 году, распространило и на Царство Польское. Устав о цензуре в Варшавском учебном округе от 1843 года во многом напоминал Указ о цензуре в Российской империи от 1828 года, давая царским чиновникам весьма широкие полномочия⁸⁵. Культурные и научные ассоциации, такие как прежде очень активное Общество друзей наук, были распущены, библиотеки и коллекции произведений искусства – частично вывезены в Россию. Полицейская сеть Третьего отделения, созданного после восстания декабристов, распространилась и по всему Царству Польскому; многочисленные запреты, аресты и депортации были направлены на предотвращение польско-патриотических «интриг». Работу тайной полиции можно назвать весьма успешной: все попытки поляков после разгрома возобновить политическую жизнь в форме подпольных кружков кончались провалом⁸⁶.

Ущемление свободы прессы и культурной жизни сопровождалось мерами, призванными поставить образование – считалось, что именно оно послужило рассадником революционной мысли, – под строгий контроль государства. Варшавский университет был полностью закрыт, поскольку его подозревали в том, что он является центром подпольных ассоциаций и, следовательно, подрывных тайных обществ. Дисциплинарный надзор за регулярными начальными школами был в 1839 году перепоручен Министерству народного просвещения в Петербурге.

⁸⁴ Об этой интеграционной политике после 1831 года см.: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 103–111; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 434–439; *Janzenmüller J.* Zwischen Elitenkooptation und Staatsausbau. S. 625–662.

⁸⁵ О деятельности цензурных органов в Варшаве см.: Государственный архив Российской Федерации [далее – ГАРФ]. Ф. 312. Оп. 1: Варшавский комитет по делам печати (1896–1915); а кроме того: *Archiwum Główne Akt Dawnych* [далее – AGAD]. *Warszawski Komitet Cenzury* [далее – WKC]. Также см.: *Prussak M.* (red.). *Świat pod kontrolą. Wybór materiałów z archiwum cenzury rosyjskiej w Warszawie.* Warszawa, 1994; *Капитанова О. С.* Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском в 30-х – начале 60-х гг. XIX в. // Фалькович С. М. (ред.). *Меж двух восстаний.* С. 603–655. О цензуре см.: *Грищенко Н. А.* История цензурных учреждений в России в первой половине XIX века // Фирсов В. П., Жирков Г. В., Конашев М. Б., Орлов С. А. (ред.). *Цензура в России. История и современность. Сборник научных трудов.* СПб., 2001. С. 15–46, 21–22; *Капуцис А. В.* О царском цензурном «шлагбауме» в Варшаве второй половины XIX в. // *Взаимосвязи славянской литературы.* Л., 1966. С. 152–155, здесь с. 152.

⁸⁶ Ср.: *Макарова Г. В.* Патриотическое общественное движение в Королевстве Польском в 1830-х – начале 1860-х гг. // Фалькович С. М. (ред.). *Меж двух восстаний.* С. 271–383.

Отныне министерство с берегов Невы контролировало преподавательский состав и учебное направление преподавания в Варшавском учебном округе⁸⁷.

В результате этих мер установилась тягостная атмосфера надзора и репрессий. Неудивительно, что символом времени польская публицистика сделала строительство мощной Александровской цитадели в Варшаве: этот оплот царской армии на Висле интерпретировался как воплощение всего, что изменилось после 1831 года. В нем российский гнет и николаевский дух реставрации слились в один мрачный символ. Теперь Варшава казалась зажатой в железный обруч укреплений⁸⁸.

Помимо крепости, появились памятники, с помощью которых российские власти после 1831 года демонстрировали свое превосходство и собственную интерпретацию Ноябрьского восстания, – прежде всего, обелиск на Саксонской площади, напоминавший о тех погибших на польско-русской войне, которые сражались на стороне российских войск. Это было преднамеренной демонстрацией власти. Разбитые повстанцы были здесь «разжалованы» в изменники, тогда как сторонники царской власти прославлялись в качестве защитников Отечества⁸⁹. Эта политика символов была призвана показать, что в подчиненном положении Польши и в ее интеграции навечно в состав Российской империи не могло быть никаких сомнений.

Подобные символические «разжалования» вели к тому, что другие, более позитивные изменения, которые характеризовали Царство Польское в послереволюционный период, проходили почти незамеченными. А между тем прогресс в экономическом развитии и в области технических инноваций в 30–50-е годы был довольно значительным. Прежде всего следует сказать об отмене таможенной границы между Россией и Польшей в 1851 году – данная мера обеспечила заметное возрождение экономики в Царстве Польском. Социальные и экономические преобразования этих десятилетий включали в себя, помимо прочего, дальнейший рост и техническое обновление польской промышленности, особенно в 1840-е годы.

Установление таможенной границы между Польшей и Российской империей в 1831 году вначале создало серьезные препятствия для польского производства. Например, многие текстильные фабрики переехали в Белосток, располагавшийся на российской таможенной территории, что облегчало и удешевляло им изготовление сукна для российского рынка, и прежде всего для российской армии. Так едва ли не за одну ночь Белосток стал крупным центром сукноделия и одним из главных промышленных городов в западных губерниях⁹⁰.

Что касается фабрик, оставшихся в Царстве Польском, то, чтобы снизить себестоимость продукции, они вынуждены были внедрять инновации, и поэтому, особенно в 1840-е годы, производство все больше механизировалось. Когда в 1851 году таможенные барьеры между Польшей и Россией пали и экспорт польской продукции на российский рынок стал быстро расти, технически хорошо оснащенные фабрики в Царстве Польском заняли ведущие позиции в империи. Наиболее концентрированное проявление этот экономический бум польских территорий нашел в Лодзи – текстильной столице, которая, как уже было сказано выше, за несколько десятилетий превратилась в большой город, где фабриканты, такие как Шайблер или Познанский, осуществляли промышленное производство сукна в невиданных ранее масштабах⁹¹.

---

⁸⁷ См.: *Каушанова О. С.* Развитие просвещения и культуры в Королевстве Польском.

⁸⁸ О репрессивном характере того времени см., в частности: *Davies N.* God's Playground. A History of Poland. 1795 to the Present. Oxford, 2005. P. 225–245. О цитадели см.: *Król S.* Cytadela Warszawska. Warszawa, 1978.

⁸⁹ См.: *Paszkiiewicz P.* Pod berłem Romanowów. Sztuka rosyjska w Warszawie 1815–1915. Warszawa, 1991. S. 138–178 и илл. 96–100; *Sokoł K., Sosna A.* Stulecie w kamieniu i metalu. Rosyjskie pomniki w Polsce w latach 1815–1915. М., 2005.

⁹⁰ Ср.: *Wandycz P. S.* The Lands of Partitioned Poland. P. 123.

⁹¹ Об этом см., в частности: *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1983. S. 120–126; *Hensel J.* (Hg.). Polen, Deutsche, Juden; *Pietrow-Ennker B.* Wirtschaftsbürger und Bürgerlichkeit; *Pietrow-Ennker B.* Auf dem Weg zur Bürgergesellschaft? Besonders S. 107–117; *Landau Z., Tomaszewski J.* Wirtschaftsgeschichte Polens im 19. und 20. Jahrhundert. Berlin, 1986; *Марней Л. П.* Экономическое развитие Королевства Польского и Российской империи в 30–50-х гг. XIX в. // Фалькович С. М. (ред.). Меж двух восстаний.

Но были и другие признаки динамичного экономического развития. Добывающая промышленность и тяжелая тоже процветали: особенно бурно росли добыча угля и сталелитейное производство, притягивая из сельской местности огромное количество рабочих в растущие промышленные районы. Основанный еще в 1826 году Польский государственный банк взял на себя ту роль главного двигателя экономики, которую до Ноябрьского восстания играла администрация Друцкого-Любецкого. Случались, впрочем, и ошибочные инвестиции: так, чрезмерная концентрация производства железа на заводе «Гута Банкова» – одном из крупнейших в Европе металлургических предприятий на то время – привела к серьезному экономическому кризису в 40-е годы. Лучше обстояли дела на угольных шахтах в Домбровском бассейне и, прежде всего, на железнодорожном транспорте, сеть которого расширилась.

Уже в 1845 году началось движение по Варшавско-Венской железной дороге, за счет чего активизировался обмен между Царством Польским и империей Габсбургов. Проект, который существовал с 1835 года, первоначально осуществлялся акционерным обществом, а после его банкротства в 1842 году правительство взяло на себя и строительство, и управление этой железнодорожной линией. Несколько лет спустя расширение железнодорожной сети было продолжено. С одной стороны, намечалось соединить Варшаву, Катовице и Домброву-Гурничу (это было осуществлено к 1859 году), с другой стороны, в 1851 году началось строительство дороги Варшава–Петербург. Хотя Крымская война вынудила на время прекратить строительство Петербургско-Варшавской железной дороги, все же в начале 50-х годов в расширение сети железных дорог уже были вложены значительные государственные средства. Для Варшавы, где сходились железнодорожные линии, этот новый вид транспорта означал не только экономическое оживление, но и существенные перемены в жизни города: с появлением новых вокзалов и перестройкой районов вокруг них городской пейзаж сильно изменился. Железная дорога появилась в Варшаве уже в 1843 году, когда был открыт первый участок линии Варшава–Вена, а в 1845-м открылся построенный по проекту Генрика Маркони импозантный Венский вокзал (*Dworzec Wiedeński*) на углу Маршалковской улицы и Иерусалимских аллей, что значительно повысило статус южной части центра города. Многочисленные трудоемкие и дорогостоящие строительные объекты в этой ключевой инфраструктурной отрасли быстро стали крупными работодателями и важными потребителями продукции металлообрабатывающей промышленности. Благодаря этому через какое-то время удалось наконец компенсировать потери, вызванные исчезновением польской армии, бывшей прежде главным заказчиком для промышленности⁹².

В других районах экономическое развитие было, надо признать, гораздо менее динамичным. Примером здесь может служить Люблин – на 1814 год второй по величине город в Царстве Польском и вместе с тем образчик «города на задворках модерна». Сюда тоже усиленно привлекали иностранных предпринимателей и специалистов, однако это обеспечило в 1840-е годы лишь очень скромный рост люблинской промышленности. Правда, снятие таможенных барьеров после 1851 года и инвестиции Польского банка не прошли бесследно и для Люблина: предпринимательская активность в нем тоже оживилась⁹³.

То же самое можно сказать и о сельском хозяйстве в Царстве Польском: в 1840-е годы в этой отрасли отмечался небольшой рост. Увеличить урожайность позволили главным образом внедрение улучшенных аграрных технологий и диверсификация продукции. Двигателями перемен оказались прежде всего коронные земли, в особенности потому, что на них чаще

С. 199–271.

⁹² См.: *Марней Л. П.* Экономическое развитие Королевства Польского; *Wandycz P. S.* The Lands of Partitioned Poland. P. 122–124.

⁹³ См.: *Gebhard J.* Lublin. Eine polnische Stadt im Hinterhof der Moderne (1815–1914). Köln, 2006. S. 75–93. Также см.: *Idem.* Ein problematisches Modernisierungsexempel. Lublin 1815–1914 // *Goehrke C., Pietrow-Ennker B.* (Hg.). Städte im östlichen Europa. Zur Problematik von Modernisierung und Raum vom Spätmittelalter bis zum 20. Jahrhundert. Zürich, 2006. S. 215–251.

работали не барщинные крестьяне, а крестьяне-арендаторы. Вместе с тем, согласно строгим правилам аренды, крестьян, имевших задолженность по арендным платежам, быстро сгоняли с земли. Из-за этого быстро росло число безземельных крестьян, часть которых мигрировала в растущие промышленные центры.

Тем не менее заметные экономические улучшения 40–50-х годов давали повод и для сдержанного оптимизма. Как бы гнетуще ни действовало правление Паскевича на политическую и культурную жизнь Царства Польского, все больше было зримых признаков того, что новое усиление польской нации – лишь вопрос времени. Этот процесс национальной регенерации, как считали некоторые польские современники, сначала должен был совершиться в далеких от политики социальных и экономических сферах. Поэтому 40-е годы справедливо названы ранней фазой осуществления программы «органичного труда», которая заключалась в ненасильственном укреплении польской нации за счет наращивания экономического потенциала и народного образования. Особенно распространены были такие соображения в среде польских аристократов и интеллектуалов в Познани; свое первое прочное институциональное оформление они получили в 1841 году, когда Кароль Марчинковский и Август Чешковский основали Общество научной помощи (*Towarzystwo Pomocy Naukowej*).

Хотя время для интенсивной рецепции этой разновидности позитивизма в Царстве Польском еще не пришло, все же в среде варшавской буржуазии стали раздаваться первые голоса, призывавшие более критически взглянуть на повстанческий пафос и мессианизм поляков. Неудача революций 1848 года способствовала усилению скепсиса по поводу всех взрывообразных и насильственных вариантов перемен, особенно после того, как в 1850 году в соседней Галиции на должность наместника был назначен поляк Агенор Голуховский и там – при всех заявлениях о лояльности императору – открылся неожиданно широкий простор для пропольской локальной политики. Анджей Замойский, один из будущих основателей Сельскохозяйственного общества, уже в 40-е годы осуществлял в своих имениях инновации, вдохновленные идеями «органичного труда». Эти же дискурсы и горизонты сравнения вдохновляли впоследствии и реформатора Александра Велёпольского, который вскоре развернул активную деятельность в Варшаве⁹⁴.

Однако, пока в качестве «князя Варшавского» Польшей правил Паскевич, подобным реформаторским настроениям были поставлены очень узкие рамки. Слишком сильное впечатление произвело на генерала подавление Ноябрьского восстания, слишком большое влияние оказывали на его манеру правления топоры о «неблагодарной» и «клеветнической» Польше. Новые возможности для маневра открылись только через двадцать пять лет после Ноябрьского восстания, со смертью царя Николая I (1855) и его варшавского наместника (1856). Вступивший на престол Александр II увидел необходимость фундаментальной перестройки всего государства, включая и политику в отношении Польши.

---

⁹⁴ Ср.: *Chwalba A. Historia Polski 1795–1918. Kraków, 2001. S. 285–287.*

СМУТНОЕ ВРЕМЯ: РЕФОРМЫ И ПУТЬ К ЯНВАРСКОМУ ВОССТАНИЮ (1856–1863)

Назначение Михаила Горчакова на пост наместника поначалу не предвещало никаких перемен в стиле правления, ведь в 40-е годы он служил при Паскевиче военным губернатором Варшавы. Но уже очень скоро стали заметны первые признаки готовности Петербурга к уступкам. Первую же свою поездку в Царство Польское – в мае 1856 года, когда в качестве польского короля он принял присягу подданных, – Александр II использовал, чтобы пообещать реформы и сигнализировать о готовности Петербурга к примирению. Прием, оказанный Александру польской аристократией, был поэтому самым восторженным, хотя царь и напомнил, что «никаких мечтаний» питать не следует⁹⁵.

Фактически в правление Горчакова, продолжавшееся до 1861 года, происходило осторожное изменение курса в отношении Польши, которое надо рассматривать в контексте начавшейся реформаторской деятельности Александра II в целом. После поражения в Крымской войне вопрос о внутренней реформе встал для многонациональной Российской империи как никогда остро, потому что стало очевидно, насколько Россия уступает западноевропейским державам не только в военных и логистических вопросах, но и в деле набора рекрутов и мобилизации населения для войны вообще. Давние дискуссии о необходимой модернизации России получили новый импульс с восшествием на престол Александра II и вылились в комплекс реформаторских мероприятий, вошедших в историю как «Великие реформы». В течение неполных двадцати лет царь вместе с активной группой бюрократов-реформаторов осуществил радикальные изменения, которые призваны были коренным образом преобразовать социальный и культурный ландшафт империи и поставить государство как институт на новый фундамент⁹⁶.

Пакет решений, предусматривающий, помимо освобождения крестьян (1861), также реформу судебной системы (1864), органов сельского и городского самоуправления (1864 и 1870), системы образования (1865), военной службы (1874) и цензурного дела (1865), имел целью приблизить Россию к модели современных европейских держав. Образцом при этом во многих отношениях послужила Франция, где Наполеон III осуществлял централизацию монархии. В то же время Россия ни в коей мере не ориентировалась на модель «национального государства», а главным образом перенастраивала механизмы господства перед лицом быстро меняющегося мира. Идея империи как многонационального государства, легитимность которого обеспечивалась династией Романовых, не подвергалась в Петербурге сомнению.

Модернизация, на которую были направлены реформы, по существу преследовала две конкретные цели внутренней перестройки России. Во-первых, реформы должны были расширить государство как институт и, прежде всего, унифицировать его внутренне в административно-правовом плане. Во-вторых, создание ограниченных пространств для участия общества

---

⁹⁵ Ср.: Пильц Э. И. Поворотный момент в нашей истории // Пильц Э. И. Поворотный момент в русско-польских отношениях. Три статьи Петра Варты (Э. И. Пильца) / Пер. с польск. СПб., 1897. С. 6–9; Сидоров А. А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895): Исторический очерк. Варшава, 1899. Вып. 2. С. 120–121; *Он же*. Русские государи в Варшаве. Варшава, 1897. С. 20–21; Татищев С. Император Александр Второй. М., 1996 [первое изд. – 1911]. Т. 1. С. 233–234. См. также: Уортман Р. Поездки Александра II по Российской империи // Кукушкин Ю. С., Захарова Л. Г. (ред.). П. А. Зайончковский. 1904–1983 гг. Статьи, публикации и воспоминания о нем. М., 1998. С. 220–237, здесь с. 223.

⁹⁶ О Крымской войне см.: Edgerton R. B. *Death or Glory. The Legacy of the Crimean War*. Boulder (Col.), 1999; Figes O. *Crimea: The Last Crusade*. London, 2010; *Idem*. *The Crimean War: A History*. New York, 2011. Что касается Великих реформ, то по-прежнему актуальны работы: Lincoln W. B. *The Great Reforms. Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia*. DeKalb, 1990; Eklof B., Bushnell J., Zakharova L. (eds). *Russia's Great Reforms 1855–1881*. Bloomington, 1994.

в социально-политических делах должно было способствовать расширению слоя лояльных граждан⁹⁷.

Эти цели непосредственно влияли и на то, как Петербург намеревался преобразовать администрацию польских провинций. Здесь в 50-е годы была намечена осторожная, не выходящая за четко обозначенные границы активизация общества, на лояльное сотрудничество которого власти надеялись, когда одновременно осуществляли модернизацию и расширение государства. Поэтому «приглашение общества», с которым Александр II и его бюрократы-реформаторы обратились к представителям гражданского общества на местах, привлекая их к участию в некоторых локальных процессах управления, распространялось и на Царство Польское. Дискурс о «гражданственности», получивший развитие с конца 50-х годов и ставший ключевым понятием эпохи Великих реформ, первоначально охватывал и польских подданных империи⁹⁸.

Соответственно, Александр уже очень скоро после своего восшествия на престол продемонстрировал польскому обществу готовность к примирению и смягчил установленные ранее ограничения. Уже в марте 1856 года, в своем тронном манифесте, монарх объявил о предстоящих фундаментальных реформах. Помимо всего прочего, Петербург разрешил снова занять архиепископскую кафедру в Варшаве, и в том же году Антоний Мельхиор Фиалковский был назначен архиепископом Варшавским и утвержден в этой должности папой. В 1857 году была проведена амнистия политических заключенных и в ограниченной степени были вновь разрешены польские ассоциации, организации и учреждения. В качестве одного из первых символических актов, имевшего, однако, долгосрочный эффект, в Варшаве была создана Медико-хирургическая академия, на первых порах размещенная – и это выглядело не менее символично – во дворце Сташица, где прежде размещалось легендарное Общество друзей наук. Но самую большую роль в будущем предстояло сыграть созданному в эти годы Сельскохозяйственному обществу (*Towarzystwo Rolnicze*). Благодаря большому количеству членов и многочисленным местным отделениям оно превратилось в центр новой польской общественной жизни. Всего за несколько лет его численность выросла с 1 тыс. до более чем 4 тыс. членов. Поскольку на заседаниях этой организации не только обсуждалась реформа аграрного устройства Польши, но и шли принципиальные дебаты о будущем Царства Польского в целом, есть все основания сказать, что Общество было «заменой парламента» и существенно способствовало постепенной политизации польской общественности⁹⁹.

Ранние Александровские реформы охватывали и западные губернии. В экономически более развитых районах большая часть местного дворянства, которое было в основном польского происхождения, положительно восприняла идею отмены крепостного права. Особенно от помещиков Ковенской и Гродненской губерний поступило множество петиций в поддержку освобождения крестьян. Таким образом, аграрный вопрос ввиду его далекоидущих последствий для политического и социального устройства западных губерний здесь весьма широко

---

⁹⁷ Ядро реформ в этом смысле составляло, несомненно, освобождение крестьян, которое в 1861 году было осуществлено вопреки мощному сопротивлению. 11 млн крестьян получили личную свободу, и тем самым значительная часть населения была выведена из-под власти помещиков, что открыло простор для расширения сферы действия как государственных структур, так и учреждений самоуправления. См. об этом: *Leonard C. S. Agrarian Reform in Russia. The Road from Serfdom*. New York, 2011; *Macey D. A. J. Government and Peasant in Russia 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms*. DeKalb, 1987; *Worobec C. D. Peasant Russia. Family and Community in the Post-Emancipation Period*. DeKalb, 1995; *Yaney G. L. The Urge to Mobilize. Agrarian Reform in Russia, 1861–1930*. Urbana, 1982.

⁹⁸ О топосе «гражданственности» см., в частности: *Baberowski J. Auf der Suche nach Eindeutigkeit. Kolonialismus und zivilisatorische Mission im Zarenreich und der Sowjetunion // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1999. Bd. 47. H. 3. S. 482–503, особенно S. 489–490; *Beyrau D. Liberaler Adel und Reformbürokratie im Rußland Alexanders II // Langewiesche D. (Hg.). Liberalismus im 19. Jahrhundert*. Göttingen, 1988. S. 499–514; *Yaroshevski D. Empire and Citizenship // Brower D. R., Lazzarini E. J. (eds). Russia's Orient. Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917*. Bloomington, 1997. P. 58–79.

⁹⁹ Об этом и по обсуждаемой далее проблематике см. также: *Долбиллов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 123–176; *Miller A., Dolbilov M. «The Damned Polish Question»*. P. 439–443.

обсуждался. Присущий этим дебатам с самого начала политический характер усиливался тем, что с 1857 года в западных губерниях полякам снова было дозволено занимать должности в управленческом аппарате. Уже в 1858 году польский язык был разрешен в качестве языка обучения в средних учебных заведениях Северо-Запада Российской империи¹⁰⁰.

Таким образом, в первые годы правления Александра были заметны весьма обнадеживающие признаки наступления новой эры реформ. Тем не менее начиная с 1858 года политические дебаты в Царстве Польском и отчасти в западных губерниях России все более радикализировались. Открыто вспыхнул давно тлевший, проявившийся уже в 1831 году конфликт между консервативным аристократическим крылом «белых», продолжавших традиции Чарторыйского, и радикально-демократическим лагерем «красных», к которому примыкали, как правило, представители мелкой и средней знати. «Красные» считали, что в контексте реформ можно будет достичь далекоидущих уступок в пользу автономии Польши. Это были люди молодого поколения, сформировавшиеся под воздействием литературных идеалов революционного романтизма Словацкого и Мицкевича; образцом для подражания они считали европейские объединительные и национальные движения, особенно в Италии и Румынии. Среди студентов художественной и медицинской высших школ, незадолго до того открытых в Варшаве, быстро стали возникать группировки, которые призывали к конфронтации с царскими властями¹⁰¹.

В Сельскохозяйственном обществе конфликт между двумя лагерями, представлявшими очень разные политические концепции, тоже становился все заметнее. Здесь противостояли друг другу консервативный круг магнатов, чьи мнения выражал председатель Общества граф Анджей Замойский, и те сторонники радикальных аграрных реформ, которые сплотились вокруг маркиза Александра Велёпольского. В принципе все члены Сельскохозяйственного общества говорили о настоятельной необходимости реформ в Царстве Польском, но они расходились в том, какие стратегии предпочтительнее для реализации этих реформ, а также преследовали очень разные долгосрочные цели политического развития польских территорий.

Наиболее запущенной сферой считалось образование. Строгий административный контроль над школами в эпоху Паскевича оставил здесь свой след. Многие школьные инспекторы не владели польским языком, уровень преподавания в целом был низким. Из-за недостатка школ одной из главных проблем стала широко распространенная неграмотность. Соответственно, требования реформ, в том числе и со стороны Сельскохозяйственного общества, касались прежде всего образования. Кроме того, звучали голоса, призывавшие положить конец правительственному контролю над католической церковью и допустить более свободную религиозную жизнь.

Сначала казалось, что на требования реформ, раздающиеся с польской стороны, Петербург реагирует сигналами о готовности к дальнейшим уступкам. В 1861 году наместник Горчаков позволил создать Комиссию духовных дел и народного просвещения, а во главе ее поставил реформистски настроенного Велёпольского. Кроме того, в мае 1862 года Александр II назначил маркиза также начальником гражданского управления, т. е. фактически премьер-министром Царства Польского. Это дало Велёпольскому возможность воплотить некоторые из своих реформаторских замыслов на практике.

Велёпольский как польский аристократ и крупный землевладелец еще в 1830 году был избран от консерваторов в сейм. Он участвовал в Ноябрьском восстании – его задачей было

---

¹⁰⁰ Об этноконфессиональной и языковой политике в западных губерниях в годы Великих реформ см., в частности: *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; *Сталюнас Д.* Границы в пограничье.

¹⁰¹ Об этом и вообще о периоде либерализации и радикализации 1856–1863 годов см., в частности: *Chwalba A.* Historia Polski. S. 323–331; *Davies N.* God's Playground. P. 256–272; *Гемманский А. Е.* Политика России в польском вопросе (60-е годы XIX века) // Вопросы истории. 2004. № 5. С. 24–45, здесь с. 24–25; *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1983. S. 233–240; *Lukowski J., Zawadzki H.* A Concise History of Poland. P. 146–151; *Носов Б. В.* Накануне Январского восстания (1856–1862 гг.) // Фалькович С. М. (ред.). Меж двух восстаний. С. 655–735; *Wandycz P. S.* The Lands of Partitioned Poland. P. 155–179.

добиться в Лондоне поддержки или по крайней мере посредничества Англии в польско-российской войне. Успеха его миссия не имела, и после разгрома повстанцев маркиз на долгие годы удалился в эмиграцию, а по возвращении в Царство Польское направил свою энергию на экономическое и культурное развитие собственных имений. В этом легко увидеть влияние позитивистского мышления и реформ Анджея Замойского 40-х годов, хотя Велёпольский и Замойский не только питали друг к другу глубокую личную неприязнь, но и выдвигали конкурирующие программы. Маркиз считал себя продолжателем традиции Францишека Друцкого-Любецкого, легендарного министра финансов и экономиста 20-х годов¹⁰².

Велёпольский был, несомненно, ключевой фигурой в период до Январского восстания. Из прагматических соображений он выступал за тесное сотрудничество с царскими властями и стремился к тому, чтобы был введен в действие Органический статут 1832 года. Таким образом, его позиция была гораздо менее радикальной, нежели у многих поляков, требовавших возвращения к ситуации 1815 года, поэтому в польской публичной сфере Велёпольский быстро оказался в изоляции. Таков контекст, в котором следует понимать его известное высказывание, что реформы он проводит «для поляков, но не с поляками».

Тем не менее после 1861 года Велёпольский как в Варшаве, так и в Петербурге добился удивительных успехов в реализации своей обширной программы политических реформ. Так, в 1861–1862 годах было вновь учреждено польское правительство в виде Государственного совета, а кроме того, было высочайше дозволено создание местных польских органов самоуправления. Таким образом, в распоряжении Велёпольского оказался свой собственный правительственный аппарат, который под руководством маркиза действовал в значительной степени автономно и был в состоянии претворять декреты о реформах в жизнь. В целях расширения и укрепления власти своего аппарата Велёпольский начиная с 1862 года постепенно осуществлял полонизацию чиновничества, что в конечном счете и обеспечивало восстановление административной автономии. Параллельно он и его соратники разрабатывали проекты земельной реформы, в рамках которой крепостное право предполагалось заменить чиншем.

В экономическом отношении Велёпольский и его правительство выиграли от того, что постепенно негативные последствия Крымской войны ощущались в Царстве Польском все слабее и к началу 60-х годов уже видны были признаки улучшения экономической ситуации. Росли инвестиции в инфраструктуру, возникали новые фабрики – например, в Варшаве в 1860 году Леопольд Станислав Кроненберг основал табачную фабрику, на которой было занято более 700 работников. Железнодорожное строительство снова выступило двигателем экономики. Работы на участке между Варшавой и Петербургом, прерванные из-за Крымской войны, были возобновлены. В 1860 году пошли первые поезда от столицы империи до Вильны, а в 1862-м – они пришли и в Варшаву.

Как и раньше Венский вокзал, новая станция, куда стали приходить поезда из Петербурга, вызвала оживление в окрестных районах Варшавы на восточном берегу Вислы. В 1859 году началось строительство первого стального моста через реку. Внушительный Александровский мост – современники часто называли его «мостом Кербедза» (по имени строившего его инженера, генерал-майора Станислава Кербедза) – изначально планировался как железнодорожный, но в эксплуатацию был введен в 1864 году как путепровод для уличного движения. Этот мост, решетчатая металлическая конструкция которого была видна издали, располагался совсем рядом со старинным королевским дворцом и для многих наблюдателей в те годы служил доказательством того, что и в Варшаве начались новые времена.

---

¹⁰² См. характеристику, данную Велёпольскому одним известным приверженцем «угоды» – Владзимежем Спасовичем: Спасович В. Д. Жизнь и политика маркиза Велёпольского. Эпизод из истории русско-польского конфликта и вопроса. СПб., 1882.

Железнодорожная сеть Царства Польского расширялась и по другим направлениям: в 1859 году была завершена линия Варшава–Домброва–Гурнич, а в 1860-м – под руководством предпринимателя и финансиста Германа Эпштейна началось строительство линии Варшава–Быдгощ, соединившей Царство Польское с Пруссией. Эпштейн (который уже в 1857 году получил от правительства в управление Варшавско-Венскую железную дорогу), как и банкир Кроненберг, с помощью займов у иностранных банков и инвесторов обеспечил капитал, необходимый для крупных инвестиций в Царстве Польском. Особенно в угольной и железодобывающей промышленности в эти годы наблюдались значительные темпы роста; заметно возросла промышленная механизация в текстильной отрасли, пищевая промышленность также бурно расширялась: например, производство сахара за период между 1853 и 1860 годами утроилось. В сельском хозяйстве изменения проявлялись лишь очень постепенно, и на рубеже 50–60-х годов Царство Польское, как могло показаться, стремительно превращалось в капиталистический индустриальный регион. По имеющимся оценкам, на фабриках в это время было занято около 100 тыс. рабочих.

Аналогичным образом казалось, что и в области культуры расширяются зоны свободы. Во главе архиепископства Варшавского стоял теперь Зыгмунт Щенсный Фелинский, подчеркнуто стремившийся к межконфессиональному миру. Однако наиболее важное значение имело открытие Варшавской главной школы (*Szkoła Główna Warszawska*), дозволенное указом царя. Это учебное заведение было основано на базе Медико-хирургической академии, открывшейся еще в 1857 году, но вскоре переехало в одно из зданий старого Варшавского университета. Тем самым оно не только символически продолжало его традиции, но и – ввиду широты спектра преподаваемых в нем дисциплин – вполне могло претендовать на статус полноценного университета. Помимо медицинского в школе были также юридический, историко-филологический и физико-математический факультеты.

За короткий период существования школы – уже в 1869 году она была инкорпорирована в русскоязычный Императорский Варшавский университет – в ней получило образование целое поколение польских активистов, литераторов, ученых и выдающихся позитивистов, в том числе Болеслав Прус, Генрик Сенкевич, Адольф Сулиговский, Александр Свентоховский и Ян Бодуэн де Куртенэ¹⁰³.

Первый ректор школы, Юзеф (в русском обиходе – Иосиф Игнатьевич) Мянковский, сыграл решающую роль в ее успехе. Этот известный медик, друг поэта Словацкого, пользовался отличной репутацией не только в польском обществе: будучи личным врачом членов царской семьи, он также имел превосходные связи при императорском дворе в Петербурге – и благодаря этому обстоятельству школа прошла потом практически без потерь даже через бурные времена Январского восстания. За активную исследовательскую и преподавательскую работу в Царстве Польском Мянковский в 80-е годы получил особый знак признания: выпускниками школы был основан Фонд Юзефа Мянковского, ставший важнейшим польским фондом финансовой поддержки научных исследований в эпоху до Первой мировой войны.

В 1861–1863 годах Варшавская главная школа под руководством и защитой Мянковского стала одним из центров культурного и политического возрождения Царства Польского, и прежде всего Варшавы. Однако некоторые из ее студентов – те, кого отличал радикализм, питаемый романтизмом и революционной мифологией, – способствовали и эскалации событий в преддверии Январского восстания. Если Мянковский в своей инаугурационной речи говорил о западной культурной ориентации поляков лишь в самых общих выражениях, то в некоторых

---

¹⁰³ О Главной школе и ее знаменитых выпускниках см., в частности: [Анонимная публикация.] Политические итоги. С. 33–41; *Щелков И. П.* Очерк истории высших учебных заведений в Варшаве до открытия Императорского Варшавского Университета // *Варшавские университетские известия*. 1893. № 9. С. 33–63. См. также: *Corrsin S. D.* Warsaw before the First World War. Poles and Jews in the Third City of the Russian Empire 1880–1914. New York, 1989. P. 17; *Zasztowt L.* Popularyzacja nauki w Królestwie Polskim 1864–1905 // Brzozowski S., Suchodolski B. (red.). *Historia nauki polskiej*. Wrocław, 1987. S. 599–633.

студенческих кругах «ярмо» русского владычества все чаще воспринималось как невыносимое. Большим влиянием пользовались здесь также кружки, которые были основаны польскими студентами в университетах Петербурга, Москвы, Дерпта и Киева и в своем революционном пафосе даже превосходили варшавское студенчество.

Не менее важной для общества была еще одна реформа Велёпольского – закон от 24 мая 1862 года, уравнивший евреев в правах с остальными жителями Царства Польского. «Еврейский вопрос» приобретал все более заметное значение уже в предшествующее десятилетие, когда наблюдался поворот части польского еврейства к активному взаимодействию с польским обществом и интерес к польской культуре. Движущими силами этого процесса были, с одной стороны, такие раввины, как Дов Бер Майзельс, которые считали себя польско-еврейскими патриотами, а с другой – экономически усилившаяся еврейская буржуазия Царства Польского. Представления о том, насколько далеко должна зайти ассимиляция, значительно разнились – из консервативного лагеря раздавались и критические доводы против нее¹⁰⁴, – но идея *общего* польско-еврейского проекта эмансипации была в 50-е годы широко распространена. С требованием такой эмансипации закономерно сочетались и часто раздававшиеся призывы к установлению равноправия для евреев. Эмансипация в результате реформы 1861 года стала исполнением этих требований применительно к Царству Польскому, но не к западным губерниям. Благодаря ей даже радикальным польским требованиям была обеспечена мощная поддержка со стороны евреев, особенно в кругах ведущих еврейских священнослужителей, интеллектуалов и предпринимателей Варшавы¹⁰⁵.

Таким образом, маркиз Велёпольский за два коротких года осуществил впечатляющую программу реформ, которая к тому же опиралась на экономический рост в Царстве Польском. Но эти далекоидущие преобразования не помогли успокоить политическую ситуацию. Настроения в Варшаве быстро стали настолько радикальными, что тесное сотрудничество Велёпольского с петербургскими властями, необходимое последнему для проведения реформ, уже толковалось как измена польскому делу. Во внутрипольских дебатах Велёпольский с его авторитарным стилем руководства оказывался во все большей и большей изоляции¹⁰⁶.

В этом противостоянии с политическим курсом Велёпольского утратил свою актуальность даже антагонизм между «белыми» и «красными». Им все чаще удавалось прийти к согласию по поводу общего списка требований, включавшего восстановление Конституции и польской армии, а также объединение Царства Польского с «восточными территориями», т. е. выходявшего далеко за рамки того, о чем готовы были вести разговор петербургские власти. Поэтому все попытки переговоров между имперскими чиновниками и представителями польского политического спектра были обречены на неудачу. Даже те мнения, которые высказывал Анджей Замойский, считавшийся консерватором, выглядели с российской точки зрения совершенно неуместными.

С 1861 года Варшава была охвачена спиралеобразно нарастающим насилием, которое вело в сторону нового восстания. Первые патриотические манифестации состоялись уже в 1858 году, и в последующие годы они повторялись. Это, безусловно, способствовало тому, что атмосфера сгущалась и нарастало «давление улицы» на политические дебаты, но до 1861 года демонстрации проходили еще мирно. Следующий виток напряженности начался в феврале

---

¹⁰⁴ В частности, идею правовой эмансипации евреев активно критиковали Юзеф Игнаций Крашевский и издававшаяся им *Gazeta Warszawska*. Крашевскому был дорог воображаемый идеал польской дворянской традиции, которая теперь подвергалась натиску сил модернизации, чьими наиболее яркими представителями казались ему преуспевающие предприниматели-евреи, такие как Леопольд Кроненберг. См.: *Haumann H. Geschichte der Ostjuden*. München, 1998. S. 88; *Weeks T. R. From Assimilation to Antisemitism. The «Jewish Question» in Poland, 1850–1914*. DeKalb, 2006. P. 37–42.

¹⁰⁵ См.: *Haumann H. Geschichte der Ostjuden*. S. 88; *Weeks T. R. From Assimilation to Antisemitism*. P. 41–42.

¹⁰⁶ См. также сообщения русских свидетелей происходившего, собранные в кн.: *Подвысоцкий А. И.* (ред.). *Записки очевидца о событиях в Варшаве в 1861 и 1862 годах*. СПб., 1869.

1861 года, когда в связи с ежегодным собранием Сельскохозяйственного общества политическая ситуация крайне обострилась. Среди прочих прибыли студенческие делегации из западных губерний, придавшие своими требованиями расширения прав поляков на «аннексированных» территориях дополнительный жар дискуссиям в Сельскохозяйственном обществе. 25 февраля состоялась большая публичная демонстрация в память Гроховского сражения, во время которой произошли первые столкновения между демонстрантами и полицией. 27 февраля российские войска стали стрелять по демонстрантам и пять человек были убиты. Так началась череда событий, в ходе которых то и дело происходили стычки между полицией и войсками с одной стороны и демонстрантами и участниками национально-религиозных праздников – с другой; в результате было множество жертв. Одновременно стало ясно, в какой высокой мере все слои и профессиональные группы населения Варшавы готовы теперь к мобилизации ради «национального дела»¹⁰⁷.

Нельзя сказать, что не предпринимались попытки разорвать порочный круг насилия. Наиболее известным примером является, конечно, Городская делегация (*Delegacja Miejska*) – так назвал себя сформированный в феврале комитет варшавян, стремившихся путем диалога с российскими властями стабилизировать ситуацию. В состав Делегации входили представители различных профессиональных групп и такие видные фигуры, как банкир Леопольд Станислав Кроненберг, писатель Юзеф Игнаций Крашевский, купец Францишек Ксаверий Шленкер и раввин Дов Бер Майзельс. С одной стороны, Делегация пыталась, используя свои собственные дружины гражданского ополчения, восстановить контроль над публичным пространством, охваченным хаосом и насилием; с другой стороны, она – вместе с членами Сельскохозяйственного общества – обратилась к царю с петицией, в которой требовала восстановления польской автономии.

Попытка восстановить спокойствие такими средствами успеха не принесла. Уже 3 апреля Делегация была по приказу царя распущена. Еще хуже было то, что уже вскоре после этого произошло новое, весьма кровопролитное столкновение демонстрантов с российской полицией и армейскими подразделениями. В боине на Дворцовой площади солдаты открыли огонь по толпе и убили более 100 человек. Их похороны стали поводом для новых патриотических манифестаций, которые привели к конфронтации с полицией и армией и к новому кровопролитию. Спираль эскалации насилия продолжала раскручиваться в течение всего лета 1861 года, несмотря на реформаторские усилия Велёпольского – новоназначенного главы ведомства духовных дел и народного просвещения.

Этому способствовало и то обстоятельство, что у правительства России не было никакой концепции относительно того, как – помимо военных мер по наведению «порядка» в публичном пространстве – реагировать на конфликты. В эпоху, когда и внутренние российские губернии то и дело сотрясались от крестьянских восстаний, а энергию и внимание чиновников в Петербурге поглощали реформаторские мероприятия, казалось, ни царь, ни его министры не имеют представления, как поступать в ответ на события в Польше. Наглядным проявлением отсутствия концепции была чехарда наместников в Варшаве: после смерти Горчакова в 1861 году на его место был назначен сперва Николай Сухозанет, затем – Карл Ламберт. Последний в особенности уповал на полицейские и военные методы «замирения», но провел в должности наместника только три месяца: уже в октябре 1861 года его сменил Александр Лидерс. Того, однако, тоже очень скоро – в июне 1862 года – сменил брат царя, великий князь Константин Николаевич.

Эти короткие сроки пребывания наместников в должности, с одной стороны, свидетельствовали об отсутствии ясной линии у имперских властей, а с другой – сами стали дополнитель-

---

¹⁰⁷ См. также: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 145–149; *Miller A., Dolbilov M.* «The Damned Polish Question». P. 441–442.

ным фактором дестабилизации, поскольку умеренные силы в Царстве Польском оказывались лишены надежного и долговременного партнера по переговорам. А когда еще и Велёпольский на несколько месяцев был вызван в Петербург, чтобы дать отчет о событиях в Польше и о реформах, которые он намеревался провести, – готовый к сотрудничеству с властями лагерь остался без своего наиболее дееспособного лидера.

Некоторая стабильность восстановилась в кабинетах имперского наместничества в Варшаве только с назначением Константина Николаевича. Поэтому не случайно в дальнейшем имело место довольно продуктивное сотрудничество между великим князем и Велёпольским. Брат царя, известный как поборник реформ, придерживался этой линии и в Польше. Причем, несмотря на рану, полученную им в результате покушения, предпринятого вскоре после его назначения, продолжал считать, что успешные реформы возможны лишь при условии «приглашения общества» или по крайней мере той его части, которая готова к сотрудничеству¹⁰⁸.

Однако в 1862 году время было уже упущено: в предшествующие месяцы острая конфликтная ситуация привела к политической радикализации именно этих, умеренных кругов. «Белая» дворянская оппозиция также покинула почву строгой законности и уже зимой 1861/62 года начала создавать свои собственные тайные организации. Эта мера была первоначально направлена на создание противовеса подпольной деятельности «красных», чьи конспиративные кружки, например Городской комитет (Komitet Miejski) или Комитет действий (Komitet Ruchu), разрабатывали планы революционного террора и пропагандировали идею насильственного государственного переворота. В начале лета 1862 года радикальные активисты, такие как Ярослав Домбровский, объединили эти организации в Центральный национальный комитет (Komitet centralny narodowy), который все больше и больше претендовал на роль теневого правительства, конкурирующего с администрацией Велёпольского, и решительно готовился к вооруженному восстанию против российского владычества.

Под давлением активности «красных» постепенно радикализировались и лидеры «белых», начав выдвигать требования, абсолютно неприемлемые для царских властей. Поэтому попытка Константина Николаевича наладить контакт с основателем Сельскохозяйственного общества Анджеем Замойским потерпела неудачу: беседа между наместником и лидером консервативного фланга польского общественного мнения закончилась катастрофой. Константин назвал графа «мечтателем» и «безумцем», который не только потребовал восстановления польской Конституции и армии в качестве предварительного условия сотрудничества, но и заговорил о бывших польских восточных территориях¹⁰⁹.

Эта неудача имела серьезные последствия сразу в двух отношениях. Во-первых, она усилила голоса тех в «белом» лагере, кто выступал за сотрудничество с «красными» и все более и более сочувствовал идее вооруженного восстания. Этому не в последнюю очередь способствовало то обстоятельство, что Замойский после конфликта с Константином был вызван в Петербург, а затем выслан из страны. Во-вторых, царским властям стало понятно, что они в своей изоляции могут полагаться практически только на Велёпольского и его ближайшее окружение. Парадокс короткого и столь напряженного периода между летом 1862-го и январем 1863 года заключается в том, что Велёпольский энергично продвигал вперед свои реформы и при этом пользовался поддержкой наместника, а в то же самое время «белые» и «красные» активисты в подполье все более организованно готовили восстание. Таким образом, в те месяцы, когда осуществлялась полонизация административного аппарата, когда открылась Варшавская главная школа, когда даже архиепископ Фелинский призвал к патриотизму уме-

---

¹⁰⁸ См.: Долбилов М. Д., Миллер А. И. (ред.). Западные окраины. С. 150–155; Miller A., Dolbilov M. «The Damned Polish Question». P. 442–443; Stadelmann M. Großfürst Konstantin Nikolaewiç. Der persönliche Faktor und die Kultur des Wandels in der russischen Autokratie. Wiesbaden, 2012. S. 295–396.

¹⁰⁹ Ср.: Lukowski J., Zawadzki H. A Concise History of Poland. P. 147–150; Stadelmann M. Großfürst Konstantin Nikolaewiç. S. 341–351; Wandycz P. S. The Lands of Partitioned Poland. P. 167–172.

ренному, Центральный национальный комитет взимал «национальный налог» для финансирования будущего восстания, и с осени 1862 года значительная часть польской шляхты была готова этот налог платить.

В ситуации такой фундаментальной конфронтации Велёпольский стремился изолировать наиболее радикальную, «красную» фракцию. Его усиленная реформаторская деятельность летом и осенью 1862 года была, помимо прочего, попыткой вовлечь часть оппозиционного движения в его, маркиза, политический проект, нацеленный на восстановление ограниченной польской автономии. Одновременно он усилил репрессии против представителей «красных»: некоторых арестовал, а некоторых даже предал публичной казни.

Наиболее рискованным шагом Велёпольского стала попытка лишить радикалов социальной базы путем массового призыва молодых мужчин, в особенности из Варшавы и окрестностей, на военную службу зимой 1862/63 года. Распоряжение о рекрутском наборе пришло из Петербурга, но Велёпольский намеревался использовать его для собственных политических целей: удалить часть людей из рядов радикалов в польской столице. Первоначально набор должен был осуществляться путем жеребьевки, но маркиз заменил ее поименным списком рекрутов, в который попало непропорционально много молодежи из Варшавы. Даже наместник Константин Николаевич критиковал этот подход как ненужную провокацию и катализатор конфликта, но Велёпольский оказался достаточно влиятельным, чтобы провести свою линию.

Революционные активисты с полным основанием увидели в предстоящем рекрутском наборе большую угрозу для себя. Зимой 1862 года принципиальное решение о восстании было уже принято, однако относительно его даты и тактики среди революционеров существовали большие разногласия. Избранный Велёпольским маневр – игра на опережение – поставил заговорщиков в ситуацию цугцванга, и они поспешно решили в разгар зимы начать вооруженное выступление, чтобы упредить рекрутский набор. 22 января 1863 года Национальный комитет провозгласил себя Временным национальным правительством, объявил войну Петербургу и выпустил манифест, в котором призвал все народы и все религиозные общины прежней дворянской республики к восстанию против царского владычества. В манифесте члены комитета провозгласили свободу и равенство всех граждан и объявили крестьян собственниками той земли, которую они обрабатывали. Помещикам предполагалось впоследствии выплатить компенсацию из государственных средств. В польских провинциях, гласил манифест, окружные воинские начальники должны взять на себя как военное командование, так и гражданское управление. Началось Январское восстание – третий раз Польша поднялась против диктатора Петербурга¹¹⁰.

Главная причина восстания 1863 года заключалась не в нежелании имперских властей допустить реформы в Царстве Польском. Перестройка администрации и либерализация общественной жизни, которые царские чиновники терпели, а отчасти даже сами проводили, были направлены на восстановление частичной польской автономии. Наместник, великий князь Константин Николаевич, старался обеспечить адекватную основу для переговоров с важнейшими польскими лидерами.

Дело, таким образом, было скорее в уменьшении давления со стороны петербургских инстанций: это уменьшение постоянно увеличивало ожидания польской общественности и способствовало эскалации сначала внутренних конфликтов, а затем, в самом скором времени, и конфронтации с имперскими властями. В атмосфере не критичного романтического революционного энтузиазма и разговоров об объединении всех польских земель (т. е. включая

---

¹¹⁰ Об обсуждаемой далее проблематике более подробно см.: *Chwalba A. Historia Polski. S. 332–341; Долбилов М. Д., Муллер А. И. (ред.). Западные окраины. С. 177–184; Miller A., Dolbilov M. «The Damned Polish Question». P. 443–446; Kieniewicz S. Warszawa w powstaniu styczniowym. Warszawa, 1965; Idem. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972; Kieniewicz S., Zahorski A., Zajewski W. Trzy powstania narodowe; Lukowski J., Zawadzki H. A Concise History of Poland. P. 146–154; Wandycz P. S. The Lands of Partitioned Poland. P. 155–179.*

как территории, отошедшие к Пруссии и Австрии, так и, прежде всего, восточные польские земли) – разговоров, которые велись и в эмиграции, и в Варшаве, – предложения уступок, приходившие из Петербурга, уже не могли удовлетворить растущих требований. Динамика насилия на улицах Варшавы в 1861–1862 годах значительно способствовала обострению конфронтации и укрепила большую часть польской оппозиции в убеждении, что вооруженное восстание в конечном счете неизбежно. Перед лицом растущей готовности идти на военную конфронтацию утратили важность даже разногласия между «красной» и «белой» партиями, а Велёпольский, несмотря на свою энергичную реформаторскую деятельность, оказался в изоляции.

При взгляде с другой стороны – российской – эти два года, предшествовавшие Январскому восстанию, сливались в один период «польской смуты»¹¹¹. Лишь немногие в правящих кругах империи обладали таким детальным знанием обстановки и такой готовностью к дифференцированному восприятию, как, например, великий князь Константин. Если он долгое время оставался при убеждении, что даже в накаленной атмосфере удастся найти людей с польской стороны, с которыми возможен диалог, то в Петербурге придерживались в основном шаблонных мнений о «неблагодарной», «вспыльчивой» и «мятежной» Польше. На позицию большинства царских сановников, причастных к этим событиям, неизгладимый отпечаток накладывало воспоминание о том, что именно готовность государства к уступкам спровоцировала процесс радикализации, ибо польской стороной эти уступки были истолкованы лишь как свидетельство непрочности имперского владычества. Деятельность бюрократического аппарата на следующие пять десятилетий определялась представлением, будто реформы опасны, так как послужат ложным знаком слабости государства, что приведет лишь ко все более «неумеренным» притязаниям поляков¹¹².

А пока имперским властям предстояло как-то справляться с вооруженным восстанием в Царстве Польском и в части западных губерний. Впрочем, в военном отношении повстанцев вскоре постигло фиаско. Им не удалось захватить ни одного из крупных городов. Даже Плоцк, который повстанцы решили сделать своей временной столицей, они не сумели очистить от российских войск. Единовременно в многочисленных стычках было задействовано, вероятно, не более 30 тыс. повстанцев, а общая численность участников восстания оценивается в 200 тыс. Им противостояла российская армия, насчитывавшая более 300 тыс. солдат, и, в отличие от Ноябрьского восстания (1830–1831), никаких серьезных военных проблем для нее польские отряды создать не могли. Видя вопиющее неравенство сил в открытом бою, повстанцы быстро перешли к тактике партизанской войны, и она принесла им определенный успех: их многочисленные нападения, особенно в лесистой местности, затрудняли жизнь российских войск. В такой форме восстание, основной силой которого была мелкая местная знать, а также часть крестьянства, даже перекинулось на литовские земли¹¹³.

Если учитывать военную слабость повстанцев, удивительно, что Временному национальному правительству удалось под самым носом у царского гарнизона в Варшаве создать относительно хорошо функционирующее подпольное государство, которое наладило собственную почтовую службу, взимало налоги с населения, чтобы финансировать восстание, и имело собственную полицию. Попытку государственного переворота поддержали самые широкие слои горожан, представлявшие все социальные и конфессиональные группы¹¹⁴.

---

¹¹¹ О «польской смуте» см., например: *Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 422–458.

¹¹² Примерно так же эскалация напряженности в 1861–1863 годах обсуждалась и в российской публичной сфере. См., в частности: *Подвысоцкий А. И.* (ред.). Записки очевидца. Особенно с. 117–128; *Погодин М. П.* Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний М. П. Погодина. 1831–1867. М., 1867. Особенно с. 177–189.

¹¹³ Ср.: *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1983. S. 259–265; *Lukowski J., Zawadzki H.* A Concise History of Poland. P. 151–152.

¹¹⁴ Об этом подробнее: *Kieniewicz S.* Warszawa w powstaniu styczniowym. Warszawa, 1983.

Но после того как маркиза Велёпольского сняли с должности, а в Варшаву был направлен фельдмаршал Федор Федорович Берг (Фридрих Вильгельм Ремберт фон Берг), царская власть быстро возвратила себе инициативу. Берг – кавалер множества орденов, сражавшийся еще против Наполеона, – был сначала (в марте 1863 года) назначен Александром II «помощником» великого князя, а затем (в августе) царь отозвал Константина в Петербург и фельдмаршал стал новым наместником. Он выступал за жесткие репрессивные меры не только против повстанцев и тех, кто им непосредственно помогал, но и против широкого круга предполагаемых сочувствующих, особенно в городской среде. За короткий период между своим вступлением в должность и окончанием восстания в 1864 году Берг осуществил несколько сотен казней, более 1,5 тыс. человек были приговорены к каторге и более 11 тыс. – к ссылке. Кроме того, были проведены многочисленные конфискации товаров и имущества, а также наложены гигантские денежные штрафы¹¹⁵.

В военных действиях против повстанцев косвенную, но оказавшуюся очень полезной поддержку России оказала вторая держава, участвовавшая в разделах Польши, – Пруссия. Русский царь заключил с ней так называемую Альвенслебенскую конвенцию, согласно которой российским войскам, преследующим польские вооруженные формирования, разрешалось на короткое время заходить на сопредельную прусскую территорию. Одновременно Пруссия пыталась пресекать все формы финансовой и логистической поддержки восстания своими собственными польскими подданными. Хотя в Познани, как и в Галиции, существовало местное отделение Временного национального правительства и некоторое количество прусских поляков вызвались добровольцами биться за независимость Польши, все же прочной и постоянной связи между прусской и российской частями Польши установлено не было.

Этой конвенцией державы, помимо военного сотрудничества, подтверждали друг другу, что границы, проведенные на Венском конгрессе, остаются в силе. И одновременно она была отражением той международной изоляции, в которой пребывали польские повстанцы. Хотя Франция и Англия настаивали на расторжении конвенции, а Наполеон даже говорил какое-то время о международной арбитражной конференции, никакой серьезной и последовательной поддержки восстанию ни одна из ведущих европейских держав оказывать не стала, да и широкую европейскую общественность стремление поляков к свободе заинтересовало в 1863 году гораздо меньше, чем в 1830–1831 годах.

Возможно, еще важнее для российских властей было то обстоятельство, что жесткие действия армии против польских повстанцев встретили широкую поддержку в российской публичной сфере, которая как раз в это время бурно развивалась в ходе Великих реформ. Впрочем, некоторые российские радикалы осмеливались заявлять о солидарности с восстанием, и русский контингент среди иностранных добровольцев, присоединившихся к повстанческим отрядам, был самым многочисленным. Здесь важную роль сыграла политическая публицистика Александра Герцена: отец-основатель эмигрантских русских демократических движений уже давно выступал за совместные действия русских с поляками. Благодаря чтению статей Герцена интересы поляков стали ближе и понятнее некоторым российским активистам, да и впоследствии его идеи оказывали влияние на народников и членов первых революционных организаций, таких как «Земля и воля»¹¹⁶.

О том же, насколько изолированы были Герцен и его последователи с их пропольской позицией среди широкой российской общественности, можно судить, помимо прочего,

---

¹¹⁵ См.: *Stadelmann M. Großfürst Konstantin Nikolaevič. S. 392–393.* См. также: *Качинская Э. Поляки в Сибири (1815–1914). Социально-демографический аспект // Романов П. С. (ред.). Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 265–277.*

¹¹⁶ О значении «польского вопроса» в нарождавшемся российском террористическом движении см., в частности: *Rindlisbacher S. Leben für die Sache. Vera Figner, Vera Zasulič und das radikale Milieu im späten Zarenreich. Wiesbaden, 2014. S. 110–111, 203.*

по тому, что публицистическое влияние Герцена резко пошло на убыль, после того как он открыто выступил в защиту Январского восстания. Даже в либеральных оппозиционных кругах в Москве и Петербурге «польский мятеж» был воспринят как покушение на целостность государства, как угроза для курса реформ или даже как иностранный заговор, а потому встретил резкое неприятие. Это в особенности касается формировавшегося тогда патриотического идейного направления, которое группировалось вокруг таких издателей, как Михаил Катков, и таких писателей, как Иван Аксаков. У Каткова, издававшего влиятельные печатные органы «Русский вестник» и «Московские ведомости», восстание 1863 года даже стало причиной весьма фундаментальных перемен в мировоззрении. Если еще в 50-е годы он был видным сторонником реформ, то в середине 60-х – превратился в консервативного централиста, писал, как и издатель газеты «День» Аксаков, антипольские памфлеты и требовал реагировать на «мятеж поляков» так, как подобает русскому патриоту¹¹⁷. И даже либеральные авторы, например историк Сергей Соловьев, теперь с горечью говорили о поляках как об изменниках¹¹⁸. Подобные антипольские позиции разделяли многие ведущие деятели, формировавшие мнения в российской публичной сфере. Мнения эти во многом сильно расходились, однако царил широкий консенсус по поводу того, что Россия должна иметь в масштабах всей империи единообразное административное устройство, судопроизводство и русский язык в качестве обязательного государственного. Но прежде всего – сохранение российского владычества над Конгрессовой Польшей объявлялось вопросом жизни и смерти для империи и тем самым, опосредованно, условием выживания русской нации¹¹⁹.

В целом Январское восстание значительно ускорило процесс складывания общественного рынка мнений и публикаций в России и в то же время произвело на нем патриотический поворот. События 1863–1864 годов вызвали – и в этом тоже было их заметное отличие от 1830 года – широкий публицистический отклик со стороны сильно политизированной общественности. Кризис поднял целую волну как национально мотивированных заявлений о поддержке действий правительства, так и публикаций о якобы фундаментальном характере русской нации. Таким образом, «польский вопрос» укрепил категорию «нация» в качестве ментальной основы империи. «Нация» стала вездесущим топосом в патриотическом дискурсе, который формировался прежде всего усилиями Каткова, но был подхвачен и либеральными средствами массовой коммуникации, такими как «Голос»¹²⁰.

¹¹⁷ См. многочисленные статьи Каткова, особенно: *Катков М. Н.* 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. М., 1887. Кроме того, см.: *Аксаков И. С.* Польский вопрос и западно-русское дело // Сочинения. М., 1886. Т. 1. С. 3–462. О Каткове см. также: *Katz M.* Mikhail N. Katkov. A Political Biography, 1818–1887. Den Haag, 1966; *Miller A.* The Romanov Empire and Nationalism. P. 56–57 [рус. изд.: *Миллер А.* Империя Романовых. С. 54–77]; *Renner A.* Russischer Nationalismus und Öffentlichkeit im Zarenreich 1855–1875. Köln, 2000. Особенно S. 204–210, 271–273; *Utz R.* Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. Besonders S. 218–220.

¹¹⁸ См. раздел «Введение» в кн.: *Соловьев С. М.* История падения Польши. М., 1863. Голосов, высказывавшихся против такой позиции и в пользу примирения, было совсем немного. См., например: *Любимов П.* Польский вопрос и чем может быть война с Россией? СПб., 1863.

¹¹⁹ См., например: *Гильфердинг А. Ф.* Положение и задача России в Царстве Польском. СПб., 1863; *Юзефович М. В.* Возможен ли мир с нами польской шляхты? Вильна, 1864. С. 1–10; *Кулжиский И.* История Польши. Киев, 1864; *Милотин Н. А.* Исследования в Царстве Польском (по Высочайшему повелению): В 5 т. СПб., 1864. Т. 5. Особенно с. 65; *Прудников М.* Чего же хочет Польша? СПб., 1863; *Штов С. П.* О некоторых предметах польского вопроса, требующих разъяснения. М., 1863.

¹²⁰ Об этом см.: *Beyrau D.* Liberaler Adel und Reformbürokratie. S. 503–507; *Grandits H., Judson P., Rolf M.* Empires and Nations in the late 19th and early 20th centuries // Ferhadbegovic S., Puttkamer J. von, Borodziej W. (eds). The Jena History of Twentieth-Century Central and Eastern Europe. London, 2020 (в печати); *Renner A.* Russischer Nationalismus. Besonders S. 185–273, 375–383; *Walicki A.* The Slavophile Thinkers and the Polish Question in 1863 // Ransel D. L., Shallcross B. (eds). Polish Encounters, Russian Identity. Bloomington, 2005. P. 89–99; *Zakharova L.* The reign of Alexander II. A watershed? // Lieven D. (ed.). The Cambridge History of Russia. Cambridge, 2006. P. 593–616, здесь p. 610–611. Наиболее важные общие работы о роли российской общественности в конфликтах 60-х годов: *Głębocki H.* Fatalna sprawa; *Renner A.* Nationalismus und Diskurs. Zur Konstruktion nationaler Identität im Russischen Zarenreich nach 1855 // Hirschhausen U. von, Leonhard J. (Hg.). Nationalismen in Europa. West- und Osteuropa im Vergleich. Göttingen, 2001. S. 433–449; *Walicki A.* The Slavophile Controversy. History of a Conservative Utopia in Nineteenth-Century Russian Thought. Oxford, 1975. Также см.: *Beyrau D.* Russische Interessenzonen und

Поскольку и государственная цензура благосклонно отнеслась к такому подобному расцвету патриотической публицистической деятельности, Январское восстание по праву было названо поворотной точкой в истории русского национализма и одновременно в развитии российской журналистики. Высокие тиражи ежедневной прессы, постепенно вытеснявшей «толстые журналы», тоже могут интерпретироваться как свидетельство того, что новый национализм совпал с чаяниями читательской аудитории¹²¹. Поэтому «польский вопрос» косвенно способствовал и самоосознанию все более политизировавшегося рынка мнений, который требовал для себя права голоса в публичных дебатах. С «польским вопросом» всегда были связаны и «русский вопрос», и, следовательно, определение государственной нации. «Понимаемая таким образом „нация“ [...] сменила в умах сознательной общественности прежнюю концепцию самодержавия как исторически наиболее важной интегрирующей скрепы империи»¹²².

Поскольку этот дискурс использовал политическую лексику, одобряемую властями, – например, понятия «народность» или «единство России» – цензурное ведомство предоставляло ему удивительно широкий простор. Царские сановники, несомненно, понимали, что лояльный национализм был способен мобилизовать больше поддержки для сотрясаемого кризисом самодержавия, чем могла бы обеспечить традиционная, инспирируемая и управляемая правительством публичная сфера. Оглядываясь назад, будущий варшавский генерал-губернатор Иосиф Гурко сформулировал это так: польское восстание 1863 года «пробудило народное самосознание русского общества»¹²³.

Благодаря этой широкой внутренней поддержке – и бездеятельности других держав – петербургские власти смогли беспрепятственно использовать суровые военно-полицейские меры против повстанцев и населения Царства Польского. Но решающую роль в конфликте сыграло не только военное превосходство российских войск: власти понимали, что для надежного замирения мятежного края потребуется нечто большее, чем сила оружия.

Поэтому уже на ранней стадии восстания правительство попыталось завоевать лояльность крестьянства – прежде всего непольского – с помощью крупной земельной реформы в западных губерниях. Указом, который был обнародован в марте 1863 года, право собственности на землю и другие многочисленные права были пожалованы литовским крестьянам, а летом того же года эмансипационное законодательство было распространено и на провинции с преимущественно белорусским и украинским крестьянством. Осенью планировалось проведение крупной земельной реформы в Царстве Польском. С этой целью правительство образовало Учредительный комитет в Царстве Польском, в состав которого были введены такие известные люди, как Н. Милютин, князь В. Черкасский и Я. Соловьев. Милютин – один из главных авторов Манифеста 19 февраля 1861 года, освободившего русских крестьян, – казался вполне подходящей кандидатурой для выполнения подобной задачи. Вместе с ним по поручению царя над проектом земельной реформы для Царства Польского работали славянофилы Юрий Самарин и князь Владимир Черкасский¹²⁴.

---

europäisches Gleichgewicht 1860 bis 1870 // Kolb E. (Hg.). Europa vor dem Krieg von 1870. München, 1987. S. 65–76, здесь S. 66–72; *Dolbilov M.* Russification and the Bureaucratic Mind; *Geyer D.* Der russische Imperialismus. Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik 1860–1914. Göttingen, 1977. S. 46–47; *Katz M.* Mikhail N. Katkov; *Radziejowski J.* The Image of the Pole in Russian Publicistic Writings (1864–1918) // Acta Poloniae Historica. 1992. Vol. 66. P. 115–139, особенно p. 115–124; *Staliunas D.* Making Russians. P. 57–59; *Utz R.* Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. S. 218–220; *Zernack K.* Polen und Rußland. S. 342–345.

¹²¹ Особенно это заметно в работах: *Renner A.* Russischer Nationalismus. S. 272–273; *Utz R.* Rußlands unbrauchbare Vergangenheit. Особенно S. 218–220.

¹²² *Renner A.* Russischer Nationalismus. S. 375.

¹²³ AGAD. Kancelaria General-Gubernatora Warszawskiego [далее – KGGW]. Sygn. 1773. Kart. 20–20 ob.

¹²⁴ См.: *Милютин Н. А.* Исследования в Царстве Польском. Т. 5; APW. Т. 151. Cz. 3 (Kancelaria Gubernatora Warszawskiego [далее – KGW]). Sygn. 543. Kart. 3–6, особенно kart. 3–4. Об обширной деятельности комитета свидетельствуют документы в: ГАРФ. Ф. 1141. Оп. 1 [Учредительный комитет в Царстве Польском, 1864–1871]. См. также: *Рейнке Н. М.* Очерк законодательства Царства Польского. С. 114–116; *Татищев С. С.* Император Александр II. 1903. Т. 1. С. 499–510; *Долбилов М. Д.*,

Указ, опубликованный 19 февраля 1864 года, предусматривал уступки польским крестьянам, выходявшие далеко за пределы того, что было осуществлено при освобождении крестьян в России. Эта мера была направлена на то, чтобы лишить мятежников их социальной базы, и властям пойти на нее было тем легче, что реализовать ее можно было за счет «мятежных» польских дворян.

Перераспределение земли и правовая эмансипация крестьян, предпринятые властями в 1863–1864 годах, в долгосрочной перспективе дали ожидаемый эффект. Хотя доля крестьян в рядах повстанцев изначально была даже больше, чем во время восстания Костюшко, после февральского указа их готовность поддерживать восстание пошла на убыль. В том числе и по этой причине реорганизация сопротивления и переход власти в повстанческих руководящих органах к «красным» осенью 1863 года почти ничего не изменили в развитии событий.

Дело в том, что, хотя военные силы повстанцев получали подкрепление и они совершили ряд покушений на царских чиновников, среди которых был и наместник Берг, это лишь незначительно изменило соотношение сил в целом. Наоборот, репрессии, осуществленные Бергом после покушения на него, вытеснили подпольную организацию повстанцев из Варшавы. В октябре бывший подполковник российской армии Ромуальд Траугутт встал во главе Национального правительства в качестве «диктатора» и тем самым маргинализировал еще оставшихся «красных» активистов. Ему удалось реорганизовать разрозненные партизанские формирования, мобилизовать более крупные подразделения для скоординированных нападений на российские войска и, таким образом, на короткое время снова оживить восстание. Однако после его ареста в Варшаве в апреле 1864 года военная деятельность повстанцев быстро развалилась. До конца 1864 года только отдельные рассеянные отряды оказывали вооруженное сопротивление царской армии. Сам Траугутт был приговорен российским военным трибуналом к смертной казни и повешен вместе с другими повстанцами в Варшавской цитадели в августе 1864 года.

Провал восстания объяснялся не только его военной слабостью и многочисленными тактическими ошибками при планировании. Оно было обречено на неуспех из-за отсутствия широкой социальной базы, ведь в основном это было движение знати. Конечно, польско-литовское дворянство само составляло немалую долю населения в Царстве Польском и западных губерниях: из этнических поляков около 20% принадлежали к шляхте. Дворянство способствовало, помимо прочего, и тому, что восстание перекинулось на бывшие польские восточные территории – какое-то время его наиболее активная зона даже находилась в северо-западных «литовских» провинциях. Временное национальное правительство сумело убедить социально разнородную и политически неединую шляхту действовать сообща на территории, охватывавшей всю бывшую польско-литовскую республику в границах 1772 года. С этой точки зрения Январское восстание было впечатляющим мобилизационным достижением старых элит Речи Посполитой¹²⁵.

Помимо дворянства, разве что в крупных городах, прежде всего в Варшаве, восстание нашло широкую поддержку населения. Как и во время патриотических манифестаций в канун вооруженного выступления, значительная часть варшавян считала политические вопросы независимости Польши своим личным делом, ради которого готова была действовать и приносить значительные жертвы. Даже конфессиональные границы утрачивали свою прежнюю непреодолимость: так, евреи участвовали и в демонстрациях 1861–1863 годов, и в подпольной деятельности Национального правительства¹²⁶.

Миллер А. И. (ред.). Западные окраины. С. 184–199; Miller A., Dolbilov M. «The Damned Polish Question». P. 446–447.

¹²⁵ Ср.: Kappeler A. Rußland als Vielvölkerreich. S. 179–181; Kieniewicz S. Historia Polski. 1983. S. 257–259; Wandycz P. S. The Lands of Partitioned Poland. P. 175–177.

¹²⁶ См.: Porter B. A. When Nationalism Began to Hate. P. 39–42; Weeks T. R. From Assimilation to Antisemitism. Особенно p. 44–50.

А вот крестьян в Царстве Польском повстанцы лишь в небольшой мере смогли заинтересовать своими целями. Хотя манифест о восстании в январе 1863 года обещал занимающемуся земледелием сельскому населению значительные права, эти обещания были перекрыты царскими указами об освобождении крестьян сначала в западных губерниях, а затем и в Царстве Польском. В партизанских отрядах было много крестьян, но все же вряд ли можно говорить, что сельское население действительно в широких масштабах поддержало национально-революционную программу восстания.

В целом провал восстания более чем ясно показал, что старая, сословная социально-политическая общность аристократической республики не имела никаких шансов против военных и административных сил Российской империи. Опыт этого поражения, несомненно, облегчил для значительной части польской общественности расставание с эпохой революционной романтики.

Восстание 1863–1864 годов и его разгром закончили первую главу истории российского владычества над польскими территориями и Царством Польским. После 1864 года начался новый этап, принципиально отличный от предыдущего. Дело в том, что, хотя Ноябрьское восстание (1830–1831) ознаменовало собой поворотный момент, все же фундаментальные интеграционные механизмы домодерной многонациональной империи не были поставлены тогда под сомнение. Даже в условиях военного положения Петербург сохранял за Конгрессовой Польшей особый правовой статус. Усилия по интегрированию польских земель, особенно западных губерний, в состав России предпринимались, однако это не отменяло полностью принцип привлечения местных элит и сотрудничества с лояльной аристократией.

Январское же восстание (1863–1864) ознаменовало перелом гораздо более кардинальный. На бескомпромиссный вызов, брошенный имперской гегемонии и единству государства повстанцами, царские власти отреагировали не только жесточайшими военными и судебными репрессиями: в последующие годы они осуществили широкий комплекс мер, призванных навсегда замирить польские территории. Это в равной степени относилось и к Царству Польскому, и к западным губерниям, однако в результате проводившихся мероприятий пропасть между районами, присоединенными к России по разделам 1772–1795 годов, и Центральной Польшей значительно углубилась. Западные губернии в последующие десятилетия развивались совершенно иначе, чем Конгрессовая Польша, созданная в Вене¹²⁷.

Впрочем, и Царство Польское подверглось многочисленным насильственным преобразованиям. Изданные после 1864 года законы и указы были направлены на устойчивую и глубокую интеграцию этой провинции в Российскую империю и сглаживание всех тех «местных особенностей», которые ранее отличали данный регион. Вот почему есть все основания утверждать, что после подавления Январского восстания основной императив властвования, которым руководствовался Петербург в отношении к этой земле и ее людям, стал иным. О том, в какой степени принципы и методы российского господства в Царстве Польском изменились в последующие годы и десятилетия, пойдет речь в дальнейших разделах книги.

---

¹²⁷ О западных губерниях после 1863–1864 годов см., в частности: *Beauvois D.* La bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914. Les Polonais et les conflits socio-ethniques. Lille, 1993; *Idem.* Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine 1793–1830. Paris, 1996; *Долбиллов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины; *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера; *Он же.* Культурная идиома возрождения России; *Dolbilov M.* Russification and the Bureaucratic Mind; *Камзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; *LeDonne J. P.* Frontier Governors General, 1772–1825. I. The Western Frontier; *Idem.* Frontier Governors General, 1772–1825. II. The Southern Frontier; *Matsuzato K.* The Issue of Zemstvos; *Miller A.* Shaping Russian and Ukrainian Identities; *Idem.* The Ukrainian Question; *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy; *Snyder T.* The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. New Haven, 2003; *Staliunas D.* The Pole in the Policy of the Russian Government. Semantics and Praxis in the Mid-Nineteenth Century // *Lithuanian Historical Studies.* 2000. Vol. 5. P. 45–67; *Сталюнас Д.* Границы в пограничье; *Velychenko S.* Identities, Loyalties, and Service; *Vulpus R.* Ukrainische Nation und zwei Konfessionen. Der Klerus und die ukrainische Frage // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2000. Bd. 49. H. 2. S. 240–256; *Idem.* Nationalisierung der Religion; *Weeks T. R.* Defining Us and Them; *Idem.* Nation and State in Late Imperial Russia; *Idem.* A National Triangle; *Woolhiser C.* Constructing National Identities.

Глава III

СТРУКТУРЫ, АКТОРЫ И СФЕРЫ РОССИЙСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ ПОСЛЕ 1863 ГОДА

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ПРИВИСЛИНСКИЙ КРАЙ: РЕЖИМ ПОСЛЕ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ (1863–1915)

Итак, после неудачного восстания 1863–1864 годов история Царства Польского пошла в совершенно новом направлении. Уничтожены были все предшествующие иллюзии относительно воскрешения прежней шляхетской нации, и управлять Польшей Петербург стал теперь совсем по-иному. Таким образом, ментальный горизонт обеих сторон конфликта изменился фундаментально: в польском обществе была похоронена идея романтического повстанческого героизма, а среди российской общественности и в административном аппарате глубоко укоренилась полонофобия, сделавшаяся главным направляющим мотивом управленческой практики в десятилетия после Январского восстания. «Польский мятеж» стал в России одним из «мест памяти», и образ неверной, коварной Польши законсервировался в умах на полвека¹²⁸.

В результате мероприятий, осуществленных царским правительством в виде реакции на восстание, усилились и различия между тремя частями разделенной Польши: если Царство Польское и западные губернии были прочнее привязаны к Петербургу, то польские провинции Австрии и Пруссии двигались в иных направлениях. С провозглашением административной и культурной автономии Галиции после 1867 года и с образованием Германской империи в 1871 году различия эти дополнительно углубились. Однако и в пределах Российской империи части бывшей польско-литовской шляхетской республики расходились все дальше друг от друга – под воздействием мер, принимаемых правительством. Политика в отношении Царства Польского и западных губерний различалась уже и до 1863 года, но после подавления Январского восстания это приобрело совершенно иной качественный и количественный масштаб¹²⁹.

В данной главе в центре нашего внимания будут события в Царстве Польском и те мероприятия, которыми Петербург отреагировал на Январское восстание и которые привели к установлению административного режима, просуществовавшего вплоть до Первой мировой войны.

---

¹²⁸ См.: *Лелива, граф* [Тышкевич А.]. Русско-польские отношения. Лейпциг, 1895. С. 220–221; *Берг Н. В.* Записки Н. В. Берга о польских заговорах и восстаниях. М., 1873. С. 5–12.

¹²⁹ К «западным губерниям» относились следующие девять: Ковенская, Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилевская, Волынская, Киевская и Подольская. Подчинялись они по большей части генерал-губернаторам в Вильне и Киеве. См.: *Beauvois D.* La bataille de la terre en Ukraine; *Idem.* Pouvoir russe et noblesse polonaise; *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины; *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера; *Он же.* Культурная идиома возрождения России; *Dolbilov M.* Russification and the Bureaucratic Mind; *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае; *LeDonne J. P.* Frontier Governors General, 1772–1825. I. The Western Frontier; *Idem.* Frontier Governors General, 1772–1825. II. The Southern Frontier; *Matsuzato K.* The Issue of Zemstvos; *Miller A.* Shaping Russian and Ukrainian Identities; *Idem.* The Ukrainian Question; *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy; *Snyder T.* The Reconstruction of Nations; *Staliunas D.* The Pole in the Policy; *Сталюнас Д.* Границы в пограничье; *Velychenko S.* Identities, Loyalties, and Service; *Vulpius R.* Ukrainische Nation und zwei Konfessionen; *Idem.* Nationalisierung der Religion; *Weeks T. R.* Defining Us and Them; *Idem.* Nation and State in Late Imperial Russia; *Idem.* A National Triangle; *Woolhiser C.* Constructing National Identities in the Polish-Belarusian Borderlands.

Список директив был длинен¹³⁰, однако это никоим образом не должно создавать у нас иллюзию, будто речь шла о реализации некоей единой политической программы. Речь шла скорее о длительном процессе преобразований – на это указывает хотя бы уже тот факт, что многие из мер, которыми правительство пыталось укрепить свою власть в беспокойных провинциях, были приняты только в 70-е годы, т. е. более десяти лет спустя после восстания¹³¹.

Вопреки отсутствию единого плана, многие меры, принятые после 1863–1864 годов, имели долговременный эффект. Уже назначение нового наместника в лице Ф. Ф. Берга летом 1863 года ясно показывало, что Петербург проводит жесткую линию на последовательную борьбу с повстанцами. Как и его виленский коллега Михаил Муравьев, Берг усилил репрессии против тех, чье участие в восстании считал доказанным. В условиях военного положения он имел возможность лично приговаривать людей к смерти или ссылке и к конфискации имущества¹³². В общей сложности Берг казнил по суду более 400 человек, сослал многие тысячи и конфисковал 1660 имений польских дворян. Последняя карательная мера, как и взимавшиеся со шляхты особые подати для содержания российской армии, указывает на то, что Берг и его петербургское начальство рассматривали прежде всего именно аристократов-поляков в качестве зачинщиков восстания и потому старались надолго ослабить их позиции в обществе¹³³.

На то же было нацелено и провозглашенное царем 19 февраля 1864 года, в разгар восстания, освобождение крестьян в Царстве Польском. Разработанная Н. Милютиним реформа была призвана, во-первых, лишить восстание потенциальной поддержки со стороны крестьянства и нейтрализовать земельную реформу, провозглашенную революционным Национальным комитетом в январе 1863 года, а во-вторых – постепенно обеспечить маргинализацию польского дворянства. Одновременно Милютин полагал, что крестьянство, облагодетельствованное реформой, станет опорой императорской власти в Царстве Польском. Соответствующий топос о «верном» и «благодарном» польском крестьянине встречается и в донесениях чиновников, написанных в начале XX века¹³⁴.

Казнь «диктатора» Ромуальда Траугутта летом 1864 года ознаменовала окончательный разгром. В последующие годы Петербург был занят главным образом радикальной перестройкой управления в польских провинциях. Отныне в служебной переписке правительственных инстанций стали избегать выражения «Царство Польское»: этот регион «разжаловали» в «Привислинский край» (*Kraj Nadwiślański*), дабы изгладить само воспоминание о самостоятельности Польши¹³⁵.

На данном этапе преобразований инициированному правительством Учредительному комитету в Царстве Польском выпала главная роль. Изначально он задумывался как инстан-

¹³⁰ См.: Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство внутренних и духовных дел. Варшава, 1866. Т. 1; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 254. Д. 1 [Обозрение мер Правительства, принятых по Царству Польскому после 1863 года, 1880].

¹³¹ Позже, в ретроспективных описаниях, эти отдельные мероприятия зачастую начинали выглядеть как части единой концепции. См., например: *Askenazy S.* Sto lat zarządu w Królestwie Polskiem 1800–1900. Lwów, 1903; *Koskowski B.* Ustrój administracyjny // *Gloger Z., Janowski A., Koskowski B.* et al. (red.). *Królestwo Polskie*. Warszawa, 1905. S. 179–180; *Krzemiński S.* Dwadzieścia pięć lat Rosji w Polsce (1863–1888). Lemberg, 1892; *Wasilewski L.* Administracja rosyjska w Królestwie Polskim. Wien, 1915.

¹³² См.: Сборник циркуляров военно-полицейского управления в Царстве Польском 1863–1866 годов. Варшава, 1867. См. также: *Долбилов М.* Конструирование образов мятежа. Политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // *Филюшкин А. И.* (ред.). *Actio Nova 2000: Сборник статей*. М., 2000. С. 338–408.

¹³³ См.: *Качинская Э.* Поляки в Сибири. С. 265–277.

¹³⁴ См.: *Милютин Н. А.* Исследования в Царстве Польском. Т. 1–5; APW. Т. 151. Cz. 3 (KGW). Sygn. 543. Kart. 3–6, здесь прежде всего kart. 3–4. См. также: *Татищев С. С.* Император Александр II. 1903. Т. 1. С. 499–510. Кроме того, см.: *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). *Западные окраины*. С. 184–199.

¹³⁵ Эта новая терминология, впрочем, так никогда полностью и не вытеснила старую. Даже в ведомственной корреспонденции, датируемой десятилетиями спустя после 1864 года, еще регулярно встречается название «Царство Польское», и в титулатуре императора по-прежнему входил титул «Царь Польский». См.: ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 277. Л. 16–20, здесь л. 17.

ция, которая займется аграрным вопросом. Однако этот комитет, функционировавший с 1864 по 1871 год, быстро превратился в организационный центр имперского владычества в Польше, действующий относительно автономно под номинальным председательством наместника. Поскольку комитет, помимо прочего, в значительной мере отвечал за финансовую администрацию Царства Польского, у него была возможность сильно влиять на принимаемые решения¹³⁶.

В ходе реформы административной системы Петербург шаг за шагом поменял все учреждения в Варшаве, которые раньше осуществляли управление Царством Польским. Так, в 1867 году были упразднены Государственный и Административный советы, а вместо них сформированы структуры, аналогичные существовавшим во «внутренних областях» империи. Отныне сферы внутренних дел, финансов, юстиции и образования были переданы в ведение соответствующих министерств в Петербурге. Уже в 1866 году этот процесс перестройки административной структуры в основном завершился. Привислинский край был поделен на десять губерний, и во главе каждой стояли назначаемый царем губернатор и его аппарат¹³⁷. Верховное управление осуществлял сначала императорский наместник в Варшаве, а после смерти фельд-маршала Берга в 1874 году эта должность была преобразована в генерал-губернаторскую¹³⁸.

Наряду с фундаментальной административной реформой важнейшей целью Петербурга была также деполонизация управленческого аппарата. Осуществленные Александром Велёпольским назначения местных поляков на административные должности были пересмотрены. Посты в бюрократической иерархии, особенно высшие, стали теперь недоступны для католиков. Конечно, исключения из данного правила бывали¹³⁹, но в целом такая дискриминация католиков – а значит, поляков – оставалась одной из существенных характеристик административной политики Петербурга в этом крае вплоть до 1917 года, причем осуществлялась неформально: никаких антипольских норм ни в каком законодательстве Российской империи закреплено никогда не было.

Успехи этой деполонизации оказались, впрочем, довольно скромны: дефицит специалистов некаатолического вероисповедания заставлял власти и после 1864 года нанимать на службу в аппарат поляков-католиков. В 1869 году в администрации Привислинского края православные составляли лишь 12% персонала, и даже в 1897 году почти 60% чиновников там были католиками, в то время как доля православных – достигла только 23%¹⁴⁰.

Ситуацию практически не изменили и усердные попытки правительства побудить к переселению в Привислинский край чиновников из внутренних областей России. Чтобы сделать службу на этой чуждой окраине империи привлекательнее, были учреждены разнообразные надбавки и привилегии. Поэтому иногда Царство Польское называли «чиновничьим Клон-

¹³⁶ По поводу обширной деятельности комитета см. документы его фонда в: Там же. Ф. 1141. Оп. 1 [Учредительный комитет в Царстве Польском, 1864–1871]. См. также: *Рейнке Н. М.* Очерк законодательства Царства Польского. С. 114–116; *Татищев С. С.* Император Александр II. 1903. Т. 1. С. 499–510; *Долбилов М. Д., Миллер А. И.* (ред.). Западные окраины. С. 184–199.

¹³⁷ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 34. Привислинский край включал десять губерний: Калишскую, Келецкую, Ломжинскую, Люблинскую, Петроковскую, Плоцкую, Радомскую, Седлецкую, Сувалскую и Варшавскую.

¹³⁸ Детальное описание административной структуры см. в разделе «Система управления Привислинским краем после подавления Январского восстания».

¹³⁹ Так, поляк и католик Каликст Витковский в 1863–1875 годах был президентом (городским головой) Варшавы. Поляком был и Михаил Ячевский, который в 1905–1910 годах руководил канцелярией генерал-губернатора, а в 1910–1915 – был губернатором Петроковской губернии. А губернаторы Владимир Тхоржевский, Константин Стефанович, Михаил Арцимович и Дионис Лабудзинский не только являлись поляками, но и крещены были в католическую веру; потом они, правда, перешли в православие. О них см.: *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy. S. 73; *Nowak A.* Walka o kresy, walka o przetrwanie. XIX-wieczne Imperium Rosyjskie wobec Polaków, Polacy wobec Imperium (przeгляд historiograficzny) / Борьба за окраины, борьба за выживание. Российская империя XIX в. и поляки, поляки и империя (обзор современной польской историографии) // Долбилов М. Д., Миллер А. И. (ред.). Западные окраины Российской империи. С. 429–464, здесь с. 449.

¹⁴⁰ Из остальных 17% подавляющее большинство составляли лютеране. См.: *Chwalba A.* Polacy w służbie Moskali. S. 40; *Vladimirov K.* The World of Provincial Bureaucracy. P. 51–52; *Wiech S.* Społeczeństwo Królestwa Polskiego w oczach carskiej policji politycznej (1866–1896). Kielce, 2002. S. 223; ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 94. Л. 25.

дайком»: благодаря повышенным окладам и льготам материальное положение государственных служащих там оказывалось значительно лучше, чем у их коллег во внутренних губерниях империи. Поскольку кадровой политике, нацеленной на вытеснение поляков из аппарата, было отведено в системе российского владычества в Польше центральное место, нам стоит более внимательно рассмотреть материальные условия государственной службы в Привислинском крае и то, как оценивали свое положение чиновники, прибывавшие туда из России¹⁴¹.

Высшие посты в управленческой иерархии Царства Польского оплачивались, несомненно, очень хорошо. Генерал-губернатор Скалон в 1908 году получал рекордно высокое жалование: 36 тыс. рублей в год плюс доплаты в размере примерно 13 тыс.¹⁴² Начальник его канцелярии в том же году заработал целых 9 тыс. рублей, а председатель Варшавского цензурного комитета в 1899 году получил 5,7 тыс.¹⁴³ Помимо высоких окладов, верхушка администрации в Варшаве пользовалась весьма комфортабельными служебными и жилыми помещениями: генерал-губернаторы жили в бывшем королевском дворце, варшавский губернатор и канцелярия генерал-губернатора размещались в бывшем дворце наместника на улице Краковское Предместье.

Кабинеты обер-полицмейстера и президента города находились в представительном здании ратуши, а штаб Варшавского военного округа даже занимал бывший королевский дворец на Саксонской площади. В то время как в России губернаторы регулярно жаловались на тесноту и обветшалость зданий, где им приходилось жить и работать, руководители ведомств в Варшаве пользовались помещениями, которые соответствовали рангу представителей имперской власти. Правда, уже губернаторы провинций и тем более низшие эшелоны чиновничества такой роскошью похвастаться не могли. Например, губернатор одного из десяти польских административных округов в 1870–1890 годах получал жалование от 3,5 до 7,6 тыс. рублей в год, а служащие на нижних ступеньках иерархии довольствовались годовым доходом всего лишь в 350–1000 рублей¹⁴⁴. В 1886 году была установлена надбавка к базовому окладу чиновников русского происхождения за службу в Царстве Польском, но впоследствии она, при росте цен на местном рынке, не индексировалась. Многочисленные жалобы генерал-губернаторов говорят о том, что инфляция в Привислинском крае съедала все надбавки, а потому и вознаграждение за службу в польских провинциях уже вовсе не казалось таким привлекательным. Во многих случаях чиновники, особенно низшие, обращались с прошениями по поводу своих финансовых затруднений напрямую к генерал-губернатору, и он зачастую выдавал им разовое денежное вспомоществование. А когда чиновники выходили в отставку, им тем более приходилось пережить резкое снижение дохода, причем много теряли в деньгах и те, кто занимал руководящие должности. Хотя последним не грозила бедная старость, все же в условиях растущей стоимости жизни в Варшаве они уже с трудом могли позволить себе жить так, как требовали сословные стандарты¹⁴⁵.

Итак, служба в Привислинском крае отнюдь не приносила русским мелким чиновникам больших доходов. Возможно, именно поэтому, хотя на протяжении десятилетий численность православных административных служащих здесь и увеличивалась, все же доминировали

¹⁴¹ За службу в Царстве Польском полагались и другие привилегии – такие, как ускоренное чиновничество и более ранний выход на пенсию. См.: Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 6. С. 245–256.

¹⁴² AGAD. KGGW. Sygn. 9241. Kart. 1. Для сравнения: в 1906–1914 годах генерал получал в год 7,8 тыс. рублей, а человек, назначенный на должность члена Государственного совета, получал в 1909 году от 10 до 20 тыс. рублей в год.

¹⁴³ Ibid. Kart. 2. Для сравнения: при начале своей службы в Варшавском университете, в 1893 году, профессор русского языка Карский получал 2 тыс. рублей в год.

¹⁴⁴ *Chimiak Ł.* Gubernatorzy gósyjscy. S. 68. Для сравнения: учитель мог заработать в год до 540 рублей, а квалифицированный рабочий в Царстве Польском легко мог заработать более 300 рублей. Таким образом, провинциальные губернаторы в Польше получали значительно меньше, чем высшие чиновники какой-либо внутрироссийской губернии, где годовое жалование в 100 тыс. рублей было нормой.

¹⁴⁵ AGAD. KGGW. Sygn. 8316. Kart. 4–4v.

в количественном отношении всегда поляки-католики. Финансовые возможности государства не позволяли осуществлять такую кадровую политику, которая обеспечила бы более радикальную смену персонала. В Царстве Польском, как и по всей империи, бюджет был таков, что штаты провинциальной администрации оказывались весьма ограниченными. Большим препятствием на пути осуществления планов по замене поляков русскими был также дефицит специалистов – традиционная проблема царской бюрократии. Не прекращались жалобы варшавских генерал-губернаторов на то, что чиновники, присылаемые из России, плохо знают свое дело. Например, генерал-губернатор Альбединский охарактеризовал «контингент русских», несших службу на низовых должностях, следующим образом: преувеличивая представление, что русской народности должна принадлежать первенствующая роль, и не доверяя всему чужому, некоторые правительствующие лица, писал он, усвоили себе не вполне правильные мнения относительно того, как нужно служить «русскому делу». Своим образом действий, проявляющимся зачастую в суровых и резких формах и оскорбляющим польское народное чувство напоминанием о былых событиях, эти деятели препятствуют желательному сближению польского общества с русской сферой¹⁴⁶. Но даже тем русским чиновникам, которые не вредили делу правительственной политики своей открыто демонстрируемой враждебностью в отношении поляков, было, по мнению генерал-губернатора, свойственно по большей части равнодушное и чисто формальное исполнение своих должностных обязанностей. Неудивительно, писал Альбединский, что у местного населения не возникает доверия к такого рода чиновникам¹⁴⁷.

Фундаментальная проблема – плохая квалификация, низкая мотивированность или агрессивная антипольская позиция чиновников, прибывших из внутренних областей России, – продолжала существовать еще и на рубеже XIX–XX веков. Генерал-губернатор Александр Имеретинский сетовал на то, что трудно привлечь на службу в Царство Польское подходящих людей. А тем, кто готов был ехать туда служить, он дал уничтожающую характеристику: многие из новых русских чиновников, по его мнению, оставляли желать лучшего с точки зрения уровня образования, моральных качеств, служебного такта и добросовестности исполнения служебных обязанностей. Это в первую очередь касалось низшего чиновничества, но подобные недостатки встречались и в высших эшелонах государственной службы, что Имеретинский считал особенно вредным для правительства. На службу, писал он, поступали полубразованные и плохо воспитанные люди, добродушные, ленивые, простые. Они приносили с собой целый арсенал предвзятых суждений, в соответствии с каковыми и стремились управлять Привислинским краем, который представлялся им пылающим очагом революции. В каждом поляке они видели угнетенного, но злобного врага правительства и их самих. Себя же они видели победителями и, следуя девизу «Победителя не судят», полагали, что свободны от всякого контроля, причем не только со стороны общественного мнения, но и со стороны своей собственной совести. В редчайших случаях эти предвзятые суждения, привезенные чиновниками из внутренней России, сглаживались при ближайшем знакомстве с условиями жизни в Царстве Польском. Но у большинства людей, прослуживших там несколько лет, наоборот, укреплялись их изначальные взгляды, характеризовавшиеся духом крайней нетерпимости ко всему польскому¹⁴⁸. Последствия этого для русско-польских отношений, продолжал Имеретинский, просто катастрофические: между российскими чиновниками и местным населением сохраняется глубокая враждебность, встречи между ними подобны «непрерывной борьбе [...] на каждом шагу»¹⁴⁹. Перед генерал-губернатором представала «безотрадная картина»: недовольные рус-

---

¹⁴⁶ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–43, здесь л. 4–4 об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 43–43 об.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 94. Л. 25–27, здесь л. 25 об. – 26.

¹⁴⁹ Там же. Л. 26.

ские чиновники и жалующиеся местные поляки. Все это, подчеркивал Имеретинский, наносит огромный вред интересам правительства, так как местное население имеет совершенно превратные представления о намерениях властей: эти представления складывались в ходе многочисленных столкновений с отдельными чиновниками, прежде всего в низшей администрации¹⁵⁰.

Поэтому Имеретинский требовал, чтобы в Царство Польское присылали только таких чиновников, которые обладают высоким уровнем образования и, соответственно, критическим умом и способностью быстро ориентироваться даже в незнакомом окружении, а также отличать существенное от несущественного. Имея такие способности, русский чиновник, который, конечно же, прибывал из внутренних областей России с предрассудками, мог на основании собственного опыта быстро осознать их беспредметность¹⁵¹. Правительство, считал Имеретинский, непременно должно озаботиться таким качественным улучшением чиновничества в Царстве Польском, если хочет добиться эффективной и менее конфронтационной деятельности управленческого аппарата в Привислинском крае.

Подобная критическая оценка качеств российских чиновников была обусловлена отнюдь не одним лишь образом мыслей данного генерал-губернатора, известного своей реформистской ориентацией: преемник Имеретинского, консерватор Михаил Чертков, был в принципе того же мнения. Он тоже нарисовал крайне неприглядный портрет российского чиновника, прибывающего на службу в Царство Польское. Опасения Имеретинского по поводу «ненадежности служащих русского происхождения» Чертков считал вполне оправданными. Усугублялась эта проблема тем, что «местные служащие» – под ними Чертков имел в виду поляков-католиков, – даже служившие на самых низших должностях, были «культурно очень развиты», а из России прибывали в Польшу только те, кому на родине не удалось устроить свою жизнь. Но в особо трудных условиях Привислинского края подобные кандидаты оказывались совершенно ни на что не годны, и в конечном счете именно они несли ответственность за то, что в Царстве Польском «у всех русских служащих» была «дурная репутация»¹⁵². Даже на персонал своей собственной канцелярии Чертков не мог вполне положиться: в варшавских присутствиях, жаловался он, дела затягиваются, царит «канцелярская волокита», необычайно тормозящая работу административного аппарата¹⁵³.

Таким образом, выяснилось, что осуществить намеченную деполонизацию состава управленческого персонала практически не удастся. Во всяком случае, генерал-губернаторы подчеркивали: форсированная замена польских чиновников русскими при таком качестве кадров будет иметь для российской власти скорее отрицательные последствия. Поэтому едва ли приходится удивляться тому, что и большинство губернаторов в Привислинском крае избегали активных кампаний по русификации чиновничества в своих округах. Прошло сравнительно немного времени после Январского восстания, и государственные служащие из числа католиков наконец перестали рассматриваться как большая проблема, тем более что заняты они были в основном на низших должностях. Последующие мероприятия, нацеленные на увеличение доли чиновников русского происхождения, осуществлялись уже только в особо важных – прежде всего в военно-стратегическом отношении – сферах, таких как транспорт в приграничных районах, почта и телеграф¹⁵⁴.

Смириться наконец с тем, что большинство государственных служащих по-прежнему составляют поляки, было легко еще и потому, что в распоряжении властей имелось и другое

---

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. Л. 25 об. – 26 об.

¹⁵² AGAD. KGGW. Sygn. 5076. Kart. 6–8.

¹⁵³ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 97. Л. 30–45, здесь л. 33 об.

¹⁵⁴ AGAD. KGGW. Sygn. 5076. Kart. 1–3v.

средство деполонизации административного аппарата, обещавшее более долговечный эффект: начиная с 1864 года они последовательно внедряли русский в качестве языка делопроизводства. И во внутренней переписке, и в общении с гражданами администрация в Царстве Польском после разгрома Январского восстания стала изъясняться исключительно по-русски. Всякий, кто имел желание или необходимость вступить в контакт с государственными органами, должен был пользоваться для этого только русским языком. Редкие отступления от принципа языковой русификации, допускаемые отдельными чиновниками, интерпретировались и обществом, и администрацией как символические акты, указывающие на повышенную готовность к диалогу¹⁵⁵.

В сфере образования также внедрялся русский язык. Помимо администрации, ни в одной другой сфере, подверженной вмешательству государства, не было произведено после 1864 года таких глубоких изменений, как в польской школе. Начало им положил царский рескрипт от 30 августа 1864 года. Первой целью было поставлено повсеместное создание государственных начальных училищ. Следующий царский указ, вышедший в 1869 году, ограничил влияние местной общественности на школу: назначение руководящих и педагогических кадров теперь осуществлялось извне. В учебные планы и практику преподавания тоже были принудительно внесены изменения: в гимназиях и средних школах языком преподавания всех предметов за исключением Закона Божьего был сделан русский. Польский мог преподаваться в качестве «иностранный язык» в гимназиях, которые должны были получать на это особое разрешение от Министерства внутренних дел, однако языком преподавания на уроках польского тоже должен был быть русский. Кроме того, в таких предметах, как история, литература и география, внимание было последовательно перенесено на Российскую империю. Ученики средней и старшей школы должны были теперь изучать прежде всего историю русских царей и читать произведения авторов из русского литературного канона. В 1871 году эта же переориентация была отчасти осуществлена и в начальных школах Царства Польского, а русский язык был сделан обязательным для изучения предметом¹⁵⁶.

Схожую трансформацию претерпело и единственное высшее учебное заведение в Варшаве. Главная школа, основанная в 1862 году, фактически была польским университетом, хотя и не имела права носить такое звание. В 1869 году она его получила, но в то же время была и реформирована совершенно иным образом, нежели тот, на который рассчитывали поляки: ее преобразовали в Императорский Варшавский университет, где русский язык был введен в качестве языка преподавания, а в центр учебной программы – особенно в гуманитарных дисциплинах – были поставлены темы, связанные с русской историей, литературой и языком. Поэтому критически настроенные представители польской общественности тут же стали презрительно называть это учебное заведение не иначе как «русским университетом».

Чтобы осуществить такую масштабную русификацию средней и высшей школы, власти пытались импортировать профессоров и учителей из внутренних районов Российской империи в Привислинский край. Преподаватели «русского происхождения» получали надбавки к жалованью и другие льготы. Они должны были заменить тех польских учителей, которые в большом количестве были уволены во время «чисток» 60-х годов.

Параллельно с государственной системой образования существовал в Царстве Польском и целый ряд частных школ. Они были менее подвержены прямым вмешательствам со стороны государственных органов. Тем не менее, если такая школа хотела получить разрешение от российских министерств народного просвещения и внутренних дел, ей тоже приходилось следовать новым образовательным принципам. Государственные органы, ведавшие аккредитацией учебных заведений, проверяли их программы на предмет ориентированности на Россию

---

¹⁵⁵ См.: *Starynkevič S. Projekt Kanalizacyi i Wodociągu w mieście Warszawie. Warszawa, 1879.*

¹⁵⁶ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 16 об. – 20.

и регулярно проводили проверки. Также контролировалось и неукоснительное использование русского как языка преподавания.

Если меры, упомянутые до сих пор, относятся к первому десятилетию после восстания, то реорганизация образовательной системы в полном объеме развернулась лишь после того, как в должность попечителя Варшавского учебного округа вступил в 1879 году Александр Апухтин. Он сделал русский языком преподавания и в начальных школах, за исключением только таких предметов, как Закон Божий и польская грамматика. Кроме того, новый попечитель поставил перед собой задачу укрепить в учебных заведениях позиции православия: под его эгидой были созданы многочисленные православные школьные часовни и молельни, а роль католических священников в религиозном образовании он старался всемерно снижать. Апухтин активно вмешивался и в подготовку собственно католического духовенства: в 80-е годы он и в духовных семинариях сделал русский языком преподавания и обязательным предметом. Из-за открытой и агрессивной полонофобии Апухтина время его пребывания на посту попечителя Варшавского учебного округа, длившееся почти двадцать лет, поляки прозвали «апухтинской ночью»¹⁵⁷. Это название обличало одновременно и хронический недостаток финансирования образовательного сектора. В долгосрочной перспективе пренебрежительное отношение к нему имело серьезные последствия: перепись населения 1897 года продемонстрировала высокий уровень неграмотности – 69,5% от общей численности населения Привислинского края¹⁵⁸.

Агрессивность, с которой Апухтин в 80-е годы воевал с католическим духовенством, не была чем-то новым: уже первые годы после Январского восстания характеризовались многочисленными репрессивными мерами против католической церкви. По мнению российских чиновников, духовенство наряду со шляхтой было подлинной движущей силой восстания. Сам Николай Милютин говорил о католическом монахе как о коварном мятежнике, который, «с крестом в одной руке и саблей в другой», затевает бунт, чтобы свергнуть российское правление¹⁵⁹.

Государственные репрессии сильно ударили по католической церкви уже во время восстания 1863 года. Были произведены многочисленные аресты духовенства, ряд священников оказались приговорены к казни или ссылке. Часть монастырей была закрыта, а церковное имущество в огромных объемах конфисковывалось. Уже в ноябре 1864 года князь Черкасский как член Учредительного комитета взял на себя управление всеми делами, касавшимися католического духовенства¹⁶⁰. В 1865 году высочайшим повелением католическая церковь в Царстве Польском и в западных губерниях получила новую административную внутреннюю структуру. В Привислинском крае теперь оставалось всего семь диоцезов, а через два года их число было вновь уменьшено. Священники теперь получали жалованье непосредственно из казны; в 1866 году Петербург запретил католическим епископам общаться с Ватиканом, а в 1871 году вся католическая иерархия в Российской империи была непосредственно подчинена Римско-католической духовной коллегии – отделу Святейшего правительствующего синода в Санкт-Петербурге. Многие епископы, отказавшиеся признать это подчинение, были отправлены в ссылку, а их епископские кафедры, оставшиеся вакантными, не замещались,

---

¹⁵⁷ Апухтин был попечителем Варшавского учебного округа с 1879 по 1897 год. См. также: *Kraushar A. [Alkar]. Czasy szkolne za Apuchtina: kartka z pamiętnika (1879–1897)*. Warszawa, 1915.

¹⁵⁸ Таким образом, среди польских подданных империи процент неграмотных был не намного ниже, чем среди русских (из которых около 76% не умели читать). Впрочем, в обоих случаях были очень значительны региональные различия.

¹⁵⁹ *Милютин Н. А.* Исследования в Царстве Польском. Т. 5. С. 65.

¹⁶⁰ См.: *Новодворский В.* Царство Польское // *Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон.* СПб., 1903. Т. 37А.

поэтому к 1871 году епископы имелись только в трех из пятнадцати католических диоцезов российской части Польши¹⁶¹.

Сразу после Январского восстания в умах российских чиновников доминировал образ агрессивно миссионерствующего католицизма, и они считали своей первейшей задачей защитить простое православное население от миссионерских посягательств поляков¹⁶². Это был один из главных аргументов, приводимых в 70-е годы в пользу окончательного упразднения униатской церкви. После того как в 1875 году последняя, Холмская ее епархия была насильственно объединена с Русской православной церковью, Греко-католическая церковь в Российской империи прекратила свое существование. «Возвратившимся» в православие прихожанам было законом запрещено переходить в католичество, а «упорствующие» униатские общины и индивиды, противящиеся принудительному объединению с Русской православной церковью, подвергались жестоким репрессиям¹⁶³.

Но не только государственное управление, образовательная и церковная сферы подпали под репрессивно-унифицирующую политику Санкт-Петербурга. После Январского восстания схожие меры были применены к таким областям, как юстиция, здравоохранение и экономика. При этом влияние Петербурга часто происходило с задержкой и к тому же характеризовалось преднамеренной или бессознательной политикой пренебрежения, что особенно заметно продемонстрировала реорганизация медицинского дела. Так, существовавшее с 1830 года и укомплектованное в основном польскими кадрами учреждение – Главный опекунский совет, который заведовал больницами и прочими учреждениями здравоохранения в Царстве Польском, – было распущено только в 1870 году. Его преобразовали в советы по общественному призрению, которые подчинялись Министерству внутренних дел и, таким образом, были интегрированы в имперскую администрацию. Однако, поскольку эти инстанции, действовавшие на губернском и городском уровнях, страдали от хронического недофинансирования, а частная благотворительная деятельность в Польше в то время сократилась, потому что жертвователи не доверяли государственной администрации, система здравоохранения в Царстве Польском была печально знаменита прежде всего своими недостатками. Например, в Варшаве в 1902 году на душу городского населения приходилось значительно меньше больничных коек, чем в Санкт-Петербурге.

Несомненно, такая политика дискриминации в иных областях была, помимо прочего, результатом стратегических решений. Нельзя не увидеть сознательной дискриминации Привислинского края в том, что его десяти губерниям и его городам было отказано в праве на создание органов самоуправления. В связи с сохранявшимся чрезвычайным положением в Царстве Польском создание выборных земств и городских дум было здесь в 1864 и 1870 годах запрещено. Это имело в долгосрочной перспективе значительные последствия для положения административных чиновников на местах: с одной стороны, им не приходилось конкурировать с органами самоуправления, которые представляли бы местное общество, а с другой – они были

---

¹⁶¹ См.: *Качинская Э.* Поляки в Сибири.

¹⁶² См.: Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской пропаганды к русской вере и народности. Вильна, 1865–1866. Т. 1–2.

¹⁶³ О том, как православная церковь и Российское государство обходились с униатами, см.: *Долбилов М., Сталюнас Д.* Обратная уния; *Полунов А. Ю.* Духовное ведомство и униатский вопрос. 1881–1894 // Кукушкин Ю. С., Захарова Л. Г. (ред.). П. А. Зайончковский. С. 256–264; *Weeks T. R.* Between Rome and Tsargrad. The Uniate Church in Imperial Russia // Geraci R. P., Khodarkovsky M. (eds). *Of Religion and Empire*. P. 70–91; *Werth P. W.* Orthodoxy as Ascription (and Beyond). *Religious Identity on the Edges of the Orthodox Community, 1740–1917* // Kivelson V. A., Greene R. H. (eds). *Orthodox Russia. Belief and Practice under the Tsars*. University Park (Penn.), 2003. P. 239–251, здесь р. 241–244; *Вепм П.* Трудный путь к католицизму. Вероисповедная принадлежность и гражданское состояние после 1905 г. // *Lietuvių Katalikų mokslo akademijos metraštis*. 2005. Т. 26. P. 447–474, здесь 241–244; *Woolhiser C.* Constructing National Identities.

лишены возможности переложить хотя бы часть повседневной административной работы на альтернативные инстанции¹⁶⁴.

Такое специфическое дискриминационное отношение к польским провинциям присутствовало и в других областях. Например, в Варшаве действовал собственный Цензурный комитет, чтобы обеспечить особо строгую цензуру местного рынка публикаций и мнений. В то же время процедуры получения разрешений на создание клубов, ассоциаций и организаций были значительно затруднены тем, что требовалось получить ответ и от петербургского Министерства внутренних дел, и от варшавского генерал-губернатора¹⁶⁵. Точно так же и в судопроизводстве ощущалось двойное бремя: с одной стороны – унифицирующие меры, а с другой – дискриминационная политика апартеида. После 1876 года в Привислинском крае в соответствии с системой, введенной во внутренних областях России, были учреждены судебные округа в границах губерний, в Варшаве появилась судебная палата, русский был предписан в качестве единственного языка судопроизводства, но ни суды присяжных, ни выборные мировые судьи в Царстве Польском введены не были. Раздражающим фактором могло выступать и то обстоятельство, что Кодекс Наполеона, принесенный в Польшу в 1808 году, оставался в силе и после 1864 года: в последующие годы, когда усилились взаимосвязи между польскими провинциями и Центральной Россией, оно породило целый ряд сложных вопросов, касавшихся совместимости правовых систем¹⁶⁶.

Это усиление связей между Привислинским краем и центральными областями Российской империи после 1864 года было косвенным следствием экономической политики правительства, нацеленной на форсированную экономическую интеграцию польских провинций. Так, уже в 1866 году право формирования и утверждения их бюджета было передано в петербургский Комитет по делам Царства Польского. Однако первое время сохранялась имитация независимого польского бюджета, и Польский банк, известный своей активной экономической политикой, продолжал действовать в течение двух десятилетий. Только в 1886 году он был формально преобразован в филиал центрального банка империи¹⁶⁷. Экономическая взаимозависимость между польскими промышленными предприятиями и российским рынком начала нарастать с момента отмены таможенных границ в 1851 году, а в десятилетия после восстания данный процесс значительно ускорился. Главным фактором, способствовавшим этому, явилось строительство железных дорог, которые вскоре обеспечили логистическую интеграцию Привислинского края с центром Российской империи. Даже если то лишь отчасти была политика правительства, направленная на упрочение власти над Польшей, все же укрепление экономической привязки ее к России стало значительным фактором во всеобъемлющем процессе вливания прежде обособленного Царства Польского в империю¹⁶⁸.

Чтобы представить панораму мероприятий Петербурга в отношении Польши после Январского восстания во всей полноте, необходимо сказать и о символической политике. Для многих польских подданных именно в ней зримо и особенно болезненно проявлялось их подчинение русскому господству. Вывески магазинов, тексты на рекламных щитах и названия

---

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 94. Л. 48–73 об., здесь л. 59 об.

¹⁶⁵ Там же. Д. 97. Л. 30–45.

¹⁶⁶ См.: *Рейнке Н. М.* Каким гражданским законам подведомы русские уроженцы, пребывающие в Царстве Польском? Варшава, 1884.

¹⁶⁷ Отчет за 1905 год. Экономическое и культурное развитие Царства Польского за сорок лет, 1864–1904 // Труды Варшавского статистического комитета. Варшава: Варшавский статистический комитет, 1906. Т. 22. Об этом см. также: *Правилова Е. А.* Финансы империи. Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917. М., 2006. С. 76–80; *Pravilova E.* From the Zloty to the Ruble. The Kingdom of Poland in the Monetary Politics of the Russian Empire // Burbank J., Hagen M. von, Remnev A. (eds). Russian Empire. Space, People, Power, 1700–1930. Bloomington, 2007. P. 295–319; *Wandycz P. S.* The Lands of Partitioned Poland. P. 196.

¹⁶⁸ Ретроспективно многие авторы подчеркивали этот интеграционный аспект. См., например: *Tennenbaum H.* Rynki rosyjskie // *Z Rosja czy przeciw Rosji?* Warszawa, 1916. S. 73–85.

улиц в Царстве Польском – теперь их следовало писать кириллицей. Все новые названия населенных пунктов и улиц были связаны либо с царствующим домом Романовых, либо с внутри-российскими территориями. Даже некоторые города были переименованы: Бжешч мутировал в Брест-Литовск, Йенджеув – в Андреев. Такая «русификация» топонимического ландшафта Царства Польского была призвана продемонстрировать не только что польские провинции бесповоротно стали частью Российской империи, но и что времена «польских особенностей» миновали. Имперские власти символически объявляли завершением тот исторический этап, когда Царству Польскому позволялось иметь многочисленные отличия от центральных российских регионов. Отныне Привислинский край должен был стать просто одной из областей Российской империи – во всем подобной остальным.

Русификация, деполонизация или внутреннее государственное строительство? О горизонте действия имперских властей

Итак, список мер, принятых центральными властями в отношении «мятежных» польских провинций, был длинным и привел к фундаментальным и долговременным изменениям в их политическом, экономическом и культурном устройстве. Раньше историки толковали эти мероприятия как единую и последовательную программу русификации¹⁶⁹, и лишь недавно такая интерпретация стала подвергаться критике¹⁷⁰. В самом деле, намерения правительства были отнюдь не однозначны: в имперской политике пересекались различные интересы, представления и решения, которые отчасти усиливали, а отчасти блокировали друг друга.

В свете опыта 1830–1831 и 1863–1864 годов одной из главных целей Петербурга в Царстве Польском стало эффективное и долговременное предупреждение новых восстаний в этом стратегически важном регионе империи. Репрессии против непосредственных участников вооруженного выступления, размещение значительных воинских гарнизонов, расширение фортификационных сооружений, наращивание полицейского аппарата – все это было призвано навсегда «замирить» Привислинский край. Одновременно власть стремилась подорвать социальную базу тех сил, которые рассматривала как зачинщиков восстаний. Дискриминационные меры против польской шляхты и католического клира носили двоякий характер: это были одновременно и кара за «неблагодарность», и стратегическое ослабление данных социальных слоев.

Восстановление власти Петербурга в Царстве Польском, особенно в первые годы после Январского восстания, носило черты «правосудия победителей», направленного на наказание и унижение побежденных и на подчеркивание их подчиненного статуса. В частности, указы, которые вводили русификацию публичного пространства, были порождены этой жаждой продемонстрировать всем новоустановленную гегемонию победителей. Все, что считалось польским, подлежало символическому переводу в подчиненное положение. Демонстрировавшие свою устрашающую власть и мощь российские завоеватели, впрочем, в первое время вовсе не были уверены в собственном культурном превосходстве над покоренными поляками. Лишь постепенно у них выработался такой дискурс, который все сильнее и сильнее убеждал их, что они и в культурном отношении стоят выше побежденных: «романтическая» поль-

---

¹⁶⁹ См., например: *Gill A. Freiheitskämpfe der Polen; Rohr E. K. Russifizierungspolitik im Königreich Polen nach dem Januaraufstand 1863/64. Berlin, 2003; Wandycz P. S. The Lands of Partitioned Poland. P. 196.*

¹⁷⁰ См.: *Kappeler A. The Ambiguities of Russification // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2004. Vol. 5. No. 2. P. 291–297; Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // Ab Imperio. 2000. № 2. С. 133–148; Miller A. «Russifications»? In Search for Adequate Analytical Categories // Hausmann G., Rustemeyer A. (Hg.). Imperienvergleich. Beispiele und Ansätze aus osteuropäischer Perspektive. Festschrift für Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2009. S. 123–144; Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy. Прежде всего p. 29–43; Weeks T. R. Russification. Word and Practice 1863–1914 // Proceedings of the American Philosophical Society. 2004. Vol. 148. No. 4. P. 471–489.*

ская аристократическая культура характеризовалась в этом дискурсе как устаревшая, отсталая и потому – обреченная. Давний топос, согласно которому поляки якобы не способны к государственности, что проявилось в хаотичном устройстве и военно-политической слабости их шляхетской республики, шаг за шагом встраивался в колониалистскую иерархию, ранжирующую народы в целом по степени их «культурности»¹⁷¹. Мало оснований сомневаться в том, что огромное количество российских чиновников постепенно усвоило эту систему убеждений, в которой им самим отводилась более высокая ступень политического, военного и культурного развития, нежели покоренным. Когда новый генерал-губернатор, Иосиф Гурко, в 80-е годы на торжественных приемах в своей варшавской резиденции заставлял присутствующих польских аристократов разговаривать не на французском, а на русском языке, то это было, с одной стороны, несомненно, актом преднамеренного унижения, а с другой – еще и сигналом, что высшую польскую знать, давно лишенную политического влияния и подвергаемую все более заметной социальной маргинализации, генерал-губернатор рассматривает уже не как равню себе, а как второстепенных подданных.

В полном соответствии с такой схемой мышления правительство предпринимало серьезные усилия для того, чтобы интегрировать польское деревенское население в свои – не очень отчетливые – планы относительно будущего Привислинского края. В патерналистский помещичий менталитет, характерный в особенности для высшего эшелона российского чиновничества, без проблем вписывался топос о «благодарном» и потому «верном» крестьянине. Здесь – в отличие от остзейских провинций, населенных «малыми» народами, – даже в долгосрочной перспективе не предполагалось постепенного обрусения сельских жителей; не шло речи о том, чтобы из польских крестьян-католиков сделать русских православных. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что никакой активной поддержки православной миссионерской деятельности бюрократия не оказывала¹⁷². Ее политика была основана на предположении, что ненависть поляков к российским властям раздували прежде всего шляхта и ксендзы. Освобождение крестьян в 1864 году и аграрная политика последующих лет были поэтому сознательно нацелены на то, чтобы обострять напряжение в отношениях между землевладельцами и крестьянами, дабы шаг за шагом ослаблять якобы пагубное влияние первых на вторых. Постепенно укреплявшуюся веру в собственное культурное превосходство топос о верном польском крестьянине даже усиливал: ведь отношения между чиновниками и крестьянами характеризовались социокультурным статусным неравенством, которое никогда не ставилось под сомнение. Возможно, именно по данной причине имперские чиновники не расставались с этой *idée fixe*. Даже после того, как революционные события в сельской местности и коммунальное движение в 1905–1906 годах ясно показали, что лояльность польского крестьянства царю и империи была не слишком высока, топос о «верном крестьянине» продолжал фигурировать в текстах, выходивших из-под пера имперских управленцев: расстаться с этим убеждением, столь милым сердцу российских чиновников и так хорошо поддерживавшим их представления о собственном статусе, было явно нелегко¹⁷³.

В первое время, однако, такое иерархическое мышление у российской стороны еще не консолидировалось: именно об этом свидетельствует та полонофобия, которая наблюдалась у многих представителей администрации, а также – и прежде всего – у деятелей российской публичной сферы. Особенно по ранним реакциям на восстание видно, что имперские власти испытывали должное уважение к противнику, признавая исключительно эффективную организацию подпольной работы у поляков. Поэтому лица, принимавшие решения в Петер-

---

¹⁷¹ С этим согласен и Теодор Уикс: *Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia*. P. 197.

¹⁷² Об этом см.: *Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики*. С. 191–214.

¹⁷³ AGAD. Pomocnik General-Gubernatora Warszawskiego do Spraw Policyjnych [далее – PomGGW]. Sygn. 1212. Kart. 75–75v.

бурге, так настаивали на максимальной деполонизации управленческого аппарата. Как уже было показано выше, это стремление наталкивалось на финансовые ограничения, что, однако, не отменяло принципиальной цели: удалить поляков, которым приписывались неверность и склонность к образованию тайных обществ, по крайней мере со стратегических позиций в государственных органах.

Основной целью была не столько русификация, сколько деполонизация управленческого аппарата. Об этом говорит тот факт, что за десятилетия после Январского восстания кадровый состав органов государственного управления в Царстве Польском в принципе остался многонациональным. Из десяти наместников и генерал-губернаторов, сменившихся за период с 1864 года до начала Первой мировой войны, четверо были нерусскими по национальности; род Гурко тоже происходил от литовских магнатов. Этническая принадлежность не играла значительной роли ни в назначении на эту важную должность, ни в политических ориентациях того, кто ее занимал, ни даже в его самоидентификации. Какой факт может свидетельствовать об этом нагляднее, чем то, что в течение первых пятнадцати лет после Январского восстания судьбы Привислинского края вершили два немца – наместник генерал Фридрих Вильгельм Ремберт (в русском обиходе – Федор Федорович) фон Берг и генерал-губернатор Пауль Деметриус (в русском обиходе – Павел Евстафьевич) фон Коцебу? Главное было не в том, чтобы поставить на ключевые должности людей русского происхождения, а в том, чтобы удалить с этих должностей поляков.

Политика, нацеленная на уменьшение польского влияния, встречала одобрение со стороны российской общественности. Январское восстание значительно ускорило процесс складывания рынка общественного мнения и публикаций в России. Издатели, такие как Михаил Катков, и писатели, такие как Иван Аксаков, создавали по поводу польского восстания памфлеты, отчасти носившие оголтелый антипольский характер¹⁷⁴. Впрочем, едва ли можно предполагать, что их агитация непосредственно влияла на политику: в 60-е годы XIX века принцип автономии государства от общества был само собой разумеющимся и незыблемым. Даже если имперские сановники и приветствовали антипольские кампании, которые развертывались в российской журналистике, все же они ни в коей мере не подчиняли свои решения никакому «общественному мнению»¹⁷⁵.

Контраст между публицистическими дебатами о будущем Привислинского края и политическими мероприятиями правительства дает возможность увидеть, в чем заключается проблематичность понятия «русификация» в данном контексте. «Польский мятеж» не только вызвал бурю возмущения в российской публицистике: в связи с «польским вопросом» многие стали глубже задумываться и над тем, в чем заключается истинно «русское» и какую роль оно должно играть в системе империи. Прежде всего славянофильское движение начиная с 60-х годов приобрело отчетливо русоцентричный характер путем дистанцирования от поляков как от «изменников»-братьев. В то же время в российской публичной сфере стало раздаваться все больше голосов с требованием более привилегированного положения для всего русского в империи. Многие из того, что стало потом, в 80-е годы, типичным для правления Александра III, предвосхищалось этими идеями, высказываемыми сразу после Январского восстания¹⁷⁶. В числе прочего в определенных общественных кругах пропагандировались и идеи

---

¹⁷⁴ См.: Аксаков И. С. Польский вопрос и западно-русское дело; Катков М. Н. 1863 год. Собрание статей. См. также: Miller A. The Romanov Empire and Nationalism. P. 56, 170.

¹⁷⁵ См. также: Geyer D. Der russische Imperialismus. S. 46.

¹⁷⁶ См.: Maiorova O. War as Peace. The Trope of War in Russian Nationalist Discourse during the Polish Uprising of 1863 // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2000. Vol. 6. No. 3. P. 501–534; Миллер А. Империя Романовых и национализм. С. 158–160; Солодухина И. И. Польский вопрос в русской публицистике в 60-е гг. XIX века по страницам газеты «День» // Московский государственный открытый педагогический университет. Ученые записки кафедры всеобщей истории. М., 1996. С. 54–63.

культурной русификации польских окраин, а отчасти и других периферий империи. Государственную политику, согласно этим представлениям, следовало направить не только на вытеснение поляков с административных должностей, но и на расшатывание – хотя бы частичное – польской идентичности подданных, населявших Привислинский край, дабы открыть путь для распространения там русской культуры.

Такого рода требования, впрочем, плохо сочетались с намерениями государственных деятелей, отвечавших после восстания за политику в отношении Польши. Лишь при поверхностном взгляде может сложиться впечатление, что мероприятия государства в Привислинском крае в 60–70-е годы представляли собой его «административную русификацию»¹⁷⁷. Использование такой терминологии не позволяет заметить, что за вмешательствами во внутреннее устройство Царства Польского, помимо желания «замирить» этот край, скрывалось прежде всего принципиальное стремление к унификации, вообще типичное для реформ Александра II. Административную реорганизацию Привислинского края следует рассматривать не изолированно, а в контексте Великих реформ 60–70-х годов¹⁷⁸. Главным в проекте этого комплекса реформ было намерение создать и активировать гражданское общество и «пригласить» его к ограниченному участию в управлении империей. Для этого необходимо было обеспечить повсюду одинаковые административные и правовые структуры. Чтобы замысел внутренне унифицированного – и ставшего благодаря этому более устойчивым и одновременно более активным – государства мог воплотиться в жизнь, нужно было покончить с плюрализмом особых административных и правовых зон в империи. Лоскутное одеяло из весьма несхожих между собой партикулярных систем, оставшееся Александру II в наследство от домодерной многонациональной империи, которая расширялась путем инкорпорации земель, элит и их привилегий, теперь предстояло трансформировать в некое единообразное целое¹⁷⁹.

В свете сказанного выше реорганизация административной и правовой систем в Царстве Польском после 1864 года предстает как «нормализация» внутренней государственной структуры. Тот процесс гомогенизации, который в последующие годы охватил и другие периферии Российской империи, в польских провинциях был ускорен восстанием, потому что после его разгрома власти оказались освобождены от необходимости относиться с уважением к местным правовым традициям – они могли перейти к политике радикальных преобразований, не обращая внимания на голоса местного населения, особенно польских элит. Административная реорганизация Привислинского края, таким образом, представляла собой проявление нового государственного интереса: в политическом мышлении влиятельных петербургских сановников внутренняя унификация государства превратилась в самостоятельную ценность. Единообразие государственных структур во всех частях империи сулило прогресс и модернизацию, тогда как «чересполосица» напоминала о раздробленности и неповоротливости России времен дореформенного *ancien régime* [фр., буквально «старый режим». – *Примеч. ред.*].

Разумеется, стремление к унификации было лишь одним фактором из многих, и царские власти сами регулярно нарушали собственные принципы. Еще и много лет спустя после Январского восстания они – прежде всего в силу своего стойкого недоверия к польским подданным – вводили для Привислинского края особые правила, принципиально противоречившие идее единообразия. Существование должности генерал-губернатора, отказ от учреждения в Польше органов местного самоуправления и судов присяжных, а также «духовные шлаббаумы», которые воздвигал Варшавский цензурный комитет даже на восточной границе При-

---

¹⁷⁷ См.: Thaden E. C. Introduction // Thaden E. C. (ed.). *Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914*. Princeton, 1981. P. 3–14, прежде всего p. 8–9; *Idem*. *The Russian Government* // *Ibid*. P. 15–110. Прежде всего p. 33–53, 76–87.

¹⁷⁸ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–43, здесь л. 1–3. Подробнее об этом см. в работе: *Grandits H., Judson P., Rolf M.* *Empires and Nations*.

¹⁷⁹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 24 об.

вислинского края¹⁸⁰, – все это были институты и мероприятия, консервировавшие особое положение региона и в конечном счете вредившие унификационному замыслу реформ Александра II.

Как в унификационных, так и в дискриминационных своих мерах власти могли быть уверены в поддержке со стороны российской общественности. И тем не менее главной целью петербургских чиновников была отнюдь не русификация польских провинций, как она виделась некоторым из наиболее рьяных участников публичной дискуссии по «польскому вопросу». Главным для чиновников было привести новые земли к таким стандартам, которые применялись на всей территории Российской империи и которые можно назвать скорее «имперскими», а не «русскими». Поэтому и понятие «административной русификации» вводит в заблуждение, поскольку маркирует как «русское» то, что изначально замышлялось как «российско-имперское». Многие из принципов упорядочивания, экспортировавшихся на окраины Российской империи, были для центра столь же новыми, столь же «чужими», как и для периферии. Они вытекали из управленческой логики, рассчитанной на всю территорию империи, а не из императива повсеместного насаждения некой «русской модели». «Русификация» этих структур была скорее постепенным процессом, пришедшимся на период правления Александра III, когда влиятельные голоса на российском рынке общественного мнения все чаще и все больше соглашались с правительством, которое все больше понимало себя как представительство «русского». То, что раньше мыслилось как «имперское», теперь все больше и больше означало «русское»¹⁸¹. Но эта позднейшая актуализация национального момента в империи еще ни в коем случае не являлась главным ориентиром деятельности чиновников в первые десятилетия после Январского восстания. Назвать административные и правовые реформы 1860–1870-х годов русификацией значило бы исказить первоначальные мотивы действий царских властей. В частности, это не позволило бы увидеть динамичный процесс последующего изменения интерпретаций с нарастающим доминированием именно русского элемента.

Частично это относится и к той перестройке системы образования, в ходе которой русский был сделан языком преподавания, а российская история, литература и география – основными предметами учебной программы. Польша была не единственным случаем, когда российским чиновникам в ходе Великих реформ стала очевидна необходимость форсировать единообразное использование «государственного языка» в сферах управления, права и образования. Унифицированная администрация, как им казалось, могла функционировать эффективно, только если поверх всего языкового разнообразия Российской империи установить один, общий для всех официальный язык, преподавание которого, в свою очередь, должно стать одной из важнейших задач государственных школ империи. Чиновники регулярно указывали на то, что введение русского языка в школьное преподавание имеет целью изучение «государственного» или «правительственного языка»¹⁸². При этом они, несомненно, скрывали другие намерения, особенно стремление сломить польскую культурную гегемонию в публичном пространстве, частью которого являлись и образовательные учреждения. И все же не следует недооценивать это заявление о намерениях с точки зрения его значения для деятельности царских чиновников: проект фундаментальной реорганизации административных структур в Привислинском крае мог увенчаться успехом лишь при условии закрепления за русским языком статуса языка образования. О том, что именно такова была логика действий россий-

---

¹⁸⁰ Спасович В. Д. Записка в цензурный комитет // Атеней. 1880. 1 сентября. С. 1–2.

¹⁸¹ Об этом см.: Miller A. The Romanov Empire and Nationalism. P. 56–59.

¹⁸² ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 45а–81, здесь л. 51. Об ограниченной эффективности и недостаточной последовательности концепций русификации в западных губерниях см., в частности: Dolbilov M. Russification and the Bureaucratic Mind; Miller A. Between Local and Inter-Imperial.

ского режима, свидетельствуют законодательные положения в области школы, последовавшие за административными мерами.

Кроме того, можно указать в этой связи на принципиальную разницу между 1860-ми и 1880-ми годами: образовательная политика, которую проводил с 1879 года попечитель Апухтин, была гораздо отчетливее ориентирована на то, чтобы в конечном итоге добиться культурной русификации школьников Привислинского края. Осуществленный этим чиновником переход к преподаванию на русском языке в начальных школах затрагивал один из основных институтов культурной социализации. Даже сам Апухтин, вероятно, никогда не верил, что сумеет сделать из поляков русских. В силу отвращения, питаемого им к полякам, он, наверное, считал такое смешение и нежелательным. Но его печально известное высказывание, что он видит цель своей образовательной политики в том, чтобы малолетние польские дети пели русские песни, все же ясно показывает: главное было не в освоении государственного языка, а в том, чтобы с раннего детства поляки усваивали русский культурный канон¹⁸³.

Некоторые из мероприятий 1860-х годов, несомненно, дают повод истолковывать их как следствие стремления к русификации. Кроме того, для многих представителей польской стороны, которых эти меры затрагивали, тонкие различия в направленности государственной политики вообще никогда не были важны или хотя бы заметны. Особенно в ретроспективе, т. е. при взгляде из эпохи «двоевластия» генерал-губернатора Гурко и попечителя Апухтина на имперскую политику, проводимую в Польше после 1864 года, мероприятия правительства выглядели как всеобъемлющая и продуманная концепция «наступательной русификации». Многие воспринимали десятилетия после Январского восстания как некое временное и программное единство, период, в течение которого российский оккупационный режим не только жестоко преследовал все символы польской государственности, но и уничтожал польскую культурную самобытность. То, что существовала разница между имперскими и русскими ориентирами в действиях царских властей, при таком их истолковании было второстепенным. Общеимперский контекст в критических репрезентациях оставляли почти полностью за рамками рассмотрения, а петербургские директивы интерпретировались прежде всего как антипольская политика, которая все больше угрожала культурным основам польскости¹⁸⁴.

Все более интенсивное вмешательство центра в дела бывшего Царства Польского вызвало многочисленные процессы разграничения и, как и в других периферийных районах империи, порождало стратегии сопротивления, на которые имперские чиновники должны были как-то реагировать, что нередко оказывалось выше их сил. Однако новый режим, установленный Петербургом в Привислинском крае в ответ на Январское восстание, получился вполне жизнеспособным с имперской точки зрения. За исключением нескольких модификаций, он просуществовал в неизменном виде до конца российского правления в Польше.

Система управления Привислинским краем после подавления Январского восстания

Именно поэтому необходимо системно рассмотреть административные структуры, введенные после 1864 года и существовавшие до 1915-го, – ведь контактные зоны и конфликтные узлы, которым посвящено это исследование, становятся понятны только на фоне имперских принципов упорядочения, лежавших в основе управленческой деятельности в Привислинском крае. Центральной фигурой имперской администрации был с 1864 года императорский наместник. Он назначался непосредственно царем и отчитывался только перед ним. Намест-

---

¹⁸³ Апухтин объявил, что его цель – чтобы «польских детей няньки баюкали русскими песнями» (цит. по: *Porycki J. Aleksander Apuchtin – właściciel majątku Kułaki // Ciechanowiecki Rocznik Muzealny. Ciechanowiec, 2006*).

¹⁸⁴ См.: *Лелива, граф [Тышкевич А.]. Русско-польские отношения. С. 38–63.*

ник проживал в Варшаве, располагал собственной канцелярией и возглавлял администрацию десяти губерний края. Одновременно он был командующим войсками Варшавского военного округа и обладал – особенно в периоды действия военного и чрезвычайного положения – значительными особыми полномочиями. Так, он мог издавать «обязательные постановления» для обеспечения государственной и общественной безопасности. Нарушителей этих постановлений наместник должен был карать в административном порядке. Он также имел право передавать подозреваемых в военные суды – в случаях, которые оценивал как угрозу государственному порядку¹⁸⁵.

Командуя армией, наместник держал в своих руках мощный инструмент управления. Всякий раз, когда конфронтации в Привислинском крае обострялись до угрожающей ситуации, наместник мог прибегнуть к своим чрезвычайным полномочиям, которые позволяли ему быстро использовать контингенты войск во внутренних столкновениях. Плотность размещения солдат в польских провинциях была беспрецедентной. Нигде в империи не имелось больше солдат на душу населения, чем в Варшавском военном округе¹⁸⁶. В общей сложности 240 тыс. человек несли регулярную военную службу в Привислинском крае, только в Варшаве после 1900 года было размещено более 40 тыс. военнослужащих. Во времена кризисов – например, в революцию 1905–1906 годов – их количество во всем крае достигало даже более 300 тыс. человек, в том числе в Варшаве – 65 тыс.¹⁸⁷

До 1874 года императорский наместник оставался главнокомандующим этой пугающей воинской силой. Однако после смерти генерал-фельдмаршала Берга данная должность никем не была замещена; большинство полномочий наместника перешло к вновь созданной должности варшавского генерал-губернатора. Несомненно, генерал-губернатор в символической иерархии рангов имперской бюрократии стоял значительно ниже императорского наместника и «принца Варшавского», а его полномочия были скромнее¹⁸⁸. Однако эта деградация мало что изменила в административном устройстве края. Варшавский генерал-губернатор тоже был и главнокомандующим Варшавским военным округом, и главным чиновником гражданской администрации, а следовательно – самой влиятельной инстанцией в том, что касалось конкретной имперской политики в этих губерниях. Его тоже направлял туда сам царь, отчитываться и держать ответ генерал-губернатор должен был только перед монархом. Удивительно долгие сроки службы некоторых генерал-губернаторов способствовали тому, что эти варшавские чиновники действительно могли оказывать на ход событий на местах долговременное и определяющее влияние¹⁸⁹.

Это не означало, что власть представителей Петербурга в регионе была неограниченной или бесспорной. Как когда-то наместнику, так теперь и генерал-губернатору приходилось иметь дело с чиновниками Собственной Его Императорского Величества канцелярии по делам Царства Польского, а также с членами межведомственного Комитета по делам Царства Польского. В последний входили, кроме генерал-губернатора, министры внутренних дел, военный и просвещения, глава Департамента экономии; обер-прокурор Святейшего синода регулярно

---

¹⁸⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 254. Д. 1. Л. 1–12 [Обозрение мер Правительства, принятых по Царству Польскому после 1863 года]; Сборник административных постановлений Царства Польского. Т. 1.

¹⁸⁶ В 1888–1890 годах в Варшавском военном округе приходилось 43 солдата на тысячу жителей – это была самая большая плотность войск во всей Российской империи.

¹⁸⁷ См.: *Ascher A.* The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford, 1988. P. 158; *Dziewanowski M. K.* The Polish Revolutionary Movement and Russia, 1904–1907 // McLean H., Malia M. E., Fischer G. (eds). Russian Thought and Politics. Cambridge, 1957. P. 375–394, здесь р. 392; *Гумб К.* Угрожать и наказывать. Русская армия в Варшаве в 1904–1906 гг. // *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 157–194.

¹⁸⁸ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 97. Л. 30–45.

¹⁸⁹ Так, наместник Берг занимал свою должность одиннадцать лет, его преемник, генерал-губернатор Коцебу, – шесть лет. Дольше всех прослужил в Варшаве генерал-губернатор Гурко (свыше одиннадцати лет), но и Скалон пробыл генерал-губернатором в Царстве Польском очень долго – более девяти лет.

принимал участие в его заседаниях. Комитет был образован указом императора от 25 февраля 1864 года для того, чтобы различные министерства проводили в польских провинциях единую политику¹⁹⁰. Как часто и бывало в поликратической центральной администрации царской России, этот комитет превратился в место, где разыгрывались конфликты между ведомствами с различными интересами и велись длительные переговоры по поводу проблемных случаев. Комитет представлял свои решения царю на утверждение, но в многочисленных конфликтных ситуациях мог и возвращать обсуждаемые проекты реформ либо проекты процедур и законов в министерские департаменты для переработки¹⁹¹.

Наместник или генерал-губернатор должен был регулярно иметь дело с этим органом, так как предложения главного варшавского чиновника, поданные непосредственно на высочайшее имя, царь тоже часто перенаправлял в комитет. Это касалось прежде всего крупных проектов реформ, в которых были задействованы департаменты нескольких министерств. Такая инициатива, как предложенное генерал-губернатором Альбединским введение выборных органов муниципального самоуправления, обстоятельно обсуждалась на заседаниях комитета, а в итоге оказалась размотана между жерновами противоречивых позиций его членов¹⁹².

Сферы компетенций при принятии важных решений, касавшихся Царства Польского, не были четко определены. То, какие директивы мог издавать тот или иной член комитета, в значительной степени зависело от расклада сил и обстоятельств в каждом конкретном случае и от состава акторов, принимавших участие в работе. Сильный министр или влиятельный обер-прокурор мог быстро превратить комитет в инстанцию, серьезно конкурирующую с генерал-губернатором. Для последнего комитет представлял собой этакого досадного супостата еще и постольку, поскольку верховный чиновник в Привислинском крае считал, что его статус непосредственного представителя царя в Варшаве этим комитетом умалается. Подобные внутренние напряженности и противоречия между интересами участников превратили Комитет по делам Царства Польского в такую инстанцию, которая блокировала проекты реформ, привносимые извне, а собственной активной польской политики почти не вела. Роль инициатора каких-либо крупных преобразований она брала на себя крайне редко.

Столкновения между генерал-губернатором и центральными инстанциями налагали решающий отпечаток и на коммуникацию между генерал-губернатором и руководителями столичных министерств. Переписка между главным варшавским чиновником и министерствами военных дел, просвещения и финансов демонстрирует многочисленные конфликты: здесь сталкивались ведомственные интересы – например, когда Военное министерство по стратегическим причинам вмешивалось в инфраструктурные проекты в Привислинском крае или когда петербургские министры проводили инспекции, чтобы выявить нарушения правил конкуренции со стороны польских предпринимателей, якобы имевшие место. Вместе с тем речь всегда шла еще и о распределении власти: так, варшавский генерал-губернатор Имеретинский пытался в конце XIX века отобрать у Министерства финансов контроль над местными коммерческими училищами, поскольку видел в существующей ситуации посягательство на властные полномочия на «своей» территории¹⁹³.

Однако наибольшее количество конфликтов возникало с министром внутренних дел. Это было связано с тем, что его ведомство должно было регулярно принимать решения, непосредственно касавшиеся управленческой деятельности генерал-губернатора. Даже на свои прошенные о расширении полномочий в кризисные периоды последнему приходилось получать одобрение в петербургском Министерстве внутренних дел; кроме того, министру внутренних дел

---

¹⁹⁰ Российский государственный исторический архив [далее – РГИА]. Ф. 1270. Оп. 1.

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 72–75 об.

¹⁹² Там же. Л. 1–43.

¹⁹³ Там же. Д. 89. Л. 61–62.

были подчинены губернаторы польских провинций; он же назначал и кандидатов на должности в местных полицейских органах и магистратах. В Привислинском без согласия столичного министра нельзя было выдать ни одного разрешения на создание общественной организации, и ни один приговор о ссылке, вынесенный варшавским генерал-губернатором, не мог быть приведен в исполнение без одобрения с Фонтанки. Конечно, в таком положении находился отнюдь не только генерал-губернатор Привислинского края – то была общая судьба губернаторов в Российской империи: их влияние в Петербурге и при царском дворе постепенно уменьшалось, тогда как министры внутренних дел, а после 1906 года премьер-министры, становились все влиятельнее¹⁹⁴.

Таким образом, конфликты между представителями центрального правительства и местной администрации были системно запрограммированы и, соответственно, многочисленны. И все же варшавскому генерал-губернатору удавалось ограничивать роль министра внутренних дел в местных вопросах управления Царством Польским. В ряде случаев генерал-губернатор смог даже настоять на своем вопреки воле министра, в других – хотя бы модифицировать петербургские директивы, чтобы привести их в соответствие с местными условиями и своими приоритетами¹⁹⁵. Хотя политическая и административная практика в Привислинском крае не могла осуществляться помимо центральных инстанций и есть множество примеров того, как проекты генерал-губернаторов, застревая в бюрократических чащобах Петербурга, оставались нереализованными, эта зависимость работала и в обратном направлении: петербургские инстанции тоже не могли действовать через голову варшавского генерал-губернатора. В условиях перманентного торга по поводу распределения власти и полномочий внутри аппарата управления генерал-губернаторы – по крайней мере, сильные – могли обеспечивать себе достаточно обширный простор для принятия существенных решений в «своих» провинциях.

Как ни удивительно, но абсолютный характер власти русских царей мало что менял в таком положении дел. Самодержец, конечно, был высшей инстанцией. Своими указами и кадровой политикой он определял направление политики режима в Привислинском крае. Царь лично направлял в Царство Польское генерал-губернаторов и губернаторов, к нему поступали их ежегодные доклады, и ему рапортовали ревизоры, направленные для контроля деятельности местной администрации. Он поручал соответствующим министрам разрешение спорных вопросов, ему представлялись все компромиссные формулировки Комитета по делам Царства Польского, и к нему обращался генерал-губернатор, если хотел принять какие-то меры в обход министра внутренних дел. Таким образом, монарх стоял в центре системы циркуляции информации и принятия решений, а в качестве верховного арбитра мог также, если хотел, разрешать конфликты между административными органами. И тем не менее трудно говорить о последовательной польской политике – как со стороны императора, так и со стороны межведомственного комитета.

Правда, Александр II проводил в ограниченных пределах одну последовательную линию – когда в период после Январского восстания 1863 года осуществлял административную реформу в Привислинском крае и курировал работу Учредительного комитета в Царстве Польском. Об этом свидетельствует также и то, что император дополнительно создал Канцелярию по делам Царства Польского и много внимания уделял «польскому вопросу»¹⁹⁶. Но уже правление Александра III отличалось значительно более сдержанной позицией в отношении польских губерний. Здесь самым важным его решением было, несомненно, назначение в 1883 году варшавским генерал-губернатором Иосифа Гурко. Монарх, таким образом, поставил во главе

---

¹⁹⁴ См.: *Robbins R. G. The Tsar's Viceroys. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca, 1987.* Прежде всего р. 63–64, 71, 85–90.

¹⁹⁵ РГИА. Ф. 1327 (1905–1915). Оп. 2. Д. 21. Л. 122–125.

¹⁹⁶ См.: *Новодворский В. Царство Польское.*

администрации Привислинского края человека, энергично укрепляющего «русский элемент» в Царстве Польском и в этом смысле действующего в соответствии со взглядами самодержца. В остальном же на время правления Александра III не выпало каких-либо достойных упоминания мероприятий короны по изменению законодательства или реструктуризации административного аппарата, которые касались бы Привислинского края. Это положение изменилось при последнем царе, Николае II, но лишь постольку, поскольку тот вззошел на престол с обещаниями ряда реформ, что произвело эффект, заметный на польских территориях. Смена власти сопровождалась сменой персонала администрации в Царстве Польском. Однако в этом отношении было бы преувеличением говорить о некоей цельной польской политике. Речь шла скорее о решениях, которые, как, например, указы 1897 и 1905 годов о религиозных практиках, касались всей империи и польских провинций в частности. Ни царь, ни его окружение не думали сколько-нибудь последовательно о том, как интегрировать этот богатый конфликтами регион в имперское целое. Когда события революции 1905 года на западной периферии России начали развиваться с головокружительной быстротой, Петербург оказался к этому совершенно не подготовлен.

Впрочем, как справедливо отмечают историки, лавирующий, реактивный характер был вообще характерен для действий властей многонациональной Российской империи. В господствующих представлениях о государственном интересе идея интервенционистского государства была проявлена мало. Конечно, существовала петровская традиция царя-реформатора, не останавливающегося даже перед радикальной трансформацией внутреннего строя своей державы. Но в том, что касалось структуры многонационального государства, эта традиция была развита сравнительно слабо. Здесь элементы старинного подхода, согласно которому завоеванные территории интегрировались в состав империи без утраты своих социальных и правовых особенностей, сохранялись и после 1860 года, когда Российская империя начала стремительно модернизироваться. Даже административно-правовая унификация, к которой стремился Александр II, и попытки осуществить эту гомогенизацию на практике в ряде периферийных областей империи, предпринятые его преемниками, отличались во многом непоследовательным характером. Пусть полякам, прибалтийским немцам или финнам и казалось, что проводится скоординированная политика русификации, эти меры все же оставались на уровне административных, правовых и образовательных систем. А более далекоидущая национальная политика в виде социальной инженерии вообще не относилась в то время к числу категорий, в которых мыслили имперские чиновники. Поэтому неудивительно, что меры политики поселений были такими же половинчатыми, как и рефлексия по поводу того, можно ли использовать целенаправленное управление экономикой, чтобы править многонациональной империей.

Почти полное отсутствие концепции в деятельности центральных органов и самодержца оказывало на административную практику в провинции вполне конкретный эффект: лица, принимавшие решения на местах, получали значительную свободу в проведении собственных идей. Хотя и для генерал-губернаторов было характерно домодерное мышление, согласно которому государственным органам надлежало сосредоточиваться в первую очередь на обеспечении общественного спокойствия и порядка, а в польском случае – еще и пресекать все сепаратистские устремления, тем не менее повседневная административная деятельность требовала вмешательства высшего должностного лица в Варшаве во множество различных дел. На этом-то влиянии на повседневные практики имперского управления и основывалась сила генерал-губернатора. Царь, его министры и Комитет по делам Царства Польского были далеко. В основном именно генерал-губернатор и его политические предпочтения определяли режим сосуществования конфессий и народов на местах и то, насколько велик будет конфликтный потенциал в локальных столкновениях интересов¹⁹⁷.

---

¹⁹⁷ Схожие результаты дали и исследования по другим окраинам Российской империи. См., например, по западным

Чтобы не допустить превращения этой самостоятельности местной администрации в неконтролируемое своевластие, Петербург использовал проверенные инструменты: инспекции и ревизии. Центр направлял особых уполномоченных чиновников, которые должны были вскрывать в провинциях злоупотребления и недостатки. Эти контрольные поездки вполне обоснованно воспринимались в периферийных ведомствах как серьезная угроза, и к ним заранее лихорадочно готовились¹⁹⁸. Однако крупные ревизионные поездки – вроде визита в Царство Польское в 1910 году сенатора Дмитрия Нейдгарта – плохо годились для того, чтобы снова взять местных акторов на короткий поводок, и одновременно были косвенным выражением той большой свободы, которую за многие годы завоевали генерал-губернаторы. К 1910 году природа ревизии изменилась мало: это как была, так и осталась прежде всего большая интрига. Контрольную поездку сенатора в Царство Польское инициировал премьер-министр Петр Столыпин – так как находился в конфликте с варшавским генерал-губернатором Георгием Скалоном. Столыпин ввел в игру, в качестве уполномоченного, сенатора Нейдгарта – своего шурина, о котором не без оснований говорили, что он имеет собственные виды на пост генерал-губернатора. Неудивительно, что итоговый отчет о ревизии оказался просто уничтожающим для Скалона: были выявлены многочисленные недостатки и злоупотребления в управлении провинцией, и все они указывали на то, что дело в «самовластии» ряда местных чиновников, обособившихся от петербургских властей¹⁹⁹. И все же попытка дискредитировать действующего генерал-губернатора и добиться его отстранения не удалась: Скалон сумел удержаться на посту до самой своей смерти в 1914 году. В этом случае ревизия оказалась довольно тупым оружием в руках центра, попытавшегося более активно вмешаться в жизнь автономно действующей местной администрации. Результатом ревизии стал весьма объемистый доклад, не имевший, однако, каких-либо конкретных последствий.

Высший царский чиновник в Варшаве мог осуществлять свою власть на местах не в последнюю очередь благодаря опоре на губернаторов десяти губерний, на которые было поделено Царство Польское. Хотя эти губернаторы были встроены в структуру Министерства внутренних дел, все же в подавляющем большинстве случаев они, надо полагать, как на главную инстанцию ориентировались на генерал-губернатора. Ведь именно он мог оказывать определяющее влияние на рутинную ротацию чиновников и на перевод каждого из них в более или менее привлекательные ведомства. Нередко вся карьера чиновника, от начала и до конца, протекала в пределах административных границ Царства Польского; часто именно действующему генерал-губернатору человек был обязан своим прежним возвышением в иерархии должностей и рангов. К этому добавлялся старый добрый принцип абсолютистского двора, когда посредством смеси из взаимной конкуренции, интриг и доносов, прямой подотчетности по службе, а также приглашений на приемы и личные аудиенции губернаторы оказывались привязаны к персоне генерал-губернатора²⁰⁰. Во всяком случае, в деятельности губернаторов мы видим мало признаков изменения лояльности, которые говорили бы о переориентации на министров центрального правительства. Это тоже вело к тому, что прямое влияние далекого петербургского министра внутренних дел в польских провинциях было довольно слабым.

регионам: *Dolbilov M.* Russian Nationalism and the Nineteenth-Century Policy of Russification in the Russian Empire's Western Region // Matsuzato K. (ed.). *Imperiology. From Empirical Knowledge to Discussing the Russian Empire.* Sapporo, 2007. P. 141–158; *Staliunas D.* Between Russification and Divide and Rule. Russian Nationality Policy in the Western Borderlands in the mid-19th Century // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* 2007. Bd. 55. H. 3. S. 357–373; *Weeks T. R.* A National Triangle.

¹⁹⁸ AGAD. KGGW. Sygn. 9068. Kart. 156–156v.

¹⁹⁹ Об этом см.: *Нейдгарт Д. Б.* Всеподданнейший отчет о произведенной в 1910 году по Высочайшему повелению Гофмейстером Двора Его Императорского Величества Сенатором Нейдгартом ревизии правительственных и общественных установлений Привислинского края и Варшавского военного округа: В 2 т. СПб., 1911. О конфликте между Скалоном и Нейдгартом см. также: *Горизонтов Л. Е.* Выбор носителя «русского начала» в польской политике Российской империи. 1831–1917 // Хорев В. А. (ред.). *Поляки и русские в глазах друг друга.* С. 107–116, здесь с. 110–111.

²⁰⁰ Об этом см.: *Chimiak Ł.* Gubernatorzy rosyjscy. S. 276–279.

В остальном губернаторы играли в местной администрации центральную роль. Поэтому ниже эти должностные лица будут представлены в кратком коллективном портрете, где, наряду со служебными обязанностями и карьерными моделями, будут показаны и различия между ними в индивидуальной административной практике. В отличие от генерал-губернаторов местные властители только в исключительных случаях были людьми военными – напротив, с 1880-х годов большинство их получало гражданское высшее образование в одном из университетов Российской империи²⁰¹.

Как варшавский генерал-губернатор утверждал свою автономию от Петербурга, так и десять губернаторов со своими канцеляриями действовали у себя в губерниях в значительной мере самостоятельно. Относительная автономия была характерна прежде всего для губернатора Петроковской губернии – экономически развитой, но в то же время политически неспокойной территории, включавшей промышленный центр Лодзь. Менее однозначным было положение варшавского губернатора, которому приходилось теснее сотрудничать с вышестоящей и более сильной властью генерал-губернатора, а также с влиятельным главным полицеймейстером и с президентом города Варшавы. Остальные восемь губернаторов стояли заметно ниже этих двух в чиновной иерархии Царства Польского. В своем медленном карьерном восхождении имперский чиновник мог пройти через несколько губернаторских должностей до того, как оказывался достойным или достаточно способным кандидатом на пост варшавского либо петроковского губернатора. С другой стороны, имея хотя бы краткий опыт службы в качестве вице-губернатора в Варшаве, человек считался пригодным для занятия губернаторского поста в провинции. Разница в значении между территориями отражалась и в рангах должностных лиц, руководивших ими. Варшавские и петроковские губернаторы, как правило, имели чин тайного советника, относившийся к третьему классу Табели о рангах; у некоторых из них не было гражданского чина, а имелся только военный. Среди других губернаторов значительно чаще встречались обладатели чина четвертого класса – действительные статские советники²⁰².

Но и между провинциальными губерниями Царства Польского существовали тонкие различия. Так, Седлецкая и Сувалкская губернии выделялись прежде всего смешанным, многонациональным и многоконфессиональным составом населения и теми конфликтами, которые из-за этого возникали после 1900 года, а Калишская, из-за своего расположения у самого западного рубежа империи, считалась стратегически важной и притом проблемной территорией. Губернатор значительно влиял на местные дела, и от того, как он правил своей губернией, зависело и то, как складывались отношения между царской бюрократией и местным коренным населением. Спектр акторов и предпочитаемых ими стилей исполнения должностных обязанностей был велик: от печально известных «полонофобов», которые порой сознательно искали конфликта с местным обществом, до сторонников мирного сосуществования, которые приобретали хорошую репутацию в регионе благодаря своей толерантности и вниманию к местным проблемам.

Однако влияние провинциальных правителей сильно ограничивалось тем, что по законам системы ротации государственной бюрократии польские губернаторы, подобно своим внутрироссийским коллегам, обычно служили в одной губернии всего несколько лет, а затем их

---

²⁰¹ В 1880 году всего лишь один из десяти высокопоставленных провинциальных чиновников имел за плечами военную карьеру. Это были в основном люди старшего поколения, родившиеся до 1820 года, которые были направлены в Привислинский край в первые десятилетия после разгрома Январского восстания 1863 года. Из родившихся же после 1820 года 90% имели университетское образование.

²⁰² Чины по Табели о рангах представляли собой пожалованные почетные титулы и не соответствовали в точности ступеням «штатной» системы, по которой Министерство внутренних дел ставило каждый вид служебной деятельности в соответствие тому или иному «рангу», или «классу». Так, служба губернатором провинции автоматически означала согласно этой системе четвертый класс, а вице-губернатором – пятый. См.: *Еврейшов В. А.* Гражданское чиновничество в России. СПб., 1888. С. 110–112.

переводили в другое место в крае²⁰³. Такая циркуляция имперских чиновников способствовала и появлению признанных «экспертов по Польше» на уровне губернаторов. Многие губернаторы не только имели длительный стаж службы на других должностях в Привислинском крае, но и, зарекомендовав себя с лучшей стороны на должности главы одной из польских губерний, в глазах министра внутренних дел казались просто самой судьбой предопределенными для управления и прочими территориями в Царстве Польском. По крайней мере, бросается в глаза, что некоторые из губернаторов всю свою карьеру сделали, оставаясь в границах Привислинского края. Поэтому мнение, что царской бюрократией в польских губерниях руководили по преимуществу люди чужие и незнакомые с местными условиями, требует пересмотра: некоторые из этих чиновников, хотя и не родились на берегах Вислы, провели большую часть своей жизни и службы в польских провинциях и, несомненно, стали с годами прекрасно осведомлены о местных условиях.

О том, что длительная карьера в Привислинском крае не обязательно имела следствием особую близость к местному населению, свидетельствует пример сувалкского и люблинского губернатора Владимира Тхоржевского. За время своей более чем сорокалетней службы в Царстве Польском этот человек превратился в заклятого врага поляков и католической церкви, проводил, особенно в Люблине, непримиримую политику конфронтации – даже в те времена, когда генерал-губернатор Имеретинский стремился к разрядке напряженности²⁰⁴. Наличие полонофобии у Тхоржевского не лишено было и определенной иронии, ведь он принадлежал к числу тех немногих губернаторов, что происходили из польско-католических семей. Видимо, в силу этого у него была особенно выраженная потребность дистанцироваться от всего польского. Таким образом, даже очень близкое знакомство с Царством Польским не гарантировало дружественного к нему отношения. И все же не случайным было то, что почти легендарный «полонофоб» – плоцкий губернатор Леонид Черкасов – прибыл извне, прежде почти всю жизнь прослужив во внутренних районах России. Черкасов был направлен в Царство Польское в 1884 году, в период максимального обострения польско-русского антагонизма, и вел себя соответствующе, избегая любого контакта с местным населением²⁰⁵.

Но были и другие примеры, когда губернаторы за долгие годы службы в Царстве Польском сроднились с польской культурой и местным населением. Так, Михаил Дараган, который стоял во главе Калишской губернии почти двадцать лет – с 1883 по 1902 год, – считался великим заступником местного общества. Так же и многолетний петроковский губернатор Константин Миллер старался наладить контакт с польским населением и нанял целый ряд поляков католического вероисповедания на важные посты в своей администрации²⁰⁶. В этом смысле спектр стилей властвования у имперских чиновников в Царстве Польском был широк. И тем не менее в целом можно сказать, что контакты провинциальных губернаторов с местным обществом были удивительно плотными и оживленными. Наряду с периодами конфронтации всегда имелись и длительные периоды, в течение которых большинство имперских должностных лиц стремились к максимально бесконфликтному сосуществованию с местным населением.

Если генерал-губернатор и его губернаторы были центральными опорами царской администрации в Царстве Польском, то охрана общественного порядка возлагалась на структуры полицейского аппарата. С 1866 года полицейские органы в Привислинском крае были значительно расширены.

---

²⁰³ Бывали и многочисленные случаи очень короткой службы – по два или три года. Так, варшавский губернатор Евгений Рожнов провел на своей должности всего лишь три года, с 1863 по 1866-й. Особенно часто меняли свои посты провинциальные губернаторы.

²⁰⁴ См. также: *Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy. S. 237–244.*

²⁰⁵ См. также: *Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy. S. 230–236.*

²⁰⁶ ГАРФ. Ф. 996. Оп. 1 [Дневник К. К. Миллера, 1887–1910]; AGAD. KGGW. Sygn. 6481. Kart. 2–38v.

Всеми полицейскими делами в Варшаве руководил, по столичному образцу, влиятельный обер-полицмейстер. Его обязанности были разнообразны: помимо донесений о «настроениях населения» в польских провинциях, он в своих ежегодных отчетах сообщал в Петербург данные о демографической и экономической ситуации, об образовании и об общественной жизни в целом. Статистика преступлений была лишь частью тех обширных обследований, которые проводили начальник варшавской полиции и его канцелярия, размещавшаяся на Театральной площади²⁰⁷.

Одной из центральных задач этих рапортов была оценка политических течений в польском обществе, а также – в первую очередь – обзор нелегальной деятельности запрещенных движений и партий. Варшавские обер-полицмейстеры стояли во главе службы, которая достаточно часто своими актами произвола способствовала тому, что для коренного населения полицейские были, пожалуй, самыми ненавистными представителями царской администрации в Царстве Польском. Полицейский произвол выражался прежде всего в высылке «нежелательных лиц» из Царства Польского – в этой форме он особенно свирепствовал после революции 1905 года. Административная высылка инициировалась полицмейстером и им же, после одобрения генерал-губернатором, приводилась в исполнение.

Институциональная сеть полицейского ведомства простиралась до губернского и уездного уровней. Петербургские власти очень заботились о том, чтобы – в отличие от гражданской администрации – таким тонким делом, как безопасность государства, занимались, насколько это возможно, люди извне. В повятах полицейским помогали «начальники земской стражи», рекрутируемые из низших чинов армии и состоящие под командой офицеров²⁰⁸.

Параллельно с регулярной полицией, в Царстве Польском существовали аппараты Корпуса жандармов и охранки. Оба были серьезно представлены в Варшаве институционально: за исключением Санкт-Петербурга и Москвы, польская столица была единственным городом в Российской империи с собственным жандармским дивизионом и собственным бюро Третьего отделения. И жандармы, и охранка отвечали за вопросы государственной безопасности. Тайная полиция содержала в Царстве Польском разветвленную агентурную сеть и занималась революционными партиями и террористическими ячейками²⁰⁹.

Несмотря на эту институциональную параллельную структуру, попытки государства поставить полицейский аппарат в Привислинском крае на стабильный и широкий фундамент оказались в конечном счете бесплодными, потому что расширение этого ведомства не поспевало за взрывообразным ростом населения в польских провинциях. К тому же специальные выплаты сотрудникам плохо компенсировали быстрый рост цен в Царстве Польском, так что опасная и хлопотная служба была малопривлекательна в материальном отношении. К исходу XIX столетия жалобы на недостаток персонала, высокую текучесть кадров, а также на низкий профессиональный и этический уровень сотрудников полиции поступали в центр постоянно. Полиция не без оснований считалась одним из самых коррумпированных учреждений, затмевая даже легендарное взяточничество низовых чиновников государственной администрации. Революция 1905 года окончательно продемонстрировала, насколько неэффективным и неадекватным своим задачам был полицейский аппарат в кризисной ситуации²¹⁰.

Слабость полиции способствовала тому, что другие органы царской администрации влияли на повседневную жизнь в Царстве Польском значительно сильнее, чем она. Это отно-

---

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел, 1881–1914). Оп. 255. Д. 1.

²⁰⁸ Там же. Ф. 215. Оп. 1. Д. 94. Л. 26 об. – 27 об.

²⁰⁹ См., в частности, воспоминания начальника варшавской охранки: *Заварзин П. П.* Работа тайной полиции: Воспоминания. Париж, 1924.

²¹⁰ См. донесение британского генерального консула Мюррея от 13 июля 1906 года: *Lieven D.* (ed.). *British Documents on Foreign Affairs. Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I: From the Mid-Nineteenth Century to the First World War. Series A: Russia, 1859–1914.* Bethesda, 1983. Vol. 4. P. 131 (Doc. 86).

сится прежде всего к ведомству народного просвещения, которое своей школьной политикой вызвало бесчисленные конфликты с местным населением. Но и деятельность городского и сельского местного самоуправления, а также Цензурного комитета оказывала существенное влияние на отношения между польским обществом и петербургскими властями.

Варшавский цензурный комитет был важным учреждением, призванным способствовать поддержанию политического спокойствия в Царстве Польском. Он должен был утверждать все публикации, выходившие на месте, а также любые импортируемые печатные издания, так что его роль в долгосрочном формировании культурного ландшафта Привислинского края была весьма высока²¹¹.

Это же относится и к той инстанции, которая отвечала за образовательные учреждения в Царстве Польском. Заведовавший ею чиновник – попечитель Варшавского учебного округа – подчинялся петербургскому министру народного просвещения и отвечал за организационные, кадровые и учебные вопросы в государственных школах и высших учебных заведениях. Хотя основополагающие стратегические решения, касающиеся системы образования, принимались на более высоком уровне, директивы попечителя в области школьной практики очень заметно влияли на повседневную жизнь коренного населения. Такой попечитель, как Апухтин, был особенно ненавидим еще и потому, что являлся не просто исполнителем решений, спущенных из Петербурга, но и могущественным актором, проводившим самостоятельную антипольскую образовательную политику в Привислинском крае²¹². Это было наиболее заметно в те времена, когда попечитель учебного округа и генерал-губернатор пребывали в гармонии друг с другом. О том, что практика, ориентированная на реформу, и практика, ориентированная на стабильность, тоже могли усиливать друг друга, говорит пример, относящийся к 1890-м годам. В то время генерал-губернатором в Варшаве был избегавший конфликтов Александр Имеретинский, а учебным округом заведовал Валериан Лигин. Его образовательная политика после 1897 года отличалась прежде всего тем, что при составлении новых учебных планов он искал диалога с польским населением. Во всех этих случаях становится очевидным, какое огромное влияние попечитель оказывал на повседневную образовательную и культурную ситуацию в Царстве Польском. Многие конфликты с местным населением возникали именно по поводу вопросов, которые касались школ и преподавания в них, поэтому личность человека, занимающего пост попечителя, имела большое значение для спокойствия в крае.

Панорама инстанций имперской администрации в польских провинциях была бы неполной, если бы мы не упомянули местные административные структуры. В сельских районах в ходе реформ 1864 года были созданы органы самоуправления на уровне гмины. Собрания жителей гмины вел ее избранный глава – войт, выполнявший в данном поселении низовые полицейские, административные и правовые функции²¹³. Таким образом, в селах существовали по крайней мере рудиментарные структуры самоуправления, которые активизировались прежде всего во время революции 1905–1906 годов. В более же спокойные времена возможности у войтов были крайне ограничены и строго контролировались российскими чиновниками.

Города в Привислинском крае, напротив, были полностью лишены возможности создавать выборные органы самоуправления. Крупные городские центры управлялись магистратом, назначаемым министром внутренних дел. В губернских городах магистрат подчинялся местному губернатору, который регулярно и глубоко вмешивался в дела муниципального управле-

---

²¹¹ См. документы Варшавского цензурного комитета в: ГАРФ. Ф. 312. Оп. 1. Ед. хр. 6 (1896–1915); AGAD. WKС. Sygn. 1–162.

²¹² См., например: *Дьячан Ф. Н.* Ко дню юбилея пятидесятилетней службы А. Л. Апухтина, попечителя Варшавского учебного округа. М., 1890.

²¹³ См.: Гминный законник. Указания, распоряжения и разъяснения для руководства должностных лиц гминного управления в губерниях Царства Польского. СПб., 1896.

ния. Неким исключением были магистрат и городской президент Варшавы: несмотря на формальную зависимость от Министерства внутренних дел и генерал-губернатора, Варшавский магистрат все же отличался большей самостоятельностью. В его ведении находился крупный и постоянно растущий бюджет города, и решения магистрата по проектам городского развития имели для Варшавы большое значение²¹⁴. Некоторые варшавские президенты интерпретировали свою роль как весьма активную.

Муниципальная администрация до 1915 года неизменно назначалась государством: все проекты, направленные на учреждение выборных органов городского самоуправления в привислинских губерниях, были размотаны в жерновах конфликтов между заинтересованными сторонами. После 1911 года соответствующие законопроекты так долго курсировали между Думой, Государственным советом, а также их специальными комиссиями, что в конечном счете понадобилось чрезвычайное распоряжение царя в соответствии с параграфом 87, введённое в марте 1915 года в Царстве Польском городские думы с ограниченными полномочиями. Однако это распоряжение не возымело практического действия, поскольку спустя всего несколько месяцев Варшава была занята германскими войсками.

В целом система, постепенно установленная в Привислинском крае за первые два десятилетия после Январского восстания 1863 года, оказалась удивительно стабильной. Несколько формальных изменений, таких как замена заместника генерал-губернатором, не повлияли на административную практику, как не повлияли на нее и постепенные сдвиги баланса власти, в ходе которых центральные министерства с 1890-х годов приобретали все большее значение в ущерб власти местных губернаторов. Сильное положение варшавского генерал-губернатора значительно смягчало данный процесс. Это относится и к произошедшим после 1905–1906 годов изменениям в политической системе России, вызванным Манифестом 17 октября. Поскольку все проекты, направленные на установление более широкой культурной автономии, потерпели такую же неудачу (или их рассмотрение было затянуто до бесконечности), как и проекты создания органов самоуправления, система, сложившаяся после Январского восстания, до конца российского владычества в Привислинском крае оставалась в основном без изменений. Демонтаж в 1915 году этих структур, созданных в 1860–1870-е, был вызван внешними причинами – войной и вторжением германских войск.

---

²¹⁴ AGAD. KGGW. Sygn. 5855. Kart. 8–8v. Доходы городской казны в 1865 году составили 1,6 млн рублей. В 1878 году они выросли до 2 млн рублей, в 1888-м – магистрат распоряжался уже 3,9 млн, а в 1894-м – 5,3 млн рублей. К 1914 году бюджет города увеличился во много раз и насчитывал уже 16,1 млн рублей. Подробнее см.: Финансы города Варшавы за 22-летний период (1878–1899). Варшава: Статистический отдел Магистрата города Варшавы, 1901. С. 14–17.

ИМПЕРСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И «ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР»: НАМЕСТНИКИ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРЫ 1864–1915 ГОДОВ

В системе управления Царством Польским в период после Январского восстания наместник или генерал-губернатор был главным царским представителем в Привислинском крае. Хотя он действовал в поле сил, в котором акторы, находившиеся в далеком Петербурге, или другие местные инстанции имели весомый голос, его убеждения касательно целесообразности той или иной политики, его интерпретация собственных должностных обязанностей, а также его предпочтения в области политико-коммуникативного стиля оказывали определяющее влияние на отношения между имперской администрацией и населением в Царстве Польском. В административной структуре, которая была в огромной мере адаптирована к личности генерал-губернатора и открывала ему значительные возможности для самостоятельного действия, очень большое значение имело то, кого именно царь направлял своим представителем в Варшаву. Генерал-губернаторы оставались на посту поразительно долго, зачастую целое десятилетие, поэтому каждый из них накладывал свой заметный индивидуальный отпечаток на конкретный облик петербургского владычества над Польшей. От тех, кто был представителем императора на Висле, в большой мере зависела интенсивность конфликтов между местным населением и имперскими властями, а также возможность реформ и сотрудничества. Поэтому нельзя не задаться вопросом о том, какими управленческими концепциями, какими представлениями об империи в целом и, следовательно, какими мыслительными категориями руководствовался тот или иной генерал-губернатор. Ответы на этот вопрос будут даны в представленных ниже портретах царских наместников и генерал-губернаторов Привислинского края.

Федор Федорович Берг и Павел Евстафьевич Коцебу

Первый длительный период истории российского владычества в Польше после Январского восстания нес на себе отпечаток личности наместника Федора Федоровича Берга, а затем – сменившего его генерал-губернатора Павла Евстафьевича Коцебу. На время службы Берга – одиннадцать лет, с 1863 по 1874 год, – пришлось большинство упомянутых выше административных нововведений, которые определили новую структуру управления Царством Польским²¹⁵. Некоторые более поздние меры, направленные на сглаживание польских «особенностей», были инициированы или осуществлены генерал-губернатором Коцебу. Например, к периоду его полномочий, продолжавшемуся до 1880 года, относится ликвидация греко-католической (униатской) епархии в Хелме, означавшая конец институционального существования униатской церкви в Российской империи. Коцебу также предпринимал усилия по насаждению русского языка «в качестве государственного» в начальных школах Привислинского края и препятствовал введению избранных глав городских гмин в польских провинциях²¹⁶.

---

²¹⁵ Граф и генерал-фельдмаршал Федор Федорович Берг (Фридрих Вильгельм Ремберг фон Берг, 1794–1874) еще раньше, когда в 50-е годы был генерал-губернатором Финляндии, снискал себе репутацию человека, не останавливающегося ни перед чем в отстаивании интересов центральной власти. В 1861 году, после многочисленных конфликтов с местным шведским и финским обществом, Александр II отозвал его. В качестве помощника великого князя Константина, в то время императорского наместника в Царстве Польском, Берг играл важную роль уже во время начальной фазы Январского восстания. В 1866 году он был произведен в фельдмаршалы и стал членом Государственного совета, оставаясь при этом наместником и продолжая жить в Варшаве. Умер он во время поездки в Петербург в январе 1874 года.

²¹⁶ Граф и генерал от инфантерии Павел Евстафьевич Коцебу (Пауль Деметриус фон Коцебу, 1801–1884) был сыном писателя Августа Фридриха Фердинанда фон Коцебу, но вырос в Петербурге. Он тоже приобрел как военный, так и административный опыт, служа на окраинах Российской империи, прежде чем его назначили в Варшаву. Так, уже в 20–40-е годы

Тем не менее именно в правление Коцебу произошло первое послабление в имперской административной политике: спустя десятилетие после подавления Январского восстания власть Петербурга была достаточно прочна, чтобы пойти на определенные уступки обществу Привислинского края. Поэтому Варшавский цензурный комитет разрешил такую публицистическую деятельность, в ходе которой молодое поколение польских позитивистов обнародовало свои позиции, сформировавшиеся под влиянием идей Огюста Конта. В подъеме этого, так называемого варшавского позитивизма, ставшего определяющим признаком интеллектуальной жизни города в 1870–1880-х годах, косвенно отражался отказ от государственной политики, направленной прежде всего на подавление восстания, на репрессии и административное нивелирование польских провинций. Только в условиях, когда российское правление воспринималось как менее гнетущее, позитивистская концепция «работы у основ» (*praca u podstaw*) могла показаться достаточно привлекательной. Ориентация позитивистов на развитие нации, реализуемое в области культуры, экономики и техники, была совместима с отсутствием у этой нации собственного государства, но для того, чтобы начать осуществление подобной программы, требовалась ситуация стабильности, не воспринимаемой преимущественно как угнетение.

Петр Павлович Альбединский

То, что осторожно стало заявлять о себе при генерал-губернаторе Коцебу, подтвердилось при его преемнике – Петре Павловиче Альбединском. С приходом Альбединского в 1880 году на должность генерал-губернатора для польского общества начались «годы надежды»²¹⁷. Как и его предшественники, Альбединский до этого назначения приобрел репутацию эксперта по периферийным районам империи: с 1866 по 1870 год занимал пост генерал-губернатора Лифляндии, Эстляндии и Курляндии, а затем в том же качестве служил в северо-западных губерниях. В недавних исследованиях подчеркивается, что Альбединский, по крайней мере в прибалтийский период, проводил линию, благоприятствующую местным интересам²¹⁸.

Этот же политический стиль он попытался внедрить и в Привислинском крае. Уже в 1880 году новый генерал-губернатор инициировал проект всеохватной реформы для польских провинций. Доклад, который Альбединский представил императору в обоснование своего плана, дает четкое представление о восприятии генерал-губернатором насущных проблем Царства Польского, об оценке им польского общества и его развития, а также о тех политических категориях и образах будущего, в которых он мыслил. Этот документ, ключевой для изучения периода полномочий Альбединского, заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробнее²¹⁹.

Альбединский указал в своем докладе на то, что после Великих реформ 1864 года прошло уже шестнадцать лет – за это время общественная жизнь в Царстве Польском кардинально

он неоднократно участвовал в боевых действиях на Кавказе, а в августе 1831 года участвовал в оккупации Варшавы. При Александре II с 1862 по 1874 год занимал должность генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии, а также был командующим войсками Одесского военного округа. В 1880 году Коцебу был назначен членом Государственного совета и переведен в Петербург, чтобы в качестве эксперта участвовать в подготовке Госсоветом реформы местного военного управления.

²¹⁷ Такова меткая характеристика, данная в работе: *Wiech S. Rządy warszawskiego generała-gubernatora Piotra Albedynskiego – lata nadziei, lata złudzeń // Szwarz A., Wieczorkiewicz P. P. (red.). Unifikacja za wszelką cenę. S. 83–114. См. также: Wiech S. Warszawscy generałowie-gubernatorzy o sytuacji społeczno-politycznej Królestwa Polskiego. Raporty Albedynskiego i Szuwałowa z lat 1881 i 1896. Kielce, 2007; Idem. «Дыктатура serca» na zachodnich rubieżach Cesarstwa Rosyjskiego. Dzieje kariery wojskowo-urzędniczej Piotra Albedynskiego (1826–1883). Kielce, 2010.*

²¹⁸ Петр Павлович Альбединский (1826–1883) воспитывался в Пажеском корпусе, а затем избрал военную карьеру и дослужился до генерала от кавалерии. Назначение генерал-губернатором в Варшаву получил в сравнительно молодом возрасте: ему было всего 54 года; таким образом, он был гораздо моложе всех остальных царских наместников в Привислинском крае. Незадолго до своей ранней кончины, в 1881 году, Альбединский тоже был назначен членом Государственного совета.

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 1–43.

изменилась. Крестьяне освобождены от «вотчинного строя», и им предоставлено самоуправление на уровне гмины. Все население получило публичные суды и школы. В целом прогресс в стране значительный: теперь, после многолетних «бредней» в польском обществе, политические страсти уступили место интенсивной работе в экономической и интеллектуальной сферах. Привислинский край полностью сосредоточился на своем внутреннем развитии и год от года становится все более богатым и умственно зрелым. В первую очередь применительно к молодежи можно сказать, что здешние жители отrekliсь от прежних заблуждений и на основании знания, свободного от предрассудков, ориентируются исключительно на позитивную общественную деятельность. О столь отрадном развитии событий свидетельствует и то, что никаких антиправительственных происшествий в польских губерниях не наблюдается²²⁰.

Чтобы способствовать укреплению принципиально лояльных и готовых к сотрудничеству кругов местного общества, генерал-губернатор представил императору комплексную программу реформ. Она включала и улучшение земельного законодательства в пользу крестьян, и отмену дискриминационных положений в отношении бывших униатов, а также отмену других дискриминационных законов в отношении лиц польского происхождения, и вопросы политики в области просвещения и практики самоуправления. Предложения Альбединского в последних двух сферах были наиболее далекоидущими и весьма спорными. В том, что касалось государственного школьного образования, генерал-губернатор призвал к вовлечению общества в решение проблемных вопросов, и прежде всего в расширение сети начальных школ. С этой целью гмины должны были принимать участие в выборе учителей, а Закон Божий должны были преподавать местные священники. Кроме того, польский язык предлагалось снова ввести в качестве обязательного предмета в начальных школах и выделить на его изучение достаточное количество часов. Таким образом, Альбединский открыто выступил против политики попечителя Варшавского учебного округа, Апухтина, который только недавно, в 1879 году, перевел все преподавание в начальных школах на русский язык. Многочисленные жалобы польского населения на эти меры генерал-губернатор охарактеризовал как законные и неоднократно высказывал протест против «извращения цели» начальных школ и превращения их в «орудие обрусения крестьянства»²²¹

---

²²⁰ Там же. Л. 3–5.

²²¹ ГАРФ. Ф. 215. Оп. 1. Д. 76. Л. 15–16 об., 20, 23 об.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.